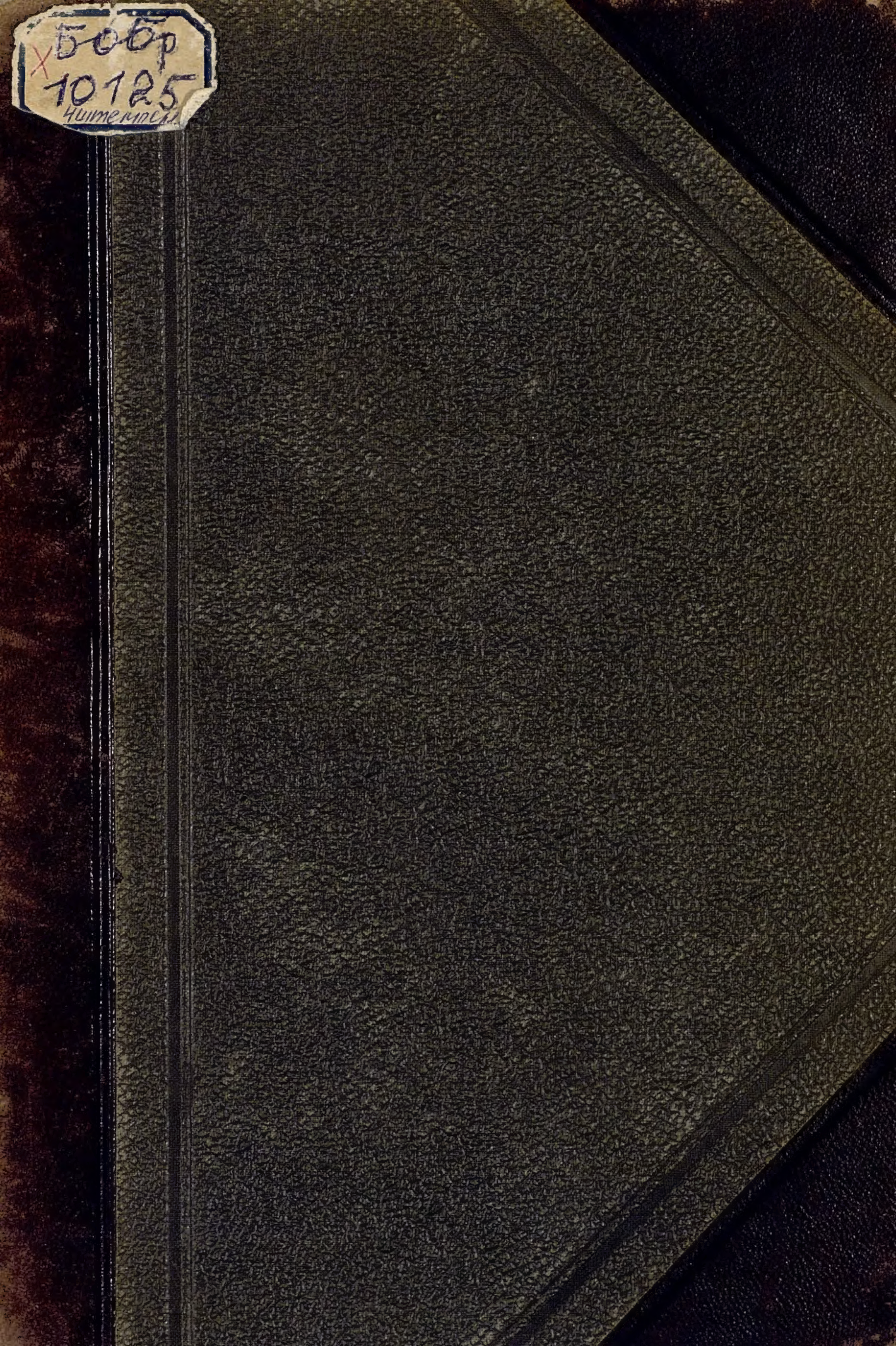
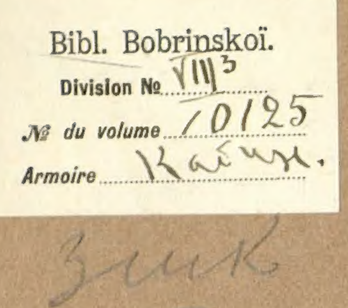

Зинк

Василія Михайловича
БИБЛІОТЕКА
КАШКАРОВА

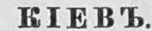

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ КРИВИЧСКОЙ и ДРЕГОВИЧСКОЙ ЗЕМЕЛЬ ДО КОНЦА XII СТОЛѢТІЯ.

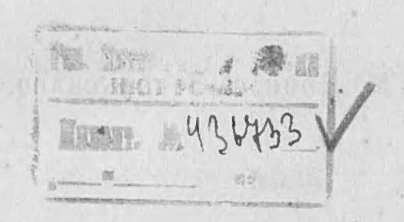
М. Довнара-Запольскаго.

КІЕВЪ.

 Типо-литографія ВЫСОЧАЙШЕ утв. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ.
Кіевское отдѣленіе. Бибиковскій бульваръ, № 8 б.
1891.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.
(Изъ „Университетскихъ Извѣстій“ 1890—91 года).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строки. Свер.	Строки. Сн.	Напечатано.	Нужно читать.
3	11	—	отличалось	отличались
7	—	8	значтеныя	значительныя
9	15	—	встрѣчаются, въ	встрѣчаются въ
9	16	—	валуни	валуны
9	—	4	насколько	нѣсколько
9	—	11	обыкновенны	обыкновенно
10	4	—	принесшихъ	принесшими
17	—	2	съвои	съ вои
19	—	16	приходить	проходить
19	—	5	указываевъ	указываетъ
26	8	—	Больвѣ	Болвѣ
26	9	—	вполовинѣ	въ половинѣ
42	—	2	Свирскей	Свирской
60	—	7	XIII ст.	XII ст.
61	—	4	1119 г.	1149
69	—	1	того что	того, что
70	1	—	сомостоятельность,	самостоятельность.
73	—	3	позднѣйшихъ	въ позднѣйшихъ
77	16	—	чародеѣ	чародѣѣ
90	—	1	пропущено:	Святослава, упом. въ 1140 г.
90	10	—	падаетъ	падать
101	16	—	искаше	„искаше
101	—	2	случилось	случилось;
106	4	—	опустшая	опустошая
106	—	8	по этому	поэтому
109	5	—	при томъ	притомъ
111	13	—	удержаться	держаться
119	—	14	не вступилъ	вступилъ
121	—	4 и 6	ять	ать
123	18	—	послалъ	послало
126	14	—	Святополку	Святославу

Quid potui, feci,
Faciant meliora potentes.

Выпуская настоящій свой трудъ въ свѣтъ, считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ pro domo sua.

Немогу не обратить вниманія критики на то, что предлагаемыя „Очерки исторіи Кривичской и Дреговичской земель" были написаны мною еще въ 1888 г. Рѣшаясь приступить теперь къ изданію ихъ, нельзя не сознаться, что они во многихъ отношеніяхъ далеко недостаточны; но всякому извѣстно, какъ трудно измѣнить кореннымъ образомъ разъ написанное, сколько представляетъ такая работа мучительныхъ затрудненій. Поэтому я рѣшился только на незначительныя измѣненія.

Причины, удерживавшія меня отъ изданія настоящаго труда болѣе двухъ лѣтъ, къ сожалѣнію, дѣйствительны и по настоящее время. Меня удерживало то обстоятельство, что нѣкоторые вопросы нашей древнѣйшей исторіи, въ основѣ своей, еще не подверглись разработкѣ, невыяснены, и именно тѣ вопросы, которые близко связаны съ исторіей нынѣшняго Сѣверо-Западнаго края; таковы вопросы о скандинавскихъ сагахъ, въ которыхъ не разъ упоминаются имена Полоцка и Смоленска, какъ источникѣ для нашей исторіи, о соотношеніи Кривичей къ Новгородскимъ Славянамъ, о Кривичской колонизаціи въ область угорскихъ и литовскихъ племенъ и др.; наконецъ, для уясненія внутренняго быта первобытной эпохи далеко недостаточны сдѣланныя до настоящаго времени археологическія ра-

скопки. Въ виду того, что намѣченные вопросы исторіи Кривичей и Дреговичей, равно какъ и другіе, тѣсно съ ними связанные, требуютъ болѣе тщательной и полной обработки, то мы рѣшились издать въ настоящее время только часть предположеннаго нами труда, надѣясь въ непродолжителкномъ времени выполнить и остальную. Вотъ почему остались невыполненными обѣщанія на стр. 62 разсмотрѣть вопросъ о колонизаціи.

Предлагаемое сочиненіе мы ограничиваемъ предѣлами XII вѣка, держась строго двухъ главныхъ задачъ: разсмотрѣть географическое положеніе Туровскаго, Смоленскаго и Полоцкаго княжествъ въ политическомъ отношеніи и прослѣдить теченіе политической жизни названныхъ княжествъ, насколько возможно то и другое по нашимъ лѣтописнымъ даннымъ.

Но и въ этихъ узкихъ рамкахъ трудъ нашъ, думается, не является вполнѣ отрывочнымъ. Мы заканчиваемъ исторію Кривичей и Дреговичей какъ разъ на томъ періодѣ, когда замѣчается въ немъ переломъ. Независимость Смоленскаго княженія вполнѣ установилась и оно стремится создать изъ себя центръ на западѣ, подобный Владимирскому княжеству на востокѣ; интересы Полоцкаго княжества обращаются на западъ, къ Нѣмцамъ и Литовцамъ; послѣдній элементъ, очевидно, начинаетъ занимать здѣсь видное мѣсто, входитъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ Полочанами, начинается въ немъ пробужденіе, которое замѣтно въ послѣдней четверти XII вѣка, трудно услѣдимое по имѣющимся источникамъ, но слѣды котораго рельефно сказались только къ половинѣ слѣдующаго столѣтія. Наконецъ, Турово-Пинская область получаетъ нѣкоторую самостоятельность, свою линію князей, интересы ея также обращаются, вслѣдствіе паденія Кіева, на западъ, къ Галичу, центръ земли изъ древняго Турова переходитъ въ Пинскъ.

Въ заключеніе считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить признательность профессорамъ: Владимиру Бонифатьевичу Антоновичу, Владимиру Степановичу Иконникову и Петру Васильевичу Голубовскому, содѣйствіе и указанія которыхъ во многомъ способствовали успѣшному ходу моихъ занятій.

„И нынѣ господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или недописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книги ветшаны, и умъ молодъ не дошелъ, слышите апостола Павла глаголюща: не клените, но благословите".

Послѣсловіе Лаврент. лѣтоп.

„Елико обрѣтохъ, толико люботруднѣ написахъ; а елика силѣ моей невозможно, то како могу наполнити, его же не видѣвъ предъ собою лежащаго? Не имамъ бо многыя памяти, ни научихся дохторскому наказанію, еже счиняти повѣсти и украшати премудрыми словесы, яко же обычай имуть ритори".

Тверская лѣт., р. 142.

ЧАСТЬ I.

Географическій очеркъ земли Кривичей и Дреговичей до XIII ст.

Сѣверо-Западная часть Россіи, извѣстная нынѣ подъ названіемъ Бѣлоруссіи, въ древности населена была тремя различными племенами: *Дреговичами*, *Радимичами* и *Кривичами*; послѣдніе дѣлились еще на Полоцкихъ и Смоленскихъ. Племена эти составляли въ началѣ исторической жизни Русскаго народа значительную часть тогдашней Руси. Насколько родственны были между собою онѣ въ древности, трудно опредѣлить въ настоящее время; однакожъ, всматриваясь внимательно въ ходъ ихъ исторіи и обративъ вниманіе на то, что впослѣдствіи они образовали одну этнографическую группу—Бѣлоруссовъ, можно предполагать о ихъ близкомъ этнографическомъ родствѣ уже въ то отдаленное время, когда слагалась Русь. При взглядѣ на историческія событія этихъ племенъ, мы замѣчаемъ ихъ обособленность въ общей жизни остальной Руси; происходитъ, очевидно, какая то внутренняя жизнь, но ее трудно прослѣдить за недостаткомъ лѣтописныхъ данныхъ. Исключеніе какъ будто составляло племя Радимичей, исторія котораго почти не замѣтна въ нашихъ лѣтописяхъ; они никогда не жили самосоятельной политической жизнью, но принадлежали къ Черниговскому княжеству. Однакожъ Радимичи не ассимировались съ Сѣверянами, не смотря на долгую совмѣстную жизнь; напротивъ, примкнули къ сѣвернымъ своимъ сосѣдямъ Кривичамъ и вмѣстѣ съ Дреговичами образовали отдѣльную этнографическую группу.

Исторія Радимичей, быть можетъ, указываетъ именно на то, что уже въ древности означенныя племена имѣли общія этнографическія особенности, которыя помогли имъ слиться въ одну народность, несмотря на раздробленность и постороннее вліяніе. Такому слiянiю трехъ племенъ въ одно этнографическое цѣлое несомнѣнно помогло и то обстоятельство, что географическое положеніе ихъ почти одинаково, равно какъ и природа занимаемой ими страны.

Южная граница Дреговичей съ Полянами и Волынянами начиналась почти у устьевъ Припяти и продолжалась по всему ея теченію узкою полосою по южному берегу, приблизительно по теперешней границѣ Волынской губ. съ Минской. Далѣе къ западу, отъ верхней Припяти по притоку ея Пинѣ, граница переходила къ Зап. Бугу, который пересѣкала гдѣ либо у Брестъ-Литовска, древняго Берестья. Отъ Брестъ-Литовска граница, оставивъ направланіе съ востока па западъ, шла къ сѣверо-западу по Бугу, границѣ нынѣшней Гродненской губ. На этой южной границѣ мы видимъ уже до XIII в. слѣд. города: Мозырь, нынѣ у. гор. Минской губ., Туровъ, нынѣ мѣст. Моз. у., Пинскъ (Пинескъ), у. гор. Минской губ., Брестъ-Литовскъ (Берестье), у. гор. Гродн. губ,

Юго-западная граница, вѣроятно, не доходила дальше Дорогичина, м. Гродн. губ. на р. Зап. Бугѣ, откуда она направлялась къ Гродно, нынѣшнему губ. гор. Затѣмъ, переходя въ Виленскую губ., отрѣзывала юго-восточную часть ея южнѣе гор. Вильно, захватывая все верховье Виліи, и переходила наконецъ къ Двинѣ, въ Витебскую губ. Рубежъ, пересѣкающій Двину, проходилъ, вѣроятно, не далеко къ сѣв.-зап. отъ Полоцка, приблизительно по теперешней границѣ Полоцкаго уѣзда съ Дриссненскимъ и Себежскимъ. Граница, захвативши верховье рѣки Великой, мѣняла сѣверное направленіе на восточное и на этомъ пути проходила по сѣверной границѣ Витебской губ. до р. Ловати, ниже Великихъ Лукъ—Новгородскаго города. Такимъ образомъ, Полоцкая область заключала въ себѣ всю озерную область Себежскаго и Невельскаго уѣздовъ, а далѣе заходила до оз. Двинья.

На этой длинной западной и сѣверной границѣ мы знаемъ въ данный періодъ весьма мало городовъ, а именно: упомянутые До-

рогичинъ и Гродно, Заславъ, Городецъ, Полоцкъ и Невель, уѣздные города Витебской губ., Усвятъ, Еменецъ.

Вообще, очерченная нами граница можетъ только указывать приблизительно этнографическую границу Дреговичей и Полочанъ. За этими предѣлами жили Литовскія поселенія, исторія которыхъ до XIII в. почти покрыта мракомъ неизвѣстности. Въ русскихъ лѣтописяхъ мы находимъ только не ясныя намеки на литовско-русскія сношенія въ данный періодъ. Такая скудность извѣстій происходитъ отъ того, что мы не имѣемъ собственно Полоцкой лѣтописи, которая, можетъ быть, дала бы намъ кой-какія разъясненія. Между тѣмъ сношенія Полочанъ съ Литвою отличалось болѣе мирнымъ характеромъ. Поэтому, Кіевскія, Волынскія и Новгородскія лѣтописи, занятыя важными событіями своихъ областей, вовсе не знаютъ отношеній Полочанъ къ Литвѣ.

Между тѣмъ нѣкоторые другіе источники, (какъ напр. латышскія хроники) указываютъ, что политическія границы Полоцкаго княжества были гораздо обширнѣе: ему принадлежали многія Литовскія племена.

За Усвятомъ, около оз. Двинья, территирія Полоцкихъ Кривичей встрѣчалась съ Смоленскими Кривичами. Область послѣднихъ, захвативъ оз. Жіожецъ и Торопецкое съ г. Торопцомъ, переходила къ верховьямъ Волги, гдѣ у нихъ былъ гор. Ржевъ и оттуда сворачивала на югъ къ Протвѣ, притоку р. Москвы. Восточная граница Смоленскихъ Кривичей заключала въ себѣ верховье рѣки Протвы, откуда направлялась на югъ къ среднему теченію Угры; по этой рѣкѣ, захватывая верховья Болвы въ Калужской губ., занимала южную часть Рославльскаго уѣзда и, проходя по южной части Могилевской губ., сѣвернѣе Чечерска, древняго Радимичскаго города, встрѣчалась съ Днѣпромъ ниже г. Рогачева.

Вотъ общія географическія границы Полочанъ. Впослѣдствіи мы обратимся къ болѣе точному опредѣленію ихъ рубежей, а теперь разсмотримъ характеръ страны, занятой ими.

I.

Страна.

Что касается до поверхности описаннаго пространства, то нужно замѣтить, что она представляетъ сплошную равнину, на которой изрѣдка попадаются отдѣльныя точки, поднимающіяся въ общемъ не болѣе тысячи футовъ надъ поверхностью моря. Возвышенности эти, представляя цѣлый рядъ холмовъ на возвышенныхъ равнинахъ, составляютъ одинъ общій рядъ возвышеній, пресѣкающихъ всю Бѣлоруссію—въ юго-восточномъ направленіи. Кромѣ того все равнинное пространство, заключающее Бѣлоруссію, неодинаково поднято надъ поверхностью моря. Въ общемъ Смоленская губ. лежитъ гораздо выше сосѣдней Могилевской. Отъ Могиледской губ. мѣстность постепенно понижается по направленію къ Припяти, долина которой, особенно верхняя часть ея съ притоками Пиной и Яцольдой, представляетъ глубокую котловину. Затѣмъ эта котловина постепенно возвышается и западная половина Гродненской губ. представляетъ сравнительно возвышенную равнину.

Горный кряжъ, проходящій черезъ Бѣлоруссію, который иногда называютъ *Алаунскимъ*, появляется въ сѣверо-восточной части Смоленской губ. въ видѣ продолженія Валдайской возвышенности. Такъ, уѣзды этой губ. Бѣльскій, отчасти Сычевскій и Порѣчскій принадлежатъ къ самымъ возвышеннымъ частямъ губ. [1]).

---

[1]) Я. Соловьевъ «Сельско-хоз. статистика Смол. губ.». М. 1865 г. стр. 3.

«Смоленская губ. Списокъ населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 г. (Пет. 1888 г.) стр. III. Вообще матерьялами для наст. очерка послужили: Матерьялы для географіи и статист. Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба, по губерніямъ: Минской, Витебской, Виленской, Гродненской, Смоленской. Опытъ описанія Могилевской губ. Дембовецкаго. Сельскохозяйств. статистика Смоленской губ. Соловьева. Труды Минскаго статистич. комит. 1870 г. вып. I. Памятн. книжки по Минской губ. 1878 г., ч. II, на 1889 и 1890 г. Памятн. кн. по Витебской губ. за 60 годы. Географич. и статистич. словарь Семенова. Słownik geograficzny (Warszawa, изд. ред. „Więdrowca“). Живописная Россія т. III. Спис. насел. мѣстъ Смоленской губ. и нѣкотор. др.

Отсюда мѣстность значительно понижается къ югу, начиная отъ Дорогобужа, въ уѣздѣ котераго Филатово возвышается надъ поверхностью моря на 896,6 футовъ [2]).

Кряжъ этотъ болѣе узкою полосою входитъ въ Могилевскую губ., въ которой представляетъ рядъ холмовъ. Изъ Смоленской губ. этотъ кряжъ въ Могилевскую входитъ въ Оршанскомъ у. между Никулинымъ и Рудней. Затѣмъ далѣе направленіе его на м. Бабиновичи, гдѣ онъ, охватывая Веретейское болото, расходится въ двѣ стороны: на Клишенки и Гришаны. Пространство около Веретейскаго болота представляется самимъ возвышеннымъ въ губ.: абсолютная высота его надъ уровнемъ моря доходитъ до 800—900 футовъ; Бабиновичи возвышаются на 640 ф. [3]).

Затѣмъ этотъ кряжъ проходитъ по Оршанскому уѣзду на Дубенцы, Каменку и почти по границѣ Сѣнненскаго уѣзда, возлѣ мѣстечка Смолянъ, дер. Козьей-Горки, за которой теряется въ обширныхъ болотахъ и лѣсахъ.

У границъ—Могилевской губ. съ Минской, на гр. Сѣнненскаго уѣзда, возвышенность дѣлается замѣтною, поворачиваетъ по границѣ Минской губ. къ сѣверу и, проходя въ такомъ направленіи до Колодинецъ, поворачиваетъ въ Минскую губ. на мѣст. Холопеничи [4]). Въ Минской губ. около Холопеничъ горный кряжъ направляется по границѣ Минской губ. съ Могилевской, въ которой около Григоровичъ возвышается на 925 ф., потомъ отъ Волосовичъ въ Витебской губ. онъ направляется къ озерамъ: Манецъ, Пельо и Берешта, мѣстность которыхъ возвышается надъ уровнемъ моря до 1000 футовъ. По границѣ Витебской и Минской губ., гдѣ кряжъ нѣсколько понижается, доходя у мѣст. Пышногорья Вит. губ. до 755 ф. высоты,—направляется къ границамъ Виленской губ., въ предѣлахъ которой—въ Коваляхъ на 753 ф., въ Варганахъ на 771 ф. возвышается. Затѣмъ возвышенность направлется къ югу на мѣст. Докшицы, достигая у Домашковичъ Минской губ. значительной высоты въ 947 фут. [5]).

---

[2]) «Смоленская губ. Списокъ населенныхъ мѣстъ» (Пет. 1868 г.), стр. Щ.

[3]) Дембовецкій. Опытъ описанія Могилевской губ. т. I., 181—2 стр.

[4]) Тамъ-же.

[5]) Матеріалы для Геогр. и Стат. Россіи. Минская губ. Зеленскаго. стр. 110—111—112.

Кряжъ то понижается, то повышается, и проходитъ къ югу широкою полосой по двумъ сосѣднимъ губерніямъ: по Виленской губ.—по части Вилейскаго уѣзда, въ которомъ возвышаются: Кондраты на 1015 ф., а Мядзіоль на 742 ф., Свенцянскаго и Виленскаго, въ которомъ возвышеннѣйшія точки находятся при Мѣдникахъ на 1036 ф., Юзефатовѣ—на 973 ф., Янковщизнѣ—на 959 ф., Забиржи—938 и др.; черезъ Ошмянскій уѣздъ, въ которомъ высшія точки суть: Пупишки въ 1106 ф. Лойцы въ 987 ф., Доукны 721 ф. и пр., и наконецъ черезъ Лидскій уѣздъ переходитъ [6]) въ Гродненскую губ. Соотвѣтственно этому и по Минской губер. тянется хребетъ, сначала въ южномъ, а потомъ въ юго-западномъ направленіи.

Отъ Докшицъ направленіе его идетъ на Домашковичи, оттуда на границу Минскаго и Борисовскаго уѣз. и въ *Лысой-Горѣ* весь кряжъ достигаетъ найбольшей высоты—въ 1129,8 фута выше поверхности моря. Отсюда онъ идетъ черезъ Минскій уѣздъ на Дуброво, возв.—на 1117 ф., Залѣсье, возв.—на 1091 ф., Раковъ, Вольму, Койдановъ и Озеро, возв. на 722 ф. Отсюда кряжъ направляется на м. Ковалевичи (773 ф.), Кондратовичи (воз. на 752 ф.), Юшковичи (772 ф. над. ур. м.), Мицкевичи, недалеко отъ Несвижа въ Новогрудскомъ уѣз. (возв. 755 ф.)—на Клецкъ.

Отсюда вся эта возвышенная равнина Минской губ. круто поворачиваетъ на западъ и, едва касаясь сѣверныхъ границъ Пинскаго уѣзда, проходитъ въ Гродненскую губ. къ у. гор. Пружанамъ [7]). Вся сѣверо-западная часть Гродненской губ. представляетъ сплошную возвышенность, пониженіе которой въ сѣверо-восточномъ углу губ., въ Кобринскомъ уѣздѣ, въ долинѣ рѣки Пины и Яцольды. По обѣ стороны обозначеннаго кряжа, къ сѣверу и къ югу, мѣстность постепенно понижается. Сѣверный склонъ ея понижается по теченію Двинскихъ притоковъ и оканчиваются долиною р. Западной Двины, а за нею страною озеръ по сѣверной границѣ губ., откуда берутъ свое начало рр. Ловать и Великая.

Нижній склонъ понижется по теченію лѣвыхъ притоковъ р. Припяти, по обѣ стороны которой образуется низменная болотистая

---

[6]) Матеріалы для Географіи и Статистики Р. Виленская губ. стр. 115—116—117.
[7]) Минская губ. 112—113 стр.

долина, низшая точка которой, а слѣдоват. и всей страны—уровень воды въ рѣкѣ Пинѣ у гор. Пинска, возвышающійся на 435 ф. надъ уровнемъ моря. На востокѣ пониженіе идетъ по теченію Днѣпра. Пониженіе горнаго склона на западъ ограничивается приблизительно границею Минской губ. съ Волынской и Кіевской, въ сѣверной части которыхъ появляется рядъ холмистыхъ возвышенностей, образуемыхъ отрогами Карпатъ. На восточной половинѣ Днѣпра повышеніе начинается въ Гомельскомъ уѣздѣ Могилевской губ., средняя высота котораго доходитъ до 550 ф. надъ уровнемъ моря (дер. Пчеловка—651 ф., Закружье—630 ф., Корма—537 ф. и т. д.) [8]).

Рославльскій и Ельнинскій уѣзды Смоленской губ. въ общемъ находятся около 700 ф. надъ поверхностью моря [9]).

Несмотря на то, что вышеописанный нами кряжъ только въ немногихъ точкахъ своихъ переходитъ высоту за 1000 футовъ, онъ имѣетъ весьма важное значеніе на распредѣленіе водъ всей Россіи и въ особенности Бѣлорусскаго края. Этимъ кряжемъ раздѣляются басейны Западнаго Буга, Нѣмана съ Щарой, Западной Двины, правыхъ верхнихъ притоковъ Волги и затѣмъ всего верхняго Поднѣпровья.

Такимъ образомъ, въ восточной части этого кряжа, въ Смоленской губ., берутъ начало слѣдующія рѣки Волжскаго бассейна: Москва, Вазуза съ притоками Гжатью и Косной, Осуга съ Лусой, Угра съ Ворей и др. Въ Двинскій бассейнъ отсюда идутъ: рѣки Межа съ Обшей, Лучесой, Березой и Каспля съ Гобзой. Въ Днѣпровскій бассейнъ: Вязьма, Вопь, Ужа; здѣсь же берутъ начало Сожь, Десна. Мы поименовали только болѣе значитеныя рѣки; между тѣмъ ихъ гораздо больше беретъ здѣсь начало.

Всѣ эти рѣки, кромѣ Каспли, берутъ свое начало въ сѣверо-восточной части губ., которая представляетъ сплошную возвышенность.

Напротивъ, рѣки Минской и Могилевской губ., отчасти и Витебской, почти всѣ берутъ свое начало на вышеописанномъ кряжѣ, который тутъ проходитъ довольно узкой полосой. Съ вершины этого кряжа

---

[8]) Дембовецкій, стр. 188—2.

[9]) Списокъ населенныхъ мѣстъ Смоленской губ. ст. Ш.

въ Западную Двину текутъ: Лучеса съ Черницей и Оболью, Усица и Улла, берущія начало въ Могилевской губер., и Эсса—въ Минской. Особенно много водъ стекаетъ съ этого кряжа въ Днѣпръ и притокъ его Припять: Оршица, Друть въ Могилевской губ., Березина съ своими многочисленными притоками, Гайной съ Цной, съ Ильшей, Ушей и Свислочью; затѣмъ въ Припять впадаетъ: Птичъ, Случъ съ Морочью, Ланъ, Цна, Яцольда и Пина. Тутъ же въ Слуцкомъ уѣздѣ, къ сѣв.-востоку отъ мѣстечка Несвижа, беретъ начало Нѣманъ; въ него, въ верхнемъ его теченіи, вливаются многочисленнѣйшіе притоки, которые всѣ берутъ начало на возвышенныхъ точкахъ горнаго кряжа. Правые притоки Нѣмана слѣд.: Узенка у самаго верховья и Сула, въ Минской губ., Быстрая и Ислочь въ Вил. губ.; съ лѣвой стороны впадаютъ: Щара съ Иссой, Зельвянка и др. Въ систему Зап. Бугу отсюда текутъ: Мухавецъ, Лѣсна и др.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что почти всѣ рѣки Бѣлоруссіи берутъ свое начало на этомъ кряжѣ. Кромѣ того, Припять принимаетъ нѣсколько притоковъ съ юга, берущихъ начало въ отрогахъ Карпатъ: Славечна, Уборть, Ствига, Горынь съ Случью, Стырь и Стоходъ. Р. Зап. Двина питается съ сѣвера притоками, берущими начало въ озерной области сѣверной части Вит. губ.: Торопа, начинающаяся недалеко отъ Торопца, Оболь, текущая изъ озеръ при м. Озерищѣ, Полота, Дрисса съ Ницой и Солной и др.

Что касается до геологическаго строенія поверхности Бѣлоруссіи, то вопросъ этотъ настолько еще не обслѣдованъ, что можно дать только кое-какія отрывочныя указанія. Такъ, отложенія третичной или эоценовой формаціи встрѣчаются, вѣроятно, въ большей части Бѣлоруссіи. Въ Смоленской губ. она занимаетъ всю ея западную часть, состоя изъ желѣзистой глины, мергеля и песчанниковъ. Въ Могилевской губ. они занимаютъ бассейнъ Сожа и вообще южн. и западн. части губ.; къ этой же формаціи принадлежатъ горныя породы почти всей Минской губ.; здѣсь встрѣчается: сланцеватая глина, кремнистый песчанникъ, грубозернистый известнякъ, мергель, рухляки и др. породы. Изъ тѣхъ же породъ состоитъ вся Виленская губ. Залежи горнаго известняка занимаютъ восточную часть Смоленской губ., встрѣчаются въ восточной части и Могилевской губ., въ уу. Чериковскомъ и Климовичскомъ. Гораздо чаще по-

падаются пласты девонской формаціи; они занимаютъ уѣзды Сѣнненскій, Оршанскій, Горецкій, сѣверныя части Могилевскаго и Мстиславльскаго, встрѣчаются мѣстами въ Климовичскомъ, Черпковскомъ, Рогачевскомъ, Чаусскомъ, Быховскомъ уу. Горныя породы Витебской губ. почти всѣ состоятъ изъ пластовъ краснаго песчаника девонской формаціи, и наконецъ—въ части Дисненскаго у. Виленской г. Пласты мѣловой формаціи встрѣчаются рѣдко и притомъ на незначительномъ пространствѣ; такъ, они находятся въ южной части Рославльскаго у. Смоленской губ.; въ Могилевской губ. они встрѣчаются сравнительно чаще, именно: по теченію рѣкъ Бѣседи, Сожа и Ипути, въ Чаусскомъ у., по теченію рѣки Вори, около Могилева, Быхова, а также въ Быховскомъ и Рогачевскомъ уу.; признаки мѣловой формаціи находятъ также въ Минской губ. (въ Новогрудскомъ у. и Рѣчицкомъ) и Гродненской губ. (по Нѣману) [10]).

На всей поверхности Бѣлоруссіи встрѣчаются, въ обнаженіяхъ *валунныя толщи*, а также и отдѣльные валуни финляндской и скандинавской породъ. Валунныя толщи обыкновенно состоятъ изъ валуннаго суглинка, сѣраго или бураго цвѣта глины; суглинокъ этотъ, общая толщина котораго достигаетъ 5—10 саженей и болѣе, находится надъ растительною почвою; валунная глина отличается особенно тѣмъ, что она *водонепроницаема*. Это особенно важное обстоятельство, послужившее, вѣроятно, для образованія болотъ и озеръ нынѣшней Бѣлоруссіи.

Валунныя толщи обыкновенны еще имѣютъ подъ собой или надъ собой т. н. валунный песокъ. Въ валунныхъ толщахъ попадаются валуны или эрратическіе камни; валунъ есть гранитъ, состоящій изъ слюды, кварца и ортоклаза. Такъ какъ валуны принадлежатъ исключительно къ горнымъ породамъ Альпъ, Скандинавіи и Финляндіи, то о появленіи ихъ на обширной поверхности всей Германіи, отчасти Франціи, всей Сѣверо-Западной и Центральной Россіи геологами было представлено насколько гипотезъ. Въ послѣднее время въ геологіи утвердилась гипотеза о т. н. ледниковомъ періодѣ, имѣвшимъ мѣсто на всемъ пространствѣ, гдѣ встрѣчаются валуны. Сущность этой гипотесы заключается въ томъ, что въ эпоху до появ-

---

[10]) Словарь Семенова; Матеріалы по Ст. и геогр. Минской, Смоленской, Витебской, Виленскаго и Гродненской губ.; Описаніе Могил. г. Дембовецкаго, Сельско-хоз. Ст. Смол. г. Словьева.

ленія животной жизни на означенномъ пространствѣ, вслѣдствіе значительнаго пониженія температуры, все это пространство было покрыто ледниками, которые сползли съ Альпійскихъ, Скандинавскихъ и Финлядскихъ горъ, принесшихъ съ собою и валуны. Отъ таянія, вслѣдствіи повышенія температуры Европы, этихъ ледниковъ образовались моря пресныхъ водъ, которыя со временемъ исчезли. Такимъ образомъ можно до нѣкоторой степени объяснить необыкновенное скопленіе болотныхъ и озерныхъ водъ Бѣлорусскаго Полѣсья. Представляя значительное углубленіе поверхности, долина эта послужила естественнымъ бассейномъ для стока высыхавшихъ водъ первобытнаго моря; между тѣмъ значительныя залежи валунныхъ отложеній, которыя особенно часты и обширны именно на пространствѣ Полѣсья (въ Гродненской губ., Виленской и Смоленской толщи эти встрѣчаются рѣже, чаще отдѣльные валуны) препятствовали почвѣ всасываетъ въ себя воду, которая такимъ образомъ и образовала, своимъ скопленіемъ, болота и озера, давая въ тоже время источникъ для многочисленныхъ рѣкъ и ручьевъ.

Скопленіе воды на пространствѣ Бѣлорусскаго полѣсья было гораздо значительнѣе даже уже въ историческое время. На это указываетъ, между прочимъ, значительное число высыхающихъ рѣкъ, озеръ и болотъ, обмеленіе многихъ рѣкъ (напр. Друти, Припяти и др.) и наконецъ иловатая почва, происходящая отъ рѣчныхъ наносовъ, попадающаяся весьма часто вдали отъ существующихъ нынѣ рѣкъ и озеръ и, слѣдовательно, указывающая на существованіе ихъ и въ другихъ мѣстахъ. Къ этому присоединяются и народныя преданія о большомъ скопленіи пресной воды въ долинѣ Припяти и друг. мѣстахъ. Пласты новѣйшаго образованія, составляющіе почву Бѣлоруссіи, состоятъ обыкновенно изъ супеска, мергеля, изрѣдка торфа и ила; черноземъ попадается рѣдко, на небольшихъ пространствахъ, и при томъ въ видѣ весьма тонкаго слоя. Такъ, такія залежи чернозема находятся только въ нѣкоторыхъ частяхъ Виленской губ., именно въ сѣверной части Трокскаго у. онъ идетъ по лѣвому берегу Виліи, переходитъ на правый берегъ и занимаетъ сѣв. часть Виленскаго у., с.-в. часть Свенцянскаго и часть Дисненскаго. Въ остальной Бѣлоруссіи не встрѣчается болѣе или менѣе обширныхъ залежей чернозема; напротивъ, въ ней преобладаютъ другіе малоплодородные виды почвы.

Вообще, преобладающая почва глинистая съ большей или меньшей примѣсью песку, кварца, слюды и др. и смывающихся частей, а еще рѣже чисто каменистая.

Остальные виды почвы встрѣчаются рѣже. Торфъ находится въ Бѣльскомъ, Смоленскомъ, Духовщинскомъ и Порѣчскомъ уу. Смоленской губ., въ Рогачевскомъ, Быховскомъ и Оршанскомъ уу. Могилевской губ. Огромные залежи торфа нами лично удалось видѣть на всемъ пространствѣ сѣверной части Пинскаго у.: въ Телеханской волости у оз. Выгоношти, въ Погостской у оз. Погоста, с. Поронска, въ Доброславской вол. и отчасти въ Давыдъ-Городецкой эти залежи занимаютъ десятки верстъ. Въ Рѣчицкомъ у. торфъ въ большихъ залежахъ находится въ Дерновичской вол.

Между различными факторами, обусловливающими человѣческую жизнь и имѣющими на нее сильное вліяніе,—орошенію должно отвести одно изъ первыхъ мѣстъ.

Не говоря уже о чисто физическомъ вліяніи скопленія водъ, какъ напр. количества атмосферныхъ осадковъ, на человѣческую жизнь рѣки и озера имѣютъ огромное значеніе въ политическихъ и торговыхъ сношеніяхъ племенъ. Рѣки служили единственнымъ удобнымъ путемъ, какъ для торговыхъ и такъ и для военныхъ, колонизанизаціонныхъ предпріятій. Проложеніе дорогъ черезъ непроходимые дѣвственные лѣса, черезъ болота было невозможно въ древности: это потребовало бы необыкновенныхъ усилій со стороны племени, такъ какъ страны, занятыя русскими племенами, были весьма обширны и при этомъ мало населены. Во всѣхъ случаяхъ рѣка служила самой удобной дорогой; путешествія по ней не требовало особенныхъ усилій: въ легкомъ челнокѣ, въ небольшомъ количествѣ людей можно было пробраться изъ отдаленнаго Полоцка въ Кіевъ, или Новгородъ, или въ Хозарскій Итиль на устье Волги. Направленіе рѣкъ Россійской равнины имѣетъ особенно важное значеніе въ отношеніи путей сообщенія. Посредствомъ рѣкъ соединяются отдаленнѣйшія части Россіи, сближаясь съ Каспійскимъ моремъ и Уральскими горами посредствомъ Волги, которой западные притоки раздѣляются только небольшими волоками отъ притоковъ Западной Двины и Днѣпра; въ свою очередь притоки Днѣпра и З. Двины близко подходятъ къ притокамъ Вислы и Нѣмана. Посредствомъ Волги же идетъ сообще-

ніе къ Бѣлому и Балтійскому морямъ. Что касается собственно земли Кривичей и Древиговичей, то она занимала одно изъ выгоднѣйшихъ, по отношенію водныхъ путей, положеній: изъ нея, какъ изъ центра, расходятся важнѣйшія рѣки, соединяющія ее съ отдаленнѣйшими окраинами великой Россійской равнины.

На сѣверо-востокѣ ея предѣловъ беретъ начало Волга и З. Двина, недалеко отъ нихъ начинается Днѣпръ. Эти три рѣки сближаются вмѣстѣ съ своими многочисленными притоками съ Чернымъ, Балтійскимъ, Бѣлымъ и Каспійскимъ морями. Западная половина разсматриваемой области заключаетъ въ себѣ верховье Нѣмана, среднее теченіе З. Буга, почти все, за исключеніемъ верховьевъ, теченіе Припяти, оба берега Днѣпра съ его многоводными притоками и южные притоки Западной Двины.

Такимъ образомъ Бѣлоруссія занимаетъ весьма выгодное положеніе относительно водныхъ путей сообщенія. Это положеніе способствовало въ древности быстрому, успѣшному ходу колонизаціоннаго движенія въ среду финскихъ и литовскихъ народцевъ, а также и развитію обширныхъ торговыхъ сношеній.

Окраина Кривичской земли доходила въ древности до верховьевъ *Волги*. Послѣдняя беретъ свое начало въ Осташковскомъ у. Тверской губ. (подъ 57° 10′ с. ш.) изъ небольшаго ключа на Волдайской возвышенности, имѣющей абсолютную высоту въ 840 фут.; первоначально Волга представляетъ небольшей ручеекъ въ $1^1/_2$ ар. шириною, но уже у оз. Волго, черезъ которое она протекаетъ, ширина ея доходитъ до 20 саженей. На протяженіи 90 верстъ она въ настоящее время не судоходна. На этомъ пространствѣ она течетъ въ низменныхъ болотистыхъ берегахъ [11]).

Земли Смоленскихъ Кривичей доходили только до верхняго теченія Волги, вѣроятно, не ниже Зубцова.

По этому болѣе важное для нихъ значеніе имѣли Волжскіе притоки, чѣмъ она сама. Изъ болѣе важныхъ притоковъ ея, омывающихъ землю Смоленскихъ Кривичей, замѣтимъ: *Вазуза* беретъ начало въ болотахъ Вяземскаго уѣзда, у дер. Митрюховой; длина ея теченія 140 вер.; берега верхняго теченія высоки и круты; изъ притоковъ замѣчательны *Касня* и *Гжать*, изъ лѣвыхъ *Осуга*. Далѣе

---

11) Географ.—ст. Слов. Семенова.

изъ рѣкъ Окскаго бассейна замѣчательны: *Москва* съ притокомъ *Протвой,* на верховьяхъ которой проходила граница Смоленскихъ Кривичей; болѣе важна *Угра*, берущая начало въ Ельнинскомъ у. близь дер. Угрицы; длина ея теченія 400 в.; берега Угры крутые, мѣстами обрывистые; изъ притоковъ важна *Воря*.

Въ 13 верстахъ отъ истоковъ Волги, беретъ начало другая важная рѣка—*Зап. Двина*; она начинается изъ небольшаго озера Двинца посреди болотъ и идетъ на высотѣ болѣе чѣмъ 800 рус. ф. Сначала она течетъ небольшимъ ручейкомъ по оврагу, поросшему кустарникомъ, но на 15 верстѣ выходитъ въ большое (13 вер. длины) озеро *Охватъ Жаденье*, откуда вытекаетъ уже довольно широкою рѣкою—въ 8 саж. Дно Зап. Двины мѣстами каменистое, хрящеватое, попадается много пороговъ и отмелей, что дѣлаетъ ее не совсѣмъ удобною для судоходства. Берега ея большею частью песчаны и каменисты; они въ Витеб. губ. высоки и обрывисты; вообще лѣвый берегъ болѣе возвышенъ, чѣмъ правый. Длина теченія Двины болѣе 900 вер., область ея бассейна занимаетъ до 3500 кв. м. Изъ правыхъ притоковъ болѣе замѣчательны: *Торопа*, *Усвятъ*, выт. изъ оз. того же имени, *Полота*; послѣдняя беретъ начало изъ озеръ *Ведето*, *Колпино*, *Туричино* и *Неключь*; дно ея ямистое, теченіе тихое, извилистое; и, наконецъ, *Дрисса*. Съ лѣвой стороны Двина принимаетъ: *Межу* съ *Общей*, *Касплю*, *Уллу*, *Дисну* и др. [12]).

Земля Дреговичей омывается верхнимъ *Нѣманомъ* и его притоками: *Щарой*, *Виліей*, *Уссой* и др. и *Зап. Бугомъ*. *Нѣманъ* беретъ свое начало въ лѣсистой мѣстности Игуменскаго у. Мин. губ., недалеко отъ дер. Догиничи. Длина теченія Нѣмана простирается до 810 в. Первоначально Нѣманъ течетъ небольшою рѣчкою въ 18—25 саж. ширины (у Новаго Сверженя). Дно его вообще песчаное; верхній Нѣманъ течетъ по широкой луговой долинѣ, пересѣкающей холмистую возвышенность; въ Лидскомъ у. ниже м. Бѣлицы правый берегъ Нѣмана крутъ и возвышенъ. Изъ притоковъ найболѣе важны: *Усса*, *Лоша*, *Сервечъ*, *Свислочъ*, *Вилія* и *Щара*; послѣднія двѣ имѣютъ особенно важное значеніе, какъ естественная колонизаціонная дорога въ земли литовкихъ племенъ. Вилія беретъ начало въ Борисовск. у. Минск. губ., протекаетъ до впаденія въ Нѣманъ при

---

[12]) См. Слов. Семенова.

г. Ковно—420 в. Дно верхняго теченія этой рѣки иловатое, берега плоскіе и лѣсистые; въ Виленск. губ. они круты и возвышены. Другой не менѣе важный притокъ Нѣмана Щара беретъ начало въ Новогрудскомъ у. Минск. губ., недалеко отъ м. Столовичъ; сначала она течетъ по луговой долинѣ, но съ 62-й в. въ низменныхъ, болотистыхъ, большею частью торфяныхъ берегахъ.

Другая важная рѣка, орошающая часть Дреговичей — древнюю Берестейскую землю—*Зап. Бугъ*. Онъ беретъ начало въ Карпатахъ и течетъ на протяженіи 686 верстъ, впадаетъ съ правой стороны въ Вислу. Изъ притоковъ его важнѣйшіе: *Мухавецъ, Наревъ* и *Нурецъ*.

Система верхняго Днѣпра и главнаго его притока Припяти покрываетъ всю среднюю Бѣлоруссію и имѣетъ то преимущественное значеніе, что она соединяетъ внутреннія части этой страны съ окраинными рѣками: Волжской системой, Двиной, Нѣманомъ и Бугомъ.

Днѣпръ начинается въ Смоленск. губ. въ Бѣльск. у. изъ небольшаго оз. Мшара, лежащаго въ болотахъ Волковскаго лѣса, подъ $55^0\,21'$ с. ш. и $51^0\,21'$ в. д. Длина его теченія до впаденія въ Черное м. доходитъ до 1700 в.; общее направленіе теченія—съ с. на югъ Берега Днѣпра чрезвычайно разнообразны, но вообще и правый берегъ возвышенъ, господствуетъ надъ лѣвымъ; почти всѣ города построены на правомъ возвышенномъ берегу, такъ какъ лѣвые берега его большею частью подвержены сильнымъ весеннимъ разливамъ, препятствующимъ правильному сообщенію. Верхній Днѣпръ до Дорогобужа не судоходенъ; онъ течетъ въ отлогихъ низменныхъ берегахъ, шириною отъ 3 до 6 ар. Болѣе возвышенны берега—послѣ впаденія съ правой стороны небольшой рѣчки *Жерди*, дно становится мѣстами песчаное, мѣстами каменистое. У впаденія Вязьмы ширина Днѣпра доходитъ до 25 и болѣе саж.; берега на этомъ пространствѣ высоки, часто круты, пересѣкаются оврагами и лощинами. Отъ Дорогобужа Днѣпръ течетъ по открытой долинѣ версты въ 3 шириною, съуживающейся у дер. Шевелевой до $1\frac{1}{2}$ в. Послѣ впаденія р. Вопи берега Днѣпра представляютъ низменную болотистую долину, покрытую лугами и сѣножатями. Ниже Смоленска правый берегъ становится господствующимъ надъ лѣвымъ, за исключеніемъ болотистыхъ низменныхъ устьевъ Припяти и Тетерева. Изъ лѣвыхъ, омывающихъ Бѣлоруссію, притоковъ Днѣпра наиболѣе важ-

ные: *Вязьма, Осьма, Сожъ* и *Десна*. Изъ нихъ Сожъ беретъ начало въ болотахъ южной части Смоленскаго у. Длина ея до впаденія въ Днѣпръ 500 в.; не менѣе важны были ея притоки: *Проня, Беседь, Ипуть* и др. Другой важный лѣвый притокъ Днѣпра—*Десна* принадлежитъ Бѣлорусскому краю только своими верховьями и соединяетъ восточныя части ея съ среднимъ теченіемъ Днѣпра, Десна начинается въ Ельнинскомъ у. Смоленской губ., недалеко отъ гор. Ельны, вблизи села Ярославля; общая длина ея теченія 700 в., но въ Смол. губ. она проходитъ только 100 в.: изъ притоковъ важнѣйшей—*Болва* [13]).

Правые притоки Днѣпра имѣли огромное значеніе для Дреговичей; на нихъ стоятъ важнѣйшіе въ древности города, по нимъ шло сообщеніе съ Литвой, Ятвягами и Поляками. Изъ притоковъ замѣчательны: *Вопь, Оршица, Друть*.

Послѣдняя беретъ начало на границѣ Сѣнненскаго и Оршанскаго уу. на возвышенной части губ.; длина ея теченія 250 в. Она течетъ по не широкой долинѣ (версты въ $1^1/_2$), покрытой болотами и озерами; нижнее ея теченіе при впаденіи въ Днѣпръ у Рогачева, идетъ по широкой луговой долинѣ. Въ настоящее время Друть только сплавная рѣка, но въ древности была судоходна; множество притоковъ ея высохло; остались только во многихъ мѣстахъ ряды озеръ и болотъ, свидѣтельствующіе о прежнихъ рѣчкахъ [14]).

Ниже Друти, на границѣ Минской губ. и Могилевск., впадаетъ въ Днѣпръ *Березина*. Она беретъ начало на плоской влзвышенности недалеко отъ м. Докшицы Борисовскаго у., и проходитъ до устья около 500 в.; на своемъ пути она протекаетъ черезъ озера Мядзіолъ и Пяликъ. Теченіе Березины образуетъ узкую долину, чрезвычайно болотистую и низменную; отлогіе берега ея покрыты лѣсами [15]).

Еще ниже Березины вливается въ Днѣпръ *Припять*, омывающая нижнюю часть Западной Бѣлоруссіи. Она беретъ начало въ Волынск. губ. изъ озеръ и болотъ около села Гуполы и образуетъ

---

[13]) Сл. Семенова.

[14]) Сл. Семенова; Описаніе Могил. губ. Дембовецкаго, т. I.

[15]) Сл. Семенова. Пам. кн. Минск. губ. за 1878 г. стр. 25. Труды Мин. Ст. Ком. за 1870 г. вып. 1. р. 278.

до 15 ручейковъ, сливающихся вмѣстѣ. Собственное свое названіе *Припять* носитъ только послѣ слiянія съ р. Яцольдою у Пинска. До этого мѣста она состоитъ изъ множества притоковъ, текущихъ подъ различными названіями; они соединяются въ озерѣ Любядзь Пинск. у. Отъ этого озера Припять снова течетъ, раздѣлившись на нѣсколько рукавовъ, изъ которыхъ главный носитъ названіе *Парока*, и собираетъ свои воды въ озерѣ Набель; въ промежуткѣ между оз. Любядзью и Набелемъ въ Припять впадаетъ *Стоходъ*; за оз. Набелемъ она снова раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, изъ которыхъ главный наз. *Струменемъ,* а другой Припятью и течетъ до сліянія съ Яцольдой, на протяженіи 80 в., принявъ на этомъ пути *Веселуху* и *Пину* и соединившись посредствомъ одного изъ рукавовъ со *Стырью*. Послѣ сліянія съ Яцольдою Припять уже извѣстна подъ этимъ именемъ до своего впаденія въ Днѣпръ; длина теченія ея доходитъ до 740 в. Дно ея вообще въ верхнемъ теченіи иловатое, далѣе песчаное, а мѣстами каменистое; берега низменны болотисты; только кое гдѣ они возвышаются, такъ напр. у гор. Мозыря лѣвый берегъ значительно возвышается; правый болѣе возвышается у дер. Загоряны Моз. у.

Изъ верхнихъ притоковъ Припяти особенно важны *Пина* и *Яцольда*; она начинается въ Волковыск. у. Гродн. губ. недалеко отъ м. Новый Дворъ въ обширныхъ, покрытыхъ лѣсомъ болотахъ. Яцольда течетъ въ низменной болотистой долинѣ, проходитъ черезъ большое озеро Споровское. Въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи Припять принимаетъ нѣсколько весьма важныхъ притоковъ, изъ которыхъ укажемъ на правые: *Стырь* со *Стублой, Горынь, Ствига, Плотница* и *Славечно;* изъ лѣвыхъ: *Бобрикъ*, *Цна, Ланъ*, *Случъ, Птичъ* и др.[16]).

---

16) Ibid.

II.

Пути сообщенія.

Естественно, что при такомъ обиліи водъ и ихъ расположеніи въ области, занятой Кривичами и Дреговичами, проходили важнѣйшіе водные пути въ древности. Черезъ земли Кривичей соединялся югъ съ торговымъ Новгородомъ, и черезъ нее же проходили найболѣе удобные пути на востокъ, въ земли инородцевъ.

Изъ озерной области въ Подвинье существовало нѣсколько путей. Одинъ изъ нихъ шелъ на *Еменецъ*, Полоцкій городъ, и Великіе Луки, Новгородскій городъ [17]). Можно слѣдующимъ образомъ опредѣлить Еменецкій путь. Изъ Двины онъ шелъ по рѣкѣ Оболи, которая соединяется съ озеромъ Озерищемъ, откуда теперь небольшой волокъ къ оз. Еменецъ; изъ него въ оз. Невель, изъ котораго р. Яменкой соединялся съ Ловатью. Въ этихъ мѣстахъ сохранилось преданіе, что воды Невельскаго озера когда то сливались съ Оболью [18]). Если это такъ (что вполнѣ правдоподобно), то въ озерную область шелъ непосредственный путь изъ Двины, безъ волоковъ. Кромѣ того по всему этому пути разбросаны признаки древнихъ поселеній, въ видѣ кургановъ, городищъ и укрѣпленій. Курганы Городокскаго уѣзда, по сообщенію г. Сементовскаго, расположены по направленію древнихъ путей сообщенія г. Невеля съ Витебскомъ и Двиною—вдоль нынѣшняго С.-Петербургскаго шоссе, начинаясь почти отъ

[12]) „Поиде Давидъ къ Полотовску съ Новгородци и Смольняны и, умиривъшеся, воротишася на *Еменци*", Новг. I л. под. 1185 г. „Мстиславъ же все то хотя оправити Новгородьскую волость и обиду и пришедшу ему на *Луки* съвои Новгородьскими". Ипат., 412.

[18]) Сементовскій, Памятники Старины Вит. г., р. 5.

самого города и кончая сѣверной частью уѣзда, и по теченію Оболи[19]). Замѣчательно, что именно у озеръ Еменца, Невеля, Озерища и др. на томъ же пути находимъ найбольшее число древнихъ сооруженій. О нихъ г. Сементовскій въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „Но самое большее число кургановъ и притомъ громадной величины, скопленныхъ болѣе или менѣе значительными группами, находится въ сѣверо-восточномъ углу Городокскаго уѣзда, именно въ той части его, которая расположена надъ рѣкой Ловатью, между Суражскимъ и Невельскимъ уѣздами, на земляхъ казеннаго имѣнія Стаекъ и части Горковскаго общества“ [20]). Кромѣ того мы на этомъ пути находимъ у озера Озерища при селѣ Дубининѣ *городище* [21]). При этомъ же озерѣ, на земляхъ Свиридовскаго сельскаго общества, находится замѣчательное *городище* съ остатками укрѣпленій, рва и мостовъ; народная память сохранила о немъ преданіе, какъ о недоступномъ мѣстѣ [22]).

Еменецкимъ путемъ ходилъ на Полоцкъ въ 1185 г. князь Дивидъ Ростиславичъ съ Новгородцами и Смольнянами [23]).

Другой путь изъ Подвинья въ озерную область лежалъ на *Торопецъ.* Изъ Двины онъ шелъ рѣкою Торопою до оз. Торопецкаго; оттуда небольшимъ волокомъ въ р. Сережу, впадающую въ Ловать; этимъ путемъ шелъ въ 1168 г. Ростиславъ Мстиславичъ на свиданіе съ сыномъ своимъ въ Новгородъ [24]).

---

19) Ibidem, p. 5.

20) Ibidem, p. 8.

21) Ibidem, p. 7.

22) Ibidem, p. 10 и 11.

23) „Новг. Л.“, p. 160. О Еменецкомъ пути см. Барс., „Оч. русск. ист. геогр.“, p. 24—25. Этотъ путь былъ самый обычный, что доказывается и другими свидѣтельствами нашихъ лѣтописей: Святославъ ушелъ изъ Новгорода „на Лукы“ (1167 г. Новг. Л., p. 146), въ 1191 г. Ярославъ ходилъ къ Полоцкимъ границамъ тудаже (Новгор., p. 164), также въ походѣ 1118 г. (Новг., p. 176).

24) Ип. 362. Барсовъ, „Оч. р. ист. геогр.“, p. 25. Лѣтопись разсказываетъ, что Ростиславъ пріѣхалъ въ Торопецъ къ сыну своему Святославу, княжившему въ Новгородѣ, „веля ему въѣзъхати противу себѣ на Лукы.... и ту снимася на Лукахъ съ сыномъ и съ Новгородцы“. Барсовъ считаетъ это извѣстіе или невѣрнымъ или неполнымъ (ibid., p. 325) въ виду того, что Ростиславъ прежде прибылъ въ Торопецъ, а потомъ отправился на Луки. Но намъ представляется дѣло такъ, какъ разсказываетъ лѣтопись: Ростиславъ пріѣхалъ въ свой пограничный городъ, но такъ какъ Новгородцы не желали вести съ ними переговоры на чужой территоріи то обѣ стороны согласились сойтись въ Лукахъ. Въ подтвержденіе пути изъ Торопца на Луки можно привести свидѣт. Новгор. Л. подъ 1211 г., p. 193: Мстиславъ изъ „Торопця иде на Лукы“.

Третій путь шелъ на р. *Судомирь*. Лѣтопись такъ его опредѣляетъ: Брячиславъ Изяславичъ ограбилъ Новгородъ и „поиде Полотьску опять; и пришедшю ему к Судомири рѣцѣ“—былъ здѣсь побѣжденъ настигнувшимъ его Ярославомъ [25]). Р. Судома притокъ Шелони беретъ начало на границѣ Порховскаго и Псковскаго уу. и впадаетъ въ Шелонь у с. Княжьихъ Горъ [26]).

Четвертый путь изъ Подвинья въ озерную область лежалъ, по опредѣленію Барсова, изъ Ловати въ притокъ ея Куныо къ оз. Жіожицкому (или Жезцо-Живецъ), гдѣ находился богатый Смоленскій городъ Жижци, оттуда къ оз. Двинье, изъ котораго вытекаетъ р. Двинка, впадающая въ Двину [27]).

Изъ Полоцка существовалъ, повидимому, прямой путь въ Новгородъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ обширнымъ торговымъ сношеніямъ этихъ городовъ.

Этимъ путемъ бѣжалъ изъ Новгорода Святославъ, братъ вел. кн. Всеволода Ольговича [28]). Этотъ князь боялся проходитъ черезъ Смоленскія земли враждебнаго ему Ростислава Мстиславича и избралъ болѣе дальній путь черезъ Полоцкъ. На этотъ же путь мы имѣемъ еще указаніе въ лѣтописи подъ 1128 г. Во время извѣстнаго похода Мстислава на Полоцкихъ князей, Новгородцы тоже отправились на нихъ и дошли до Нѣклоча [29]). Въ настоящее время есть оз. Нѣклочь, изъ котораго беретъ начало р. Полота [30]). Слѣдовательно, Новгородцы направились къ Полоцку, но остановились на пути, вслѣдствіе прекращенія военныхъ дѣйствій.

Такимъ образомъ, изъ Подвинья въ озерную область шло пять путей. Покойный профессоръ Барсовъ указываевъ еще путь на Лучинъ, но, какъ увидимъ ниже, Смоленскаго Лучина никакъ нельзя пріурочить къ оз. Лучинъ въ Псковской губ., а потому и существованіе пути на это озеро слѣдуетъ отрицать.

Обратимся теперь къ путямъ соединявшимъ Подвинье съ Поднѣпровьемъ.

---

25) Ип. 102.

26) Опредѣленіе Судомы, см. Барсовъ, „Очерки“, р. 24 и 23. Барсовъ вовсе не отмѣчаетъ этого пути, хотя указаніе лѣтописи не оставляетъ сомнѣнія въ существованіи его.

27) „Очерки“, р. 26.

28) Ип. 220. П. С. Р. Л. т. XV, р. 201.

29) Ип. 211.

30) Словарь Семенова.

Днѣпръ отдѣляется отъ Двины всего небольшимъ волокомъ въ 30 верстъ отъ Смоленска къ оз. Каспля и рѣкѣ того же имени, впадающей въ Двину. Къ сожалѣнію, источники не даютъ точныхъ указаній на пути изъ Поднѣпровья въ Подвинье. Есть одинъ только намекъ, принимаемый, впрочемъ, Барсовымъ за несомнѣнное свидѣтельство о пути. Это путь черезъ р. Касплю, правда, самый естественный [31]). Онъ шелъ изъ Двины по р. Касплѣ и изъ Каспли соединялся съ Днѣпромъ волокомъ.

Днѣпръ, на своемъ пути изъ средняго теченія къ верхнему, т. е. приблизительно немного выше впаденія Припяти далѣе къ Смоленску, дѣлаетъ слишкомъ значительный изгибъ, который при проѣздѣ, особенно противъ теченія, требовалъ много лишняго времени и траты силъ. Въ виду этого изъ Кіева въ Смоленскѣ существовалъ болѣе прямой путь. Онъ шелъ по Сожу, верховья которой находятся не вдалекѣ отъ Смоленска. Этотъ путь, быть можетъ, болѣе мелководный въ верхнемъ теченіи Сожи, давалъ однако возможность обойти изгибъ Днѣпра. Этимъ путемъ шелъ въ 1168 г. Ростиславъ изъ Кіева въ Новгородъ черезъ Смоленскъ; онъ проѣзжалъ черезъ гор. Чичерскъ. На обратномъ пути онъ, возвращаясь въ исходѣ зимы, когда могъ опасаться разлива рѣкъ (въ мартѣ) также держался этого прямого пути и умеръ въ Зарубѣ, недалеко отъ Сожи.

Извѣстіе объ этомъ пути нужно принять съ нѣкоторою оговоркою. Лѣтопись говоритъ, что Ростиславъ пошелъ „на зиму", что можетъ означать, что онъ шелъ зимою, а можетъ быть еще осенью [32]). Но на существованіе этого пути, кромѣ его естественнаго положенія, указываетъ еще то, что городъ Прупои (на Сожѣ

---

[31]) Барсовъ, „Очерки", р. 24. Онъ основываетъ свое мнѣніе по извѣстіи Новгородской 1-й лѣтописи подъ 1199 г., гдѣ говорится, что Полочане встрѣтили шедшаго на нихъ съ войскомъ Ярослава Новгородскаго на озерѣ Касплѣ. Почтенный ученый справедливо замѣчаетъ, что за оз. Каспле Полочане не могли встрѣтить Новгородцевъ, а встрѣтили на устьѣ Каспли, но въ упоминаніи объ озерѣ онъ видитъ знакомство лѣтописца съ Касплею, какъ урочищемъ, лежавшимъ на обычномъ пути изъ Новгорода въ Смоленскъ. Что въ Новгородѣ знали о Касплѣ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, но важно то, что въ данномъ случаѣ лѣтопись все таки не говоритъ, шелъ ли кто либо этимъ путемъ. Догадка проф. Барсова намъ представляется правдоподобною, но вовсе не проистекающею изъ смысла лѣтописнаго свидѣтельства: отъ Каспли до Днѣпра небольшой волокъ, а рѣка эта и до сихъ поръ судоходна въ нижнемъ своемъ теченіи. Въ средніе вѣка сел. Каспля, служила складнымъ пунктомъ на пути изъ Риги, здѣсь находились амбары для склада перевознаго хлѣба, построенные съ разрѣшенія Сигизмунда. См. Соловьевъ, Сельско-хоз. стат. Смол. губ., М. 1855 г., р. 14.

[32]) Ип. 364.

при впаденіи Прони) былъ пограничнымъ и, очевидно, таможеннымъ городомъ: въ Уставной Грамотѣ Ростислава Мстиславича здѣсь отмѣчена *корчемная дань,* т. е. дань съ корчемъ, устроенныхъ для проѣзжающихъ.

Для обхода того же изгиба Днѣпра съ западной его стороны существовалъ прямой путь изъ средняго Подвинья въ среднее Поднѣпровье. Этотъ путь проходилъ такимъ образомъ: изъ Двины онъ шелъ по р. Уллѣ, впадающей въ Двину у м. Уллы, между Витебскомъ и Полоцкомъ. Уллою путь шелъ до Лепельскаго оз., изъ котораго беретъ она начало и въ которое впадаетъ р. Эсса. Среднее теченіе Эссы соединяется съ оз. Плавье, изъ котораго беретъ начало притокъ Березины Сергутъ, необльшимъ волокомъ, по которому теперь проходитъ Березинскій каналъ. Впрочемъ, немного севернѣе канала есть, посрединѣ означеннаго волока, озеро у дер. Окопо, соединяющееся съ Эссою небольшою рѣченкою, такъ что волокъ является совершенно незначительнымъ, версты въ три. На этотъ путь мы находимъ указаніе въ лѣтописяхъ при описаніи бѣгства Святослава Ольговича изъ Новгорода въ 1141 году. Святославъ, опасаясь враждебнаго Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, направилъ бѣгство свое черезъ Полоцкъ [33]), а съ Полоцкими князьями въ то время братъ его Всеволодъ и всѣ Ольговичи находились въ дружественныхъ отношеніяхъ [34]). Вмѣстѣ съ Святославомъ бѣжалъ и посадникъ Новгородскій Якупъ и его братъ Прокопій. Новгородцы погнались за нимъ „и яша Якуна па Плиси“ [35]). Плиса находится въ Минской губ. и впадаетъ въ Березину черезъ Бобръ, ниже Борисова. Очевидно, Якунъ, вмѣстѣ съ княземъ, изъ Полоцка направились по Березинѣ, естественному прямому пути въ среднее Поднѣпровье по Полоцкимъ владѣніямъ. Но избѣгая погони, Якунъ съ братомъ свернулъ во время пути съ Березины на Бобръ и Плису, желая спрятаться въ глухихъ мѣстахъ. Здѣсь то и былъ онъ схваченъ Новгородцами [36]).

---

[33]) Ип. р. 220.

[34]) Обѣ, начинавшія враждовать, княжескія линіи старались привлечь Полоцкихъ князей. Всеволодъ началъ свои сношенія раньше и скрѣпилъ дружбу бракомъ. Ип. 224, Ник. (П. С. Р. Л. т. IX), р. 167.

[35]) Новг., 133, Тверская, П. С. Л., т. XV р. 203.

[36]) Барсовъ сомнѣвается въ существованіи указаннаго пути: „На другіе важные пути изъ Двинской области въ Поднѣпровье есть впрочемъ неясное указаніе въ извѣстіи о походѣ Новгородцевъ (1127) и въ извѣстіи 1141 г.“, „Очерки“, р. 224.

Соединеніе путей изъ Поднѣпровья въ Подвинье и оттуда въ озерную область и Балтійское море было извѣстно въ древности подъ названіемъ пути „изъ Варягъ въ Греки“. Вотъ какъ опредѣляетъ его лѣтописецъ: „И бѣ путь изъ Варягъ въ Греки: и изъ Грекъ по Днепру, и верхъ Днепра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити въ Илмерь озеро великое, изъ него же озера потечеть Волховъ и втечеть въ озеро великое Нево и того озера внидетъ устье въ море Варяское“ [37]). Среднюю часть пути — изъ Днѣпра до Ловати, лѣтописецъ представлялъ себѣ неясно, полагая, что эти рѣки соединяются только волокомъ, на что обратилъ уже вниманіе проф. Барсовъ [38]).

Значеніе, какъ этого воднаго пути, такъ и вообще важность русскихъ путей сообщенія сознавалась еще въ глубокой древности. Лѣтописецъ хорошо зналъ, съ какими странами соединяютъ Русь водные пути. Онъ говоритъ, что путь доходитъ до моря Варяжскаго: „по тому морю внити даже и до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю къ Царюграду, и отъ Царяграда прити въ Понтъ море, въ неже втечеть Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо течеть изъ Воковьского лѣса, и потечеть на полудни, а Двина изъ того же лѣса потечеть, и идеть на полуночье и внидеть въ море Варяское; ис того же лѣса потечеть Волга на вътокъ и вътечеть седьмьюдесятъ жерелъ въ море Хвалійское. Тѣмь же изъ Руси можеть ити по Волзѣ въ Болгары и въ Хвалисы, и на вътокъ доити въ жеребий Симовъ; а по Двинѣ въ Варягы, а изъ Варягъ и до Рима, отъ Рима же и до племени Хамова“ [39]).

Изъ приведеннаго лѣтописнаго очерка вполнѣ явствуетъ, что въ древности хорошо знали не только страну, пролегающую по пути на Русской территоріи, но хорошо знали и отдаленныя страны запада и востока, съ которыми соединялась Русь этими путями.

Двина и Днѣпръ своими притоками сближаются съ Волгой. Можно указать цѣлый рядъ рѣкъ въ Смоленской области, сближающихъ центральную часть ея — Поднѣпровье съ Поволжьемъ. Такъ, притокъ Двины Межа черезъ свой притокъ Обшу сближается неболь-

---

[37]) Ип., 4.
[38]) См. „Очерки“.
[39]) Ип., р. 4.

шимъ волокомъ съ Лусой, притокомъ Осуги, а эта послѣдняя впадаетъ въ Вазузу, притокъ Волги. Или же можно указать на Лучесу, притокъ Межи, раздѣляющуюся небольшимъ волокомъ отъ Осуги. Наконецъ, притокъ Днѣпра Осма близко подходитъ къ Угрѣ, притоку Оки. Вообще, соединенія центра Смоленской земли съ Волгою могли быть чрезвычайно многочисленны.

Двина могла соединяться съ Волгою черезъ оз. Жаденье, которое отдѣляется небольшимъ волокомъ отъ Волжскаго оз. Пено [40]).

Изъ Поднѣпровья ѣздили въ земли Ростовскую на Смоленскъ, черезъ который ходилъ Владиміръ Мономахъ, и черезъ землю Вятичей; послѣдній путь соединялъ собственно Кіевъ съ Поволжьемъ. На этомъ пути находился гор. Оболвь, переходившій то къ Смоленскимъ князьямъ, то къ Черниговскимъ; въ этомъ городѣ бралась гостинная дань съ проѣзжавшихъ купцовъ (Грамота Ростислава Мстиславича). Путь проходилъ по Деснѣ, ея притоку Болвѣ, которая сближается съ Угрою, притокомъ Оки [41]).

Поднѣпровье соединялось съ Зап. Бугомъ большимъ и удобдымъ путемъ, который шелъ по притоку Днѣпра Припяти. О немъ мы имѣемъ нѣсколько указаній въ источникахъ. Такъ, въ 1188 г. Романъ отправилъ свою жену изъ Галича въ Вручій на *Пинскъ* [42]). Стрыйковскій говоритъ, что Ярославъ по смерти Мечислава ходилъ въ Польшу, причемъ часть войскъ послалъ лодками до Подляшья [43]).

Вообще, многочисленные походы первыхъ князей въ Ляшскую землю и на Ятвяговъ несомнѣнно совершались этимъ воднымъ путемъ.

---

[40]) Барсовъ, „Очерки“, р. 26.

[41]) См. „Поуч. Влад. Мон.“ въ Лавр. лѣт. Барсовъ „Очерки“. р. 23, Корсаковъ, „Меря и Рост. кн.“, р. 53, Бѣляевъ, р. 17. Багалѣй, „Ист. земли Сѣверской, р. 142. Густ. лѣт. (П. С. Л., т. I) р. 324.

[42]) Ип., 445.

[43]) Хроника, р. 162 (Изд. 1862 г.); Воскрес. лѣтоп. (П. С. Л. т. VII) р. 331.

III.

Территорія и города Смоленскаго княжества до нач. XIII ст.

Мы определили общую этнографическую границу земель Кривичей и Дреговичей; теперь обратимся къ болѣе точному опредѣленію политическихъ границъ княжествъ, образованныхъ названными племенами.

Дреговичи составили особое княжество уже при Владимірѣ святомъ, съ главнымъ городомъ Туровомъ; ими-же была населена на западѣ Берестейская земля въ области средняго теченія Запад. Буга. Полоцкіе Кривичи выдѣлились еще раньше этого времени; за ними образовали отдѣльное княжество, послѣ смерти Ярослава Мудраго, и Смоленскіе Кривичи. Такимъ образомъ, образовалось уже въ раннюю эпоху три княжества: Смоленское, Полоцкое и Туровское. Первоначальная лѣтопись, въ своемъ географическомъ очеркѣ, въ краткихъ чертахъ опредѣляетъ положеніе названныхъ племенъ. О Дреговичахъ она говоритъ, что они сидѣли между Припятью и Двиною; Кривичи сидѣли на верховьяхъ Днѣпра, Двины и Волги, а часть ихъ поселилась на р. Полотѣ.

Уже при бѣгломъ взглядѣ на эти лѣтописныя извѣстія видна вся ихъ неполнота и неопредѣленность. При изученіи-же послѣдующихъ извѣстій, съ помощью другихъ указаній лѣтописи о городахъ, можно опредѣлить политическія границы названныхъ княжествъ съ большею точностью.

Приступая къ опредѣленію политическихъ границъ, замѣтимъ, однако, что и лѣтописныхъ данныхъ бываетъ не всегда достаточно для опредѣленія порубежныхъ мѣстъ. Въ этомъ случаѣ приходится пользоваться еще другими указаніями. Такъ извѣстно то обстоятель-

ство что древне-русскіе князья строили пограничныя укрѣпленія, носившія названія: *городокъ*, *городецъ*, *городище*, *городня*, *рубежъ*, *зарубежье* и т. п. [44]). При укрѣпленіяхъ селились пограничные жители, образовывали селенія, города съ тѣми-же названіями.

Зная это обстоятельство и внимательно слѣдя по картамъ за тѣми мѣстами, гдѣ можно полагать древнюю границу, мы дѣйствительно находимъ цѣлый рядъ селеній съ такими именами, которыя должны привести насъ къ убѣжденію, что здѣсь дѣйствительно пролегала граница. Мало того, такъ какъ этнографическія границы большею частью совпадали съ политическими, то мы всегда находимъ на порубежныхъ мѣстахъ селенія съ названіями, напоминающими то или другое племя. Этими названіями народъ, очевидно, старался обозначить принадлежность жителей къ тому или другому племени. Такимъ образомъ, мы встрѣтимся съ названіями, напоминающими Кривичей: Кривскъ, Кривичи, Кривено и т. п., Радимичей: Радимичъ, Радуля и др., Дреговичей: Дорогичинъ и т. п. [45]). Принимая во вниманіе вышеуказанное, можно такимъ образомъ провести границы Смоленскихъ Кривичей.

Но иногда можно подобрать нѣсколько подобнозвучащихъ геогр. именъ или даже вполнѣ сходныхъ, между тѣмъ какъ извѣстіе источника не указываетъ приблизительнаго положенія данной мѣстности. Тогда, думаемъ мы, слѣдуетъ скорѣе придерживаться названій рѣкъ и озеръ, такъ какъ онѣ древнѣе, въ общемъ, названій населенныхъ мѣстъ и самыя имена ихъ болѣе устойчиво держатся въ средѣ народа. При этомъ, общеизвѣстенъ фактъ, что русскіе Славяне зачастую называли населенные города именемъ рѣки. Этого основанія мы и будемъ придерживаться въ послѣдующихъ очеркахъ.

---

[44]) Кромѣ различныхъ указаній русскихъ лѣтописей на то, что древнія порубежныя укрѣпленія назывались *городками*, приведемъ интересное мѣсто изъ Мартина Галла: Multitudinem ad castram grodek obtinendum congregaret, стр. 71 въ изд. 1742 г. Или у Длугоша: Fabricato autem castro, quod a Polonis Grodek vocabatur и т. д. Hist. Pol., изд. въ 1711 г., т. I, p. 225.

[45]) Такимъ методомъ воспользовался Барсовъ въ своихъ „Очеркахъ Р. Истор. Географіи". Однако названіе *городокъ*, *городище* и др. могли произойти и въ болѣе позднее время, для обозначенія позднѣйшихъ рубежей и наконецъ, по другимъ, намъ неизвѣстнымъ, причинамъ. Поэтому вполнѣ полагаться на данныя современной географической номенклатуры и на нихъ основывать выводы не совсѣмъ основательно: данныя эти могутъ служить только *пособіемъ* для опредѣленія границъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣемъ мы положительное указаніе лѣтописнаго источника. Мы пользовались современными данными весьма осторожно.

На востокѣ границы Смоленской области доходили до верховьевъ Волги у г. *Вержавска* (н. Ржевъ Тверской губ.), откуда переходили на верховья Протвы [46]), Москвы-рѣки, на притокѣ которой *Искани* находился городъ того же имени; затѣмъ направлялись къ югу, приблизительно по р. Ворѣ, которая впадаетъ въ Юхновскомъ у. въ р. Угру, по которой тянулась граница до ея верховьевъ, находившихся въ Смоленской области [47]). Угра своими верховьями подходитъ къ рѣчкамъ Дегнѣ и Больвѣ, или Оболвѣ, на которой мы вполовинѣ XII в. видимъ Смоленскій городъ *Оболвь,* который, слѣдовательно, былъ крайнимъ пунктомъ на юго-востокѣ. Отсюда граница переходила по р. Деснѣ, до впаденія ея въ Снопоть, и по Снопоти до Десны; далѣе по Деснѣ, можетъ быть, до впаденія въ послѣднюю рѣчки Габни въ Орловской губ., недалеко отъ границъ Смоленской губ. На этой границѣ мы встрѣчаемъ г. *Пацынь,* нынѣ село Рославск. у., *Рогнѣдино* на границѣ того же у. и *Рославль.* Далѣе рубежъ шелъ по водораздѣлу р. Десны и Вороницы, южнѣе Рославля, откуда граница поворачивала на юго-западъ къ Сожу.

Обращаясь къ даннымъ современной географической номенклатуры, мы видимъ на этой границѣ: Погорѣлое *Городище* въ Тверской губ. къ востоку отъ Зубцова, *Буйгородокъ* на Гжати въ Смол. губ. и нѣсколько другихъ; далѣе въ области Угры: с. *Рубихино*, на границѣ съ Московск. губ. къ сѣверу отъ Юхнова, *Городище* на Угрѣ, въ особенности—*Зарубежье*, между Вязьмой и Дорогобужемъ, недалеко отъ гран. послѣдняго, *Городечно,* у верховьевъ Болвы въ Калужск. губ., *Городокъ* на верх. Угры, въ южномъ углу Дорогобужск. у., *Радули*, напоминающее сосѣднихъ Радимичей, село Рославльскаго у., къ югу отъ Пацыня—*Городецъ* ст. на жел. дор. изъ Брянска въ Рославль.

Южная граница Смоленскаго княженія, начинаясь въ южной части Рославльскаго у. захватывала и среднюю часть Климовичск. у. Могил. губ., гдѣ мы видимъ Смоленскій городъ *Зарой* и с. *Дѣдинъ*

---

[46]) „Взя люди Голядь, верхъ Поротвы". Ипат. 240 ст., Никон. 172, Воскрес. 333. Ипат. 114.

[47]) Есть основаніе предполагать, что владѣнія Смоленскаго князя были на вост. дальше намѣченнаго предѣла: изъ уст. гр. Смоленск. еп. видно что кн. Смол. получалъ дань изъ Суздаля-Залѣсскаго, или, что скорѣе, изъ какой нибудь его области, стр. 244, въ Хрест. Буданова.

на Острѣ, въ которомъ можно видѣть древніе *Дѣдогостичи*. Выше его на Сожѣ—*Кречютъ* (Кричевъ). Далѣе Смоленск. владѣнія захватывали все верхнее теченіе Сожи, пересѣкая ее между Чичерскомъ и Пропойскомъ у устья рѣчки Добрыча, на которой, по всей вѣроятности, находился *Доброчковъ*, упоминаемый въ уст. грам. Ростислава. На этой границѣ мы видимъ *Пропойскъ* Рогачевскаго у. на Сожѣ, древній *Прупои* и къ югу отъ него *Чичерскъ*, при впаденіи Чичеры въ Сожу, Радимичскій городъ, принадлежавшій Черниговскому княжеству. По рѣкѣ Добрычу южный Смоленскій рубежъ направлялся къ Днѣпру, къ которому примыкалъ у *Лучина*, ниже Рогачева. Немного выше здѣсь-же находилось Смоленск. село *Ветъ*, между Ново-Быховомъ, и Рогачевымъ, а южнѣе его городъ *Лучинъ*.

Обращаясь затѣмъ къ даннымъ современной географической номенклатуры, мы видимъ на этой границѣ *Городецъ* Климовическ. у. къ юго-западу отъ м. Шумячъ, прямо къ югу отъ Журавичъ на притокѣ Добрыча, къ западу отъ него, у верховья Добрыча *Кривскъ*, къ югу отъ послѣдняго *Городокъ*, затѣмъ *Городецъ* къ юго-вост. отъ Рогачева и нѣкот. др.

Изъ сосѣднихъ порубежныхъ Черниговскихъ городовъ на этой границѣ укажемъ: Лобинцъ на Протвѣ и Неринскъ, Воротницы при впаденіи Жиздры въ Угру, Мосальскъ (н. у. гор. Кал. губ.), Вщижъ на Деснѣ выше Брянска, не далеко отъ него Воробейна и Ормина на Ипути и, наконецъ, Чичерскъ на Сожѣ [48]).

Западная граница Смоленскаго княжества шла отъ Ветн вверхъ по Днѣпру, хотя неизвѣстно во всѣхъ-ли мѣстахъ эта граница примыкала непосредственно къ Днѣпру. Такъ на этомъ пути мы видимъ Кіевскій городъ Рогачевъ. *Копысъ* и *Орша* принадлежали Смоленской волости только съ 1116 г., когда были заняты Владиміромъ Мономахомъ у князей Полоцкихъ. Поселенія Смолянъ, можетъ быть, переходили уже въ этомъ мѣстѣ за Днѣпръ: самъ Днѣпръ представляетъ въ этихъ мѣстахъ препятствіе для нападеній и притомъ на этой границѣ у Смолянъ меньше всего было столкновеній съ сосѣдями. Кромѣ названныхъ городовъ здѣсь-же находились: *Добрятинъ* (с. Добрейки ниже Копыса) и *Басьи* при рѣкѣ того-же имени. Поэтому здѣсь мы замѣчаемъ только *Городецкое* на

---

48) Багалѣй, „Ист. сѣверн. земли“.

Пронѣ, *Городецъ*, на границѣ съ Смоленскою губ. Отъ Орши, или немного выше, порубежье Смоленское переходило за Днѣпръ и по восточной части Оршанскаго у. переходило въ Порѣчскій у. Смолен. губ. къ р. Хотѣнкѣ, на границахъ Могил. и Смоленск. губ., впадающей въ Касплю; на этой рѣкѣ предполагаютъ *Хотъшинъ*.

Далѣе по р. Рубежницѣ, которая протекаетъ на границахъ Витебск. и Могилевск. губ., рубежъ доходилъ до границъ Смоленск. губ., гдѣ она впадаетъ въ Паленицу, притокъ Каспли. На Касплѣ былъ гор. *Каспли* (селеніе Касиля недалеко отъ озера того-же имени). Кромѣ гор. Каспли на этомъ порубежьи мы замѣтимъ *Жичичи,* древніи Жидчичи. Отъ Каспли границы направлялись къ Двинѣ, приблизительно противъ Усьвята, Суражск. у., и, можетъ быть, перерѣзывали Двину южнѣе оз. Двинья, отъ котораго граница пролегала по водораздѣлу между рѣками Куньей, притокомъ Ловати, и Торопой, притокомъ Двины, оканчиваясь сѣвернѣе Торопца Псковск. губ., откуда рубежъ поворачивалъ на востокъ. На этой границѣ мы видимъ древніе *Жижци* при оз. Жижецкомъ Торопецкаго у.

Обратившись къ даннымъ современной географической номенклатуры, мы встрѣчаемъ: сѣвернѣе, на самой границѣ, *Рубежъ*, наконецъ *Городецъ* къ с. отъ Усвята.

Что касается сѣверной границы Смоленскаго княжества, то опредѣленіе ея затрудняется вслѣдствіи отсутствія лѣтописныхъ данныхъ. Смоленскіе Кривичи на сѣверѣ граничили съ весьма родственнымъ племенемъ Новгородскихъ Славянъ и при томъ торговые интересы сосѣднихъ областей были на столько общи, что между ними весьма рѣдки бывали столкновенія. Все это приводитъ къ тому, что на этомъ рубежѣ меньше всего замѣтны слѣды укрѣпленій, и при томъ лѣтописи не имѣютъ случая упоминать о порубежныхъ мѣстахъ.

Сѣверная граница Смоленской области съ Новгородомъ начиналась сѣвернѣе Торопца, принадлежавшаго къ Смоленской области; далѣе рубежъ шелъ къ озеру Селигеру, хотя неизвѣстно былъ-ли этотъ важный пунктъ воднаго пути во владѣніи однихъ Новгородцевъ или они владѣли имъ сообща съ Смолянами [49]). Отъ Селигера рубежъ направлялся по Волгѣ до города Ржева Тверской губ., отъ

[49]) Проф. Барсовъ склоняется на послѣднее предположеніе, „Очерки Р. Истор. Геогр.“, стр. 190.

котораго онъ по юго-восточному направленію переходилъ въ Гжатскій у. Смоленск. губ. [50]). Таковы были границы великаго княжества Смоленскаго въ первую эпоху его самостоятельной жизни, какъ отдѣльнаго независимаго удѣла, что относится собственно къ половинѣ XII в. во время княженія Ростислава Мстиславича, внука великаго Мономаха.

Опредѣливъ границу Смоленской земли, обратимся теперь къ городамъ ея.

Для возстановленія границы Смоленскаго княжества въ періодѣ до конца XII в. мы имѣемъ немного указаній въ лѣтописи и кромѣ того весьма важный документъ—Уставная грамота князя Ростислава Мстиславича, данная имъ Смоленской епархіи въ 1157 г. [51]) Лѣтопись и названная грамота упоминаютъ почти о 60 городахъ, мѣстоположеніе которыхъ (по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые можно найти на современныхъ картахъ) съ достаточною ясностію даютъ возможность опредѣлить границы княжества.

Наиболѣе важнымъ географическимъ документомъ является Ростиславова грамота. Она упоминаетъ о 47 городахъ, изъ которыхъ только немногіе упоминаются въ лѣтописи. Прежде чемъ перейти къ опредѣленію городовъ Смоленской земли, размотримъ составъ названной грамоты.

При опредѣленіи городовъ на современныхъ картахъ, названныхъ въ Ростиславовой грамотѣ, ученые обыкновенно подыскиваютъ подобнозвучащія названія теперешнихъ селеній на территоріи бывшаго Смоленскаго княжества, если нѣтъ другихъ, болѣе опредѣленныхъ указаній. Но при этомъ взачастую находится нѣсколько одинаковыхъ или подобнозвучащихъ названій. Какому изъ нихъ отдать предпочтеніе? Какое именно было городомъ или селеніемъ во времена Ростислава? Такъ, въ грамотѣ упоминается Добрятино и Доброчково. На современныхъ картахъ Смоленской и восточной части Могилевской губ. можно указать много селеній, названіе которыхъ происходитъ отъ слова *добрый*: Доброе, село въ Чаусскомъ

[50]) Лавр. 5. Ср. опредѣленіе границъ Смоленскихъ у Барсова, „Очерки Истор. Географ.", стр. 184, 191.

[51]) Грамота эта была издана со списковъ XVI в. въ Доп. къ актамъ ист., т. I, № 4, въ Хрест. по русск. ист. Аристова, стр. 678—681, въ Хрест. по ист. русск. права Владимірскаго-Буданова, вып. I, 241—249.

уѣздѣ Могилевской губ., Добромысль Оршанскаго уѣзда той-же губ., Добрички Рогачевскаго уѣзда, на которыя указываетъ Барсовъ.[52]) Мы прибавимъ еще Добрейки на Днѣпрѣ, между Копысомъ и Могилевомъ, и т. д. Если прямо подбирать по картѣ мѣстности, то всякая изъ нихъ имѣетъ равное право быть признанной за упомянутыя селенія въ грамотѣ. Такое опредѣленіе мало удовлетворительно. Важно было бы опредѣлить по крайней мѣрѣ приблизительно мѣстность, въ которой слѣдуетъ искать названныхъ городовъ.

Намъ кажется, что для такого опредѣленія нѣкоторое основаніе даетъ сама Ростиславова грамота, если обратить вниманіе на порядокъ городовъ, въ ней упоминаемыхъ. Естественно предположить, что составлявшій се писецъ руководствовался какимъ либо началомъ при перечисленіи городовъ. Врядъ ли онъ называлъ города, какой придетъ ему на память, безъ всякаго порядка. Вѣрнѣе всего, что порядокъ перечисленія зависѣлъ отъ положенія городовъ по пути собиранія княземъ дани. Писецъ помнилъ, изъ какого города въ какой князь отправляется обыкновенно за данью, имѣлъ подъ рукою соотвѣтствующія записи и по нимъ, по порядку, называлъ города.

Въ самомъ дѣлѣ. Если мы обратимъ вниманіе на порядомъ тѣхъ изъ названныхъ городовъ, положеніе которыхъ мы несомнѣнно можемъ указать на современной картѣ, то увидимъ, что города въ грамотѣ упоминались въ извѣстной послѣдовательности.

По составу своему грамота дѣлится на три части (собственно три грамоты): въ первой перечисляются города и количество полагающейся съ нихъ епископу дани, во второй (сослов. „Се азъ худый и грѣшный“ и т. д.) утвержденіе княземъ грамоты, и въ третьей—(сослов. „А се погородіе“ и т. д. до конца) перечисленіе городовъ, съ которыхъ дается епископу погородіе и почестье[53]). Въ послѣдней части названо 11 важнѣйшихъ городовъ безъ всякаго порядка.

Въ первой же части названо 37 мѣстностей, за исключеніемъ селъ отданныхъ епископу въ непосредственное владѣніе (Дросенскаго, Ясенскаго и др.). Эти то мѣстности составитель грамоты,

---

52) См. Словарь ист. геогр.

53) Съ такимъ раздѣленіемъ она издана проф. Владимірскимъ-Будановымъ.

намъ кажется, и назвалъ въ извѣстномъ порядкѣ. Вотъ перечисленные города:

1. Вержавлѣни Великіе.
2. Врочници.
3. Торопчи.
4. Жижци.
5. Каспли.
6. Хотшинъ.
7. Жабачевъ.
(Вото. овичи).
8. Шуйспѣи.
9. Дешпяни.
10. Ветьская.
11. Былевъ.
12. Бортници.
13. Витринъ.
14. Жидчичи.
15. Басѣи.
16. Мирятичи.
17. Добрятино.
18. Доброчково.
19. Бобровници.
20. Дѣдогостичи.
21. Зарубъ.
22. Женни-Великая.
23. Пацинь.
24. Солодовници.
25. Путтинъ.
26. Бѣпици.
27. Дѣдичи.
28. Копысь.
29. Прупои.
30. Кречютъ.
31. Лучинъ.
32. Оболвь.
33. Исканъ.
34. Суждаль-Залѣсскій.
35. Вержавскъ.
36. Лодейници.
37. Торопецъ.

Уже самый поверхностный взглядъ на порядокъ исчисленія городовъ заставляетъ предположить въ перечисленіи ихъ нѣкоторый порядокъ: составитель, начавъ съ Вержавскихъ погостовъ и Торопца, кончаетъ городомъ Вержавскимъ (около котораго находились погосты) и Торопцемъ же. Мало того. Изъ послѣдующаго обозрѣнія городовъ мы увидимъ, что 15 мѣстностей грамоты опредѣляются вполнѣ точно. А именно: Вержавлѣни Великіе, Торопчи, Жижци, Каспли, Ветьская, Басѣи, Зарубъ, Пацинь, Копысь, Прупои, Кречютъ, Лучинъ, Оболвь, Исканъ, Суждаль Залѣсскій; если мы прослѣдимъ по картѣ эти города, то увидимъ, что первые три составляютъ сѣверную группу, Каспли, Ветская и Басѣи—западную, Зарубъ, Пацынь, Прупои, Кречютъ и Лучинъ—южную, Исканъ и Суждаль Залѣсскій—восточную группу. Всѣ они по порядку слѣдуютъ одинъ за другимъ на картѣ. Подъ общій порядокъ исчисленія неподходитъ только Копысь: по его положенію въ граматѣ онъ

стоитъ въ южной группѣ, тогда какъ географическое положеніе его даетъ ему мѣсто въ западной. Этотъ фактъ можно объяснить случайностью, но остальные 14 мѣстностей, конечно, неслучайно стоятъ въ извѣстномъ порядкѣ.

Опредѣляя далѣе города грамоты, можно съ большой вѣроятностью указать на положеніе еще слѣдующихъ: Хотшина, Жабачева, Витрицы, Жидчичи, Доброчкова (а можетъ быть и Добрятина) и опять таки эти города слѣдуютъ тому же порядку.

Такимъ образомъ, указанное свойство порядка исчисленія городовъ въ грамотѣ даетъ намъ возможность съ большею достовѣрностью указывать на положеніе того или другого города; равнымъ образомъ если для одного и того же города грамоты можно подыскать нѣсколько созвучныхъ названій, то преимущество его слѣдуетъ отдавать тому, которое соотвѣтствуетъ мѣсту въ спискѣ: положеніе мѣстности, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ приблизительно опредѣлится. Для нѣсколькихъ же названій вовсе нельзя подыскать созвучныхъ; въ такомъ случаѣ мы можемъ хотя приблизительно указать ихъ положеніе [54]).

Теперь перейдемъ къ опредѣленію положенія городовъ, какіе упоминались въ грамотѣ, такъ и въ лѣтописяхъ. Замѣтимъ, что нѣкоторые ученые (Бѣляевъ) высказывали сомнѣніе въ томъ, что всѣ поименованныя въ грамотѣ мѣстности были городами. Но если признать города данной эпохи прежде всего укрѣпленными пунктами для военныхъ и торговыхъ цѣлей, около котораго селилась купцы и земледѣльцы, къ которому тянули извѣстные округа (уѣздъ), то нужно будетъ признать мѣстности грамоты городами, независимо отъ дани ими платимой, какъ это уже и доказано проф. Самоквасовымъ. [55]).

---

[54]) Обращаемъ вниманіе историковъ права на то, что дань «полюдіе», по грамотѣ, бралась, повидимому, съ однихъ пограничныхъ, болѣе или менѣе окраинныхъ городовъ, каковыми въ большей или меньшей мѣрѣ являются перечисленные города; между тѣмъ съ внутреннихъ (нѣкоторыхъ) городовъ бралось только «погородіе», а нѣкоторые внутренніе города совсѣмъ непоименованы (Красный, Васильевъ, Смоленскъ).

[55]) Вотъ его доказательство; 1) въ перечисленіи поселеній, долженствовавшихъ платить дань въ пользу епископа Смоленскаго, въ первой уставной грамотѣ поименованы: Торопецъ, Копысъ, Лучинъ, Мстиславль, Суздаль и Изяславль (?), но что эти поселенія были города, въ томъ убѣждаютъ насъ свидѣтельства лѣтописей и третья грамота Ростислава. 2) По количеству платимой дани. Торопецъ, Копысъ, Лучинъ, Мстиславль, Суждаль и Изяславль не отлича-

Вержавлѣни великіе, состоявшіе изъ девяти погостовъ, въ которыхъ жили истужники [56]), находились несомнѣнно около города Вержавска, нынѣшняго Ржева, уѣзднаго города Тверской губ. на верхней Волгѣ [57]), такъ сказать въ его округѣ.

Торопецъ—уѣздный городъ Псковской губ. при озерѣ того же имени. Это одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ; первыя упоминанія о немъ мы встрѣчаемъ въ XII в.; черезъ него въ 1168 г. проѣзжалъ Ростиславъ Мстиславичъ на свиданіе съ сыномъ своимъ Святославомъ, княжившимъ тогда въ Новгородѣ [58]). Торопецъ упоминается въ Патерикѣ Печерскомъ въ жизнеописаніи прп. Исакія, бывшаго родомъ изъ этого города [59]). Онъ находился на одной изъ вѣтвей великаго воднаго пути, а потому уже въ XII в. былъ однимъ изъ богатыхъ городовъ: съ него князю шло 400 гривенъ доходу,—по количеству котораго онъ значительно выдавался изъ всѣхъ названныхъ въ грамотѣ городовъ. Здѣсь же находились богатыя княжескія рыбныя ловли (гр. Рост.). Кіево-Печерскій затворникъ Исаакій называется богатымъ Торопецкимъ купцомъ [60]). Въ самомъ началѣ XIII в. Торопецъ уже выдѣляется въ особый удѣлъ и съ того времени пріобрѣтаетъ особенную извѣстность и значеніе. Городъ въ древности былъ хорошо укрѣпленъ, —такъ какъ онъ

лись отъ другихъ поселеній. 3) Вержавскъ названъ городомъ въ самомъ актѣ: у Вержавску у городѣ 3 гривны Святой Богородицы, а Вержавскъ, по количеству платимой имъ дани, составлялъ меньшій изъ перечисленныхъ въ грамотѣ пунктовъ поселенія. 4) Семь изъ перечисленныхъ въ первой грамотѣ поселеній упоминаются въ третьей, гдѣ прямо названы городами. Древніе города Россіи, стр. 87—88.

[56]) Люди, неподлежавшіе общей уплатѣ податей, по объясненію проф. Владимірскаго-Буданова. См. прим. 6 къ изд. имъ грамотѣ.

[57]) Бѣляевъ (Зап. Русск. Геогр., т. VI, р. 177) дѣлаетъ догадку, что Вержавскъ нынѣ Ржева. Барсовъ [см. Словарь] приводитъ эту догадку съ замѣчаніемъ, что «она не совсѣмъ доказательна» и указываетъ на погостъ Вережую въ Торопецкомъ у. Погодинъ (Лекціи и пр., 31) прямо указываетъ на Ржевъ. Проф. Будановъ указ. на с. Вержу на р. Вержицѣ въ Бѣльскомъ у. Смол. губ. (прим. къ грамотѣ). Споръ этотъ съ достаточною опредѣленностью, какъ намъ кажется, рѣшается проф. Соболевскимъ (см. Лекціи по ист. Русск. яз., р. 83), который указываетъ образованіе слова Ржева изъ Вьржева, отъ корня *врж* (кустъ): вслѣдствіе исчезновенія глухаго ь отпала согласная в. Что Вержавлѣнскихъ погостовъ слѣдуетъ искать около города Вержавска доказывается, намъ кажется, смысломъ самой грамоты: при упоминаніи о самомъ городѣ грамота говоритъ *«у Вержавску въ городѣ»*, противополагая такимъ образомъ Вержавскимъ погостамъ городъ. А между тѣмъ слово городъ ни при одномъ изъ другихъ названій городовъ нѣтъ: ясно, что составитель хотѣлъ оттѣнить Вержавскъ городъ отъ погостовъ.

[58]) Ипат. 362.

[59]) Яковлевъ, Пам. русск. литер. XII и XIII вв., р. 79.

[60]) ibid.

представляетъ крайній и важный пунктъ Смоленскаго княжества на сѣверѣ; около него находится нѣсколько городищъ [61]). Въ XVI ст. онъ былъ обнесенъ деревянными укрѣпленіями [62]).

Жижци—слѣдуетъ искать на берегахъ озера Жижецкаго или Жіожицкаго въ Торопецкомъ уѣздѣ. Въ лѣтописи этотъ городъ упоминается подъ 1245 г.; подъ нимъ Александръ Невскій разбилъ Литовцевъ, ограбившихъ Торопецъ. Судя по количеству дани (130 гривенъ), это былъ довольно значительный городъ. Въ немъ же производились рыбныя ловли (Жижцп также отъ всѣхъ рыбъ, иже идеть ко мнѣ, десятина св. Богородицы и епископу, Грам. Ростислава) [63]).

Каспля—въ настояще время есть въ Порѣчскомъ уѣздѣ Смоленской губ. озеро Каспля, изъ котораго вытекаетъ рѣка того же имени, впадающая въ Западную Двину. На берегу этой рѣки есть слобода Каспля. Это одинъ изъ большихъ городовъ: съ него князь получалъ 100 гривенъ дани; лежалъ онъ на торговомъ пути изъ Поднѣпровья въ Подвинье [64]).

Ветьская—на Днѣпрѣ въ Быховскомъ уѣздѣ Могилевской губ.

---

[61]) Семевскій „Торопецъ“, р. 1, говоритъ что около города есть искусственно окопанныя горы, которыя народъ называетъ „поклонными“. Очевидно, онъ указываетъ на городище, хотя, быть можетъ, мы дѣлаемъ слишкомъ смѣлое заключеніе.

[62]) Въ спискѣ городовъ—Торопецъ древянъ показанъ въ числѣ Литовскихъ. П. С. Р. Л. т. VII.

[63]) Кромѣ грамоты о немъ упоминается въ лѣтописи подъ 1245 г. (П. С. Л., VII, 125), въ спискѣ городовъ онъ поставленъ въ числѣ литовскихъ (П. С. Л. VII, 241). Бѣляевъ (176 р.) указываетъ на созвучіе съ *Сидки* на Волгѣ выше Ржева. Барсовъ ссылается на него въ своемъ Словарѣ, но въ Оч. руск. ист. Геогр. (р. 26, 190) самъ помѣщаетъ его при названномъ озерѣ. Проф. Будановъ говоритъ, что географически онъ не можетъ быть опредѣленъ (прим. къ грам.). Намъ кажется созвучіе *Жижци* и оз. Жижецкаго вполнѣ подходящее, если не прямо указывающее на мѣстонахожденіе города. Съ другой стороны, самъ смыслъ лѣтописи, гдѣ говорится объ этомъ городѣ указываетъ на его мѣстоположеніе именно у названнаго озера. Лѣтопись говоритъ, что Александръ Невскій, погнавшись за убѣгающими изъ Торопца Литовцами, разбилъ ихъ подъ Жижичемъ, „а сына своего поима изъ Витебска“. Слѣдовательно, изъ Торопца князь направился подъ Жижци и далѣе на Витебскъ; по направленію къ послѣднему городу, естественно, должны были отступать литовцы; поэтому искать Жижци на Волгѣ, какъ это дѣлаетъ Бѣляевъ, никакъ невозможно. Между тѣмъ дальше оз. Жижецкаго и рядомъ съ нимъ находящагося оз. Двинья Смоленскіе предѣлы никогда недостигали. Такимъ образомъ городъ Жижци, во всякомъ случаѣ, можно только пріурочить къ данной мѣстности.

[64]) Такое опредѣленіе, какъ несомнѣнное, принято всѣми. Барсовъ (Словарь), Будановъ (примѣчаніе).

между Н. Быховомъ и Рогачевомъ есть селеніе Веть [65]). Незначительное селеніе въ древности (40 гривенъ дани).

Басѣи—опредѣляются рѣкою Басею, впадающею въ Проню въ Чаусскомъ уѣздѣ Могилевской губ. Въ древности селеніе незначительное (всего 15 гривенъ дани) [66]).

Пацинь—въ настоящее время село въ юго-восточной части Рославльскаго уѣзда, къ западу отъ Десны [67]); небольшое поселеніе въ древности.

Копысъ—мѣстечко Могилевской губ. на Днѣпрѣ, ниже Орши. Въ немъ умеръ извѣстный епископъ Новгородскій Лука, на пути изъ Кіева въ Новгородъ въ 1059 г. До начала XII ст. онъ, вмѣстѣ съ Ршей (Оршей), принадлежалъ Полоцку и, вѣроятно, былъ населенъ этими Кривичами, но въ 1116 г. Мономахъ въ борьбѣ съ Глѣбомъ отнялъ его. Населеніе этого города было небольшое, такъ какъ полюдія съ него бралось всего 40 гривенъ. Но здѣсь былъ перевозъ черезъ Днѣпръ, съ котораго князь получалъ 100 гривенъ. Какъ при-Днѣпровскій городъ и пограничный, онъ имѣлъ таможню (бралась торговая дань и здѣсь были устроены постоялые дворы, бралась корчемная дань).

Прупои—н. Пропойскъ, мѣст. Могилевской губ. Быховскаго уѣзда на Сожѣ, при впаденіи въ нее Прони. Также малонаселенный городъ (полюдія шло всего 10 гривенъ). Это первая Смоленская станція на р. Сожѣ у Черниговскихъ границъ, на пути изъ средняго Поднѣпровья на Смоленскъ. Здѣсь были постоялые дворы княжескіе.

Кречютъ—н. мѣст. Кричевъ Чериковскаго уѣзда той же губ., незначительный городъ [68]).

Лучинъ. Положеніе этого важнаго города изслѣдователи опредѣляютъ различно. Однако, мы думаемъ, что положеніе этого города

---

65) Бѣляевъ указываетъ на Вѣтки въ Мценскомъ уѣздѣ (178 р.), Барсовъ указываетъ на Вѣтку Гомельскаго уѣзда, основанную раскольниками, впрочемъ (Словарь). Будановъ видитъ въ ней Вѣтцы—Гжатскаго уѣзда на р. Вѣтчинкѣ (прим.). Думаемъ что проще остановиться, на названіи, вполнѣ совпадающемъ (Веть, Ветьская весь), неизвѣстномъ, очевидно, названнымъ ученымъ.

66) Съ этимъ опредѣленіемъ согласны и Бѣляевъ (178), Барсовъ (Словарь) и Будановъ.

67) Барсовъ, Словарь. Будановъ, примѣч.

68) Такъ опредѣляетъ Бѣляевъ (Изв. русск. геогр. Общ., т. VI, р. 279). Въ спискѣ городовъ помѣщенъ въ числѣ литовскихъ. П. С. Р. Л., т. VII, р. 241.

съ наибольшею достовѣрностью можно отнести къ теперешнему большому с. Лучину на Днѣпрѣ, немного ниже Рогачева [69]). Лучинъ составлялъ личное владѣніе князя Рюрика Ростиславича, полученное имъ отъ отца его. Когда Рюрикъ покинулъ Новгородъ въ 1172 г. и возвращался съ семьею въ свои южныя владѣнія, переданныя имъ на время брату Давиду, здѣсь родился у него сынъ Михаилъ-Ростиславъ. Въ память этого событія князь построилъ въ Лучинѣ церковь св. Михаила и самый городъ подарилъ новорожденному. Имѣлъ ли Лучинъ какое либо значеніе въ торговлѣ, какъ при-Днѣпровскій городъ, находившійся на очень удобномъ мѣстѣ,—трудно опредѣлить, потому что количество дани, шедшей съ него князю, не прочтено издателями грамоты. Какъ съ города пограничнаго и притомъ лежавшаго на водномъ пути, съ него шло князю мыто, т. е. пошлины съ товаровъ, проходившихъ черезъ него, и „корчмити", т. е. дань съ корчемъ, устроенныхъ въ немъ, вѣроятно, для остановокъ

---

69) Барсовъ въ Словарѣ относитъ его именно къ этому селу. Но въ „Очеркахъ" (р. 25) приурочиваетъ къ с. Лучани на Лучанскомъ озерѣ, у верховьевъ Балы въ Новг. г. и на основаніи этого опредѣленія устанавливаетъ путь изъ Озерной области въ Поднѣпровье. Будановъ почему то утверждаетъ, что это несомнѣнно д. Лучань на р. Ельшѣ въ Порѣчскомъ у. Смол. губ. Для сужденія о мѣстонахожденіи древняго Лучина есть у насъ извѣстіе лѣтописи подъ 1172 г.: Рюрикъ Ростиславичъ, идя изъ Новгорода, остановился въ Лучинѣ и здѣсь у него родился сынъ Михаилъ-Ростиславъ; отецъ далъ новорожденному городъ Лучинъ и построилъ здѣсь церковь св. Михаила (Ип. 389). Барсовъ и Будановъ ищутъ Лучина между Смоленскомъ и Новгородомъ на водномъ пути, такъ какъ въ нѣкот. спискахъ лѣтописи говорится, что Рюрикъ шелъ изъ Новгорода къ Смоленску. Но въ 1) Рюрикъ шелъ *зимою* („Въ ту же зиму выйде"), слѣдовательно, онъ могъ и не направлятся воднымъ путемъ, который не представлялъ бы (ни по опредѣленію Барсова, ни по опредѣленію Буданова) прямой дороги; во 2) въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи говорится, что Рюрикъ шелъ изъ Новгорода и *Смоленска*, т. е. былъ за Смоленскомъ уже, когда родился у него сынъ, направляясь на югъ въ свой Овруцкій удѣлъ. Кромѣ того, съ опредѣленіемъ Барсова трудно согласиться и потому еще, что онъ указываетъ древній Лучинъ на Новгородской территоріи; какъ же могъ князь дарить своему сыну городъ враждебнаго ему племени? Мало того, Лучинъ, очевидно, принадлежалъ Рюрику какъ его княжескій, личный городъ (ибо удѣла онъ не имѣлъ въ Смоленской землѣ); такъ какъ онъ до этого времени даже при отцѣ (Ип. 370, 378) и послѣ имѣлъ удѣлъ на югѣ, въ Овручѣ, Бѣлгородѣ, то естественно ожидать, что его собственные княжескіе города въ Смоленской землѣ были на югѣ ея. А Лучинъ самый южный пунктъ отъ Смоленска. Замѣтимъ еще, что въ спискѣ городовъ (П. С. Р. Л. т. VII р. 240—241) Лучинъ поставленъ въ числѣ городовъ Кіевскихъ, рядомъ съ Рогачевымъ, что опять таки можетъ служить подтвержденіемъ нашего опредѣленія. Добавимъ еще нѣсколько словъ объ опредѣленіяхъ положенія Лучина. Арцыбышевъ указывалъ на погостъ Лучани Псков. г. Холмскаго уѣзда. Карамзинъ видѣлъ въ немъ Люцинъ, уѣздный городъ Витеб. губ. Надеждинъ и Неволинъ указываютъ на то, что много есть подобнозвучащихъ словъ въ сѣверн. части Смоленск. г.; Новг. г. и Тверск. г., а также намекали на положеніе его среди городовъ грамоты (Погодинъ, 300, IV).

проѣзжающихъ. Изъ этого ясно, что онъ во всякомъ случаѣ служилъ торговою и таможенною станціею.

Оболвь—въ настоящее время легко опредѣляется притокомъ Десны р. Болвою, въ Масальскомъ уѣздѣ Калужской губ., верховья которой находятся у границы Смоленской губ.; у верховья Болвы есть въ настоящее время селеніе Болва. Это былъ небольшой городокъ на пути изъ Черниговской земли въ землю Вятичей и Ростовскую. Съ него князь неполучалъ полюдья, а только гостинную дань, т. е. дань съ проѣзжающихъ купцовъ, что даетъ намъ нѣкоторое право заключить, что Оболвь былъ лишь небольшимъ укрѣпленіемъ пограничнымъ, въ которомъ жили только дружинники и княжескіе чиновники, въ тоже время былъ таможеннымъ городкомъ. Оболвь и его окрестности находились въ землѣ Вяточей и упоминаніе о немъ, какъ о Смоленскомъ городѣ находится только въ Ростиславовой грамотѣ 1150 г. Другія же указанія лѣтописей, какъ болѣе раннія (1147 г.), такъ и болѣе позднія (1159 г.), упоминаютъ о немъ какъ о Черниговскомъ городѣ. Слѣдовательно, онъ принадлежалъ Смоленску всего лишь лѣтъ 10 [70]).

Искань—опредѣляется р. Исканью въ Можайскомъ у., притокъ р. Москвы. Незначительное селеніе на восточной границѣ [71]).

Суждаль Залѣсскій - во время составленія грамоты не принадлежалъ Смоленску. Грамота говоритъ о немъ: „Суждали Залѣская дань *аже воротитъ Гюрги,* а что будеть въ ней, изъ того святѣй Богородицы десятина“; это мѣсто служитъ указаніемъ на то, что незадолго передъ борьбой Ростислава съ Юріемъ Смоленску при-

---

[70]) Опредѣленіе Смоленской Облови, данное Бѣляевымъ (с. Обольцы въ Копыскомъ у., 179) не имѣетъ значенія. Въ опредѣленіи положенія Вятичскаго Блове всѣ изслѣдователи сходятся: Арцыбышевъ (II, 36), Надеждинъ и Неволинъ (у Погод. IV, р. 228), Барсовъ въ „Очеркахъ“ (р. 156), хотя въ Словарѣ онъ сомнѣвается въ этомъ на томъ основаніи, что словопроизводство областныхъ названій отъ рѣкъ (р. Болва—Обловье) не оправдываетъ производства въ данномъ случаѣ (ср. Десна—Подесенье). Всѣ эти мнѣнія подробно приведены у Багалѣя (Ист. Сѣв. земли, р. 142). Будановъ въ примѣч. къ грам. Считать Смоленскую Оболвь за отдѣльный городъ отъ Блове Вятичей, намъ кажется, нѣтъ основанія. Онъ упоминаётся, какъ Черниговскій въ самый разгаръ войны Изяслава и Ростислава Мстиславичей съ Юріемъ и его союзникомъ Святославомъ Черниговскимъ, который въ томъ же году воевалъ верховья Протвы и Угры (Ип. 240, 242). Въ это время Ростиславъ, въ свою очередь могъ занять Черниговскій городъ. Послѣ 1150 г. онъ опять попалъ въ продолженіи той же борьбы къ Черниговскимъ князямъ (1159 г. Т. С. Р. Л., т. VII р.)

[71]) Барсовъ, Словарь.

надлежали земли въ самой Суздальской землѣ, быть можетъ, Смоленскія колоніи [72]).

Вержавскъ—нынѣ городъ Ржевъ Тверской губ. на Волгѣ. Судя по количеству дани (30 гривенъ)—незначительный городъ.

Хотшинъ—до нѣкоторой степени опредѣляется рѣкою Хотѣнкою на границѣ Порѣчскаго у. Могилевской губ. Судя по количеству дани (120 гривенъ), одинъ изъ большихъ городовъ [73]).

Витринъ—быть можетъ, можно опредѣлить рѣкою Вотрею, притокомъ Вопи въ Духовщинскомъ у. [74]). У верховья ея есть села Вотря и Вердина.

Жидчичи—теперь село въ Порѣчскомъ у.—Жичицы [75]).

Добрятино—быть можетъ, нынѣ, с. Добрейка на Днѣпрѣ, ниже Копыса Могилевской губ. [76]).

Доброчково—быть можетъ, нынѣ опредѣленъ р. Добрычемъ, впадающею въ Сожъ, немного выше Чичерска [77]).

Дѣдогостичи—быть можетъ нынѣ с. Дѣдинъ Климовичскаго у. Могилевской губ.

Зарубъ.—О немъ мы имѣемъ также указанія и въ лѣтописи: Ростиславъ Мстиславичъ, проѣзжая изъ Новгорода, послѣ свиданія съ сыномъ Святославомъ, остановился въ Зарубѣ, селѣ Рогнѣдиномъ, прибавляетъ лѣтопись, гдѣ и умеръ. Такимъ образомъ, онъ находился на пути изъ Смоленска. Въ Рославскомъ у. Смоленской руб. на Деснѣ въ настоящее время есть большое село Рогнѣдино, лежащее на пути изъ Смоленска въ Кіевъ [78]).

[72]) Барсовъ, Очерки, 1.

[73]) Будановъ (примѣч.) указываетъ на дер. Хотину въ Бѣльскомъ у. Мы всегда въ такихъ случаяхъ придерживаемся названія рѣкъ для опредѣленія городовъ.

[74]) Бѣляевъ видѣлъ въ ней названную Ведрину. Съ нимъ согласны Барсовъ и Будановъ.

[75]) Указаніе Буданова.

[76]) Бѣляевъ пріурочиваетъ къ с. Доброму Чаусскаго уѣзда (178 р.); Барсовъ прибавляетъ еще Добромысль Оршанскаго у. (Словарь). На нихъ ссылается Будановъ.

[77]) Бѣляевъ указываетъ на Добрички въ Рославскомъ у. на Сожѣ. На него ссылается Барсовъ и Будановъ.

[78]) Такъ опредѣляютъ Зарубъ Надеждинъ и Неволинъ (Погодинъ, 299). Съ ними согласенъ Барсовъ въ своемъ Словарѣ. Но въ Очеркахъ русск. ист. геогр. (р. 313) онъ указываетъ на с. Заровцы у Днѣпра, на что ссылается и Будановъ. Послѣднее опредѣленіе не имѣетъ значенія; что именно въ нын. селѣ Рогнѣдинѣ нужно видѣть древній Зарубъ: 1) полное совпаденіе названій и 2) черезъ него могъ проходить зимній кратчайшій путь изъ Смоленска въ Кіевъ (Ростиславъ умеръ въ Зарубѣ 14 марта); см. Ипат. 364.

Дросенское—определяется р. Дресенкою Смоленскаго у., недалеко отъ города; на этой рѣкѣ есть село Дресенка [79]). Дросенское вмѣстѣ съ другимъ селомъ Ясенскимъ (нынѣ б. м. дер. Ясенская въ Осташковскомъ у. [80]), землею въ Погоновичахъ Мойшинскихъ, озерами и сѣножатями Немикорскими, сѣножатями на Свекровыхъ Лукахъ и озеромъ Колодарскимъ отданы были епископу во владѣніе Ростиславомъ въ 1150 г. Всѣ эти названія трудно найти на современныхъ картахъ. Бѣляевъ указываетъ, на деревню Свершковъ для опредѣленія Свекровыхъ Лукъ [81]). Кромѣ того епископу же данъ былъ Холмъ [82]).

Мстиславль—нынѣ уѣздный городъ Могилевской губ.

Ростиславль—нынѣ уѣздный городъ Смоленской губ.

Ельня—также нынѣ уѣздный городъ Смоленской губ. на Деснѣ. Въ географическомъ описаніи начала XVII в. на этомъ мѣстѣ значится Городище Ельна [83]).

Дорогобужъ—нынѣ уѣзный городъ Смоленской губ.

Мы перечислили всѣ города, упомянутые грамотой Ростислава, географическое положеніе которыхъ можетъ быть положительно указано въ настоящее время, или по крайней мѣрѣ съ нѣкоторою достовѣрностью.

Назовемъ города, не вошедшіе въ предыдущее перечисленіе по недостаточности указаній въ современной географической номенклатурѣ.

Врочницы.
Жабачевъ.
Женни Великая.
Вотоовичи.
Туйспѣи.

79) Будановъ въ прим. къ грамотѣ.

80) Бѣляевъ, р. 179.

81) ibidem. Онъ же указываетъ дер. Мошну въ Духовск. у. для опредѣленія Мойшинской земли. Барсовъ указываетъ на Мошево въ Климовичскомъ у. (Словарь). Врядъ ли эти опредѣленія имѣютъ какое либо значеніе.

82) Въ Смоленской губ. есть много селеній съ названіемъ Холмъ, но къ которому изъ можно отнести Холмъ грамоты—нельзя опредѣлить.

83) Названіе Ельна принадлежитъ многимъ мѣстностямъ въ Смоленской губ.; есть также рѣчка, берущая начало на гран. Смоленской и Могилевской губ., впадающая въ Днѣпръ, но важнымъ указаніе на наше опредѣленіе Ельны служитъ положеніе ея въ „Книгѣ Большаго Чертежа" (М. 1838 г. 1-е изд., р. 85), гдѣ на р. Деснѣ помѣщено Городище Ельна—остатокъ въ то время древняго города. Въ книгѣ Большаго Чертежа упоминается также Мстиславль и Рославль (80—81). Въ спискѣ городовъ: Ельна, Дорогобужъ и Мстиславль помѣщены въ числѣ Смоленскихъ. (П. С. Р. Л. т. VII, р. 241).

Всѣ эти города были изъ числа весьма значительныхъ. Такъ, первые три платили дани по 200 гривенъ, Вотоовичи—100 гривенъ, а послѣдній 80 гривенъ; къ сожалѣнію, положеніе ихъ можетъ быть указано только приблизительно, въ связи съ порядкомъ перечисленія городовъ грамоты. Именно: Врочници слѣдуетъ искать въ Торопецкомъ у., Жабачевъ, Вотоовичи и Шуйспѣи—гдѣ либо въ Придиѣпровьи, между Касплей и Ветью, и Женни Великую—на югѣ Рославскаго уѣзда [84]).

Кромѣ того, въ послѣдней грамотѣ упомянуты еще:

Крупля и

Изяславль.

Судя потому, что они стоятъ среди весьма значительныхъ городовъ (Мстиславля, Ельны, Рославля и др.), съ которыхъ брали *погородіе и почестье* [85]), можно думать, что и эти города были болѣе или менѣе значительны.

Изъ мелкихъ городовъ упоминаются въ грамотѣ слѣдующіе, мѣстоположеніе которыхъ опредѣляется только относительно;

Дешпяны,

Былевъ и

Бортницы

лежали гдѣ нибудь около Вети въ при-Днѣпровьи.

---

[84]) Впрочемъ, замѣтимъ что нѣкоторымъ городамъ изслѣдователи пытались подыскать подобнозвучащіе. Такъ, для опредѣленія Шуйспѣевъ Барсовъ (Словарь) указываетъ на с. Шуи въ Масальскомъ у. Кал. губ.—до каковаго пункта едва ли доходили Смоленскіе предѣлы. Это указаніе, при томъ, несоотвѣтствуетъ порядку грамоты. Есть и еще селенія, напр. Шуйское въ Вяземск. у.—Намекъ Барсова („Очерки", р. 225) на Женни въ Торопецкомъ у. (Желна, Шейно) не имѣетъ значенія. Для Жабачева можно бы указать на с. Жабинъ Могил. губ. на Сожѣ, ниже впаденія Добрыча. Но всѣ эти указанія неимѣютъ существеннаго значенія.

[85]) Профессоръ Будановъ говоритъ: „Взималась ли съ городовъ дань или только одно погородіе? хотя нѣкоторыя мѣста (Торопецъ, Вержавскъ, Жижки), съ которыхъ берется погородіе упоминаются въ числѣ и такихъ, съ которыхъ взималась дань, но важнѣйшіе города Смоленскіе (Мстиславль, Крупля, Ростиславль, Ельня, Изяславль) неименуются въ числѣ мѣстъ, платящихъ дань. Главный же городъ Смоленскъ не платитъ не только дани, но и погородія. Изъ этого можно бы заключить, что центральный городъ земли, въ качествѣ участника въ верховной власти, самъ не можетъ подлежать никакимъ налогамъ. Главные провинціальные города, хотя тоже не платятъ постоянной дани, но обязаны содержать князя при его пріѣздѣ, что обратилось потомъ въ окладное погородіе. Нужно замѣтить, что въ Новгородскомъ уставѣ Святослава о дани съ важныхъ городовъ не упоминается. Погородіе состоитъ: 1) изъ опредѣленнаго урока, т. е. даровъ уже переведенныхъ на деньги и 2) изъ почестья—поборовъ натуральныхъ (мѣховъ рыбы и пр.).

Мирятичи и

Бобровницы

нужно искать на южной границѣ, между Басей и Зарубомъ. Къ нимъ же по положенію примыкають:

Солодовницы,

Путтино,

Бѣницы и

Дѣдичи.

И наконецъ

Лодейницы

лежали гдѣ либо въ Ржевскомъ у. или Торопецкомъ [86]).

Мы перечислили всѣ города Ростиславовой грамоты. Дополнимъ это перечисленіе городовъ Смоленскаго княжества указаніемъ тѣхъ городовъ, которые упоминаются въ лѣтописи. Ихъ немного, такъ что небудь грамоты Ростислава, небыло бы вовсе никакой возможности даже приблизительно опредѣлить границъ княжества.

Васильевъ и

Красный

Оба города упоминаются въ лѣтописи, какъ удѣльные города, выдѣленные Ростиславомъ Мстиславичемъ Роману въ 1165 году [87]). Перваго изъ нихъ опредѣлить въ настоящее время трудно. Бѣляевъ указываетъ на с. Василевку на границахъ Красненскго у. [88]) съ Рославскимъ, а Барсовъ на село Васильево въ Дорогобужскомъ у. [89]). Оба опредѣленія не имѣютъ за собою никакихъ доказательствъ. Красный—нынѣ уѣздный городъ Смоленской губ.

Рѣша—въ настоящее время Орша, на Днѣпрѣ, уѣздный гор. Могилевской губ. До 1116 г. она вмѣстѣ съ Копысомъ принадле-

---

[86]) И для опредѣленія этихъ мѣстностей были предложены изслѣдователями подобнозвучащія названія: Бѣляевъ для Мирятичъ указываетъ—Мерчалово на Протвѣ, для Дѣдичъ—Дѣдово въ Порѣчскомъ у. на Каспдѣ. Барсовъ для Бѣницы указываетъ на с. Бѣница въ Торопецкомъ у., для Путтина—д. Путновку въ Жиздринскомъ у. на Вороновкѣ въ Кал. г. для Бобровницъ—Бобровую Луку въ Вит. г., или Бобровки около Ржева. Будановъ для Солодовницъ—с. Солодовню Сычевскаго у., для Бобровницъ,—цѣлыхъ 11 селеній съ словомъ бобръ.

[87]) Ип. 399.

[88]) З. Р. Г. Общ., т. VI, р. 177.

[89]) Словарь.

жала Полоцку, но Мономахъ отнялъ ее [90]). Здѣсь же былъ въ 1068 г. плѣненъ Всеславъ Полоцкій.

Зарой.—О немъ лѣтопись упоминаетъ подъ 1156 г. [91]) по слѣдующему случаю: Юрій Долгорукій пошелъ на Смоленскъ. Ростиславъ вышелъ къ нему на встрѣчу къ Зарою и тутъ они заключили миръ. Слѣдовательно, Зарой находился на южной границѣ княжества. Въ настоящее время есть село Зарой въ Климовичскомъ уѣздѣ, въ 10-ти верстахъ отъ Климовичъ, близь Ипути [92]).

Кромѣ того, упоминается еще одна мѣстность:

Сковышинъ боръ, положеніе котораго не опредѣлено [93]); эту мѣстность причисляютъ къ Смоленскому княжеству [94]), хотя можно сомнѣваться въ этомъ. Сковышинъ боръ въ лѣтопись попалъ по слѣдующему поводу: Рюрикъ въ 1180 г. послалъ брата своего Давида Ростиславича изъ Бѣлгорода въ Смоленскъ къ брату ихъ Роману: „И усрѣте и весть на Сковышину бору“,—что Романъ умеръ. Такимъ образомъ, лѣтопись вовсе не указываетъ, на чьей территоріи Давидъ узналъ о смерти брата.

Мы перечислили всѣ города Смоленской земли. Остается сказать еще о главномъ городѣ земли—Смоленскѣ [95]).

Это былъ прекрасно отстроенный и украшенный городъ, расположенный по обѣимъ сторонамъ Днѣпра. Уже къ концу XII в. онъ блисталъ множествомъ богатыхъ и красивыхъ церквей. Главная часть города и крѣпость были расположены на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ холмистой мѣстности, пересѣкаемой рвами. Княжескій дворецъ, по преданію, находился въ нынѣшней Свирской слободѣ [96]). Смоленскіе князья способствовали украшенію города церквами. Такъ, Владиміръ

---

[90]) Ип. 117, 203. Изслѣдователи далеко не сразу пришли къ соглашенію видѣть въ Ршѣ Оршу, ихъ останавливало то обстоятельство, что въ лѣтописи сказано: на Рьши у Смоленска. Выходило, что на Рши какъ бы на рѣкѣ вблизи Смоленска. Погодинъ поэтому искалъ рѣки Реи (IV, 217. П. Л. и пр.), Карамзинъ указывалъ на Оршанскій ямъ, см. Барсовъ, Словарь и Соловьева, Ист. Р., т. II, 37.

[91]) Ип. 328.

[92]) Погодинъ, 298.

[93]) Надеждинъ и Неволинъ только замѣчаютъ, что въ Могил., Смол., и Черн. г. много есть словъ съ *боръ* (Погодинъ, 301).

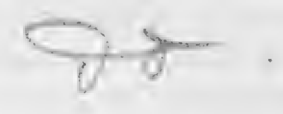
[94]) Барсовъ, Погодинъ.

[95]) Воскр. 31 Ип. 215, Ип. 218, Воскр. 32, Ип. 220, 224, Вокр. 41, 42, 44, 45, 51 53, 242, 252, 333, Ник. 4. 15, 57. 72. 73, 77, 94, 107, 126, 127, 137, 143, 168, 171, 172 177, 179, 186, 198, 199, 201, 202, 209 и мн. др.

Мономахъ построилъ въ 1161 г. соборъ Успенія Богородицы; въ 1146 г. Ростиславъ Мстиславичъ выстроилъ въ заднѣпровской части города церковь Ап. Петра и Павла; церковь св. Іоанна Богослова построена Романомъ Ростиславичемъ въ 1180 г., а братъ послѣдняго Давидъ построилъ великолѣпную каменную церковь во имя Арх. Михаила, которая въ древности считалась одной изъ красивѣйшихъ и богатѣйшихъ [97]). Въ самомъ городѣ и въ окрестностяхъ его было нѣсколько монастырей: въ 5 в. отъ города находился Богородицкій монастырь, на мѣстѣ, называвшемся Селище, далѣе Отрочь монастырь, монастырь св. Креста и построенный епископомъ Игнатіемъ монастырь въ че ть положенія Ризы Богородицы [98]).

Невдалекѣ отъ города извѣстна была гавань Смядынь, на разстояніи отъ города „яко зрѣемо„ [99]), гдѣ погибъ Глѣбъ Муромскій. Вблизи Смоленска находилось село Дресенское, съ 1150 г. отданное Ростиславомъ епископу.

Смоленскъ былъ главный городъ обширной области, великаго княжества Смоленскаго; онъ расположенъ на черезвычайно видномъ мѣстѣ. Черезъ него пролегалъ путь изъ Озерной области въ среднее и нижнее Поднѣпровьѣ, откуда въ Грецію, путь изъ Поволожья и верхняго Подвинья. Это соединеніе трехъ важныхъ торговыхъ путей указываетъ на торговое значеніе Смоленска

---

96) „Истор. г. Смоленска“ Никитина, р. 8.

97) „Ист. Р. Церкви“ Митрополита Макарія, рр. 64, 65, 66, т. 1.

98) Ibidem., р. 93. Мурзакевичъ, „Достопримѣчательности гор. Смоленска“, Чтенія Московск. Общ. Ист. и Древн., 1846 г., т. II; см. также, Мурзакевичъ, „Ист. гор. Смоленска“, М. 1801 г.

99) Ипат. 94.

IV.

Территорія и города Полоцкаго и Туровскаго княжествъ.

Къ западу отъ Смоленскихъ Кривичей жили ихъ сородичи Полоцкіе Кривичи. Они также рано выдѣлились въ самостоятельный удѣлъ. Границы этого княжества можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ.

На востокѣ Полоцкій рубежъ сосѣдилъ съ Смоленскимъ; на этой сторонѣ мы видимъ Полоціе города: *Усвятъ* (Въсвятъ), *Витебскъ* и западнѣе *Лукамль*, теперь мѣстечко Могилевской губерніи Сѣнненскаго уѣзда. Къ югу отъ указанной нами границы Полоцкихъ владѣній тянулся рубежъ по водораздѣлу между Днѣпромъ и Вабичемъ, притокомъ Друти, впадающей въ Днѣпръ у Рогачева. Рубежъ оканчивался во всякомъ случаѣ южнѣе мѣстечка *Головчина* Могилевскаго уѣзда, въ которомъ видятъ древній Голотическъ, подъ которымъ Ярополкъ разбилъ Всеслава Полоцкаго. На Друти, въ верхнемъ ея теченіи, на границахъ Могилевскаго и Оршанскаго уѣздовъ, мы видимъ Друцкъ, несомнѣнно *Дрьютескъ*, удѣльный городъ Полоцкаго княжества. Около устьевъ Вабича рубежъ принимаетъ направленіе съ востока на западъ.

Изъ данныхъ современной географической номенклатуры на восточномъ Полоцкомъ рубежѣ замѣтимъ еще: Городецъ на Лучесѣ Оршанскаго уѣзда, Н. Городецъ въ Сѣнненскомъ у. на р. Усяцѣ, впадающей въ Уллу, Городище на Друти, ниже впаденія Вабича, Городецъ на Грезлѣ, притокѣ Друти.

Южная граница начинается у устьевъ Вабича или немного южнѣе. Отсюда рубежъ шелъ къ Березинѣ, которую пересѣкалъ у рѣки Свислочи, гдѣ былъ древній *Въсвислочь*, упоминаемый въ XIII

в. и, вѣроятно, существовавшій въ XII в. Далѣе граница направлялась, можетъ быть, къ верховьямъ Птича, притока Припяти, и рѣкѣ Усѣ, Нѣманскому притоку, а затѣмъ переходила на верховья его притока Сулы, принимая сѣверное направленіе. На южной границѣ Полоцкихъ владѣній, кромѣ упомянутаго Друцка, мы видимъ *Борисовъ*, нынѣ уѣздный городъ, *Логожескъ*, нынѣ Логойскъ, мѣстечко Борисовскаго уѣзда, затѣмъ *Минскъ*, нынѣ губернскій городъ, *Изяславль*, нынѣ мѣстечко Заславль Минскаго уѣзда, *Новгородокъ Литовскій*. Изъ данныхъ современной географической номенклатуры на этой границѣ замѣтимъ слѣдующія: Городно, Борисовскаго уѣздѣ на р. Бобрѣ, Городецъ на р. Сумѣ, притокѣ Ольсы, Городокъ на Птичѣ, къ югу отъ дороги изъ Бобруйска въ Слуцкъ, Городка въ Бобр. у., Городокъ къ сѣверу отъ Минска, между нимъ и мѣстечкомъ Логойскомъ на р. Усяжѣ, притокѣ Гайны, впадающей въ Березину сѣвернѣе Борисова, къ югу отъ Минска, на границѣ его уѣзда и Игуменскаго,—Рублики, Рубежи на р. Орессѣ въ Бобр. у., притокѣ Птича, на ней же южнѣе М. и Б. Городятичи, Городище на р. Вессѣ, впадающей въ Случь выше Слуцка, потомъ Вел. Кривичи у верховьевъ Нѣманской Березины, Рубежевичи Минск. у. на Сулѣ, притокѣ Нѣмана. Западная граница Полоцкаго княжества начиналась, вѣроятно, на верховьяхъ Нѣмана и его притоковъ: Сулѣ, Быстрой, Ислачи и Березинѣ, гдѣ въ XII в. видимъ Полоцкій городъ Городецъ, пограничный съ Литвою. На западѣ Полоцкіе Кривичи граничили съ Литвою, о которой достовѣрныя свѣдѣнія имѣются почти только съ половины XIII в.; вслѣдствіе этого опредѣленіе Полоцкихъ границъ на западѣ и сѣверо-западѣ весьма затруднительно. На этой границѣ постоянно велась тихая колонизація Кривичей въ землю Литовскую. Поэтому граница часто измѣнялась. До XIII в. Литовцы почти не имѣли городовъ, поэтому и Кривичамъ, съ своей стороны, не приходилось огораживаться отъ сосѣдей, воинственныя столкновенія съ которыми начинаются только съ рубежа XII и XIII вв. Есть отривочныя извѣстія о существованіи владѣній русскихъ князей въ Литвѣ въ XII в. Но они, опять таки, относятся къ колонизаціоннымъ движеніямъ Кривичскаго племени и не составляли постоянной территоріи княжества. Такъ, въ первыхъ годахъ XIII в. нѣмцы столкнулись съ кривичскими князьями Весцеке изъ Кокейноса и Виссевальде изъ

Герсике. Мы вернемся впослѣдствіи къ колонизаціонному вопросу, а теперь замѣтимъ, что рубежъ Полоцкихъ владѣній отъ указанныхъ нами верховьевъ Нѣманскихъ притоковъ шелъ къ верховьямъ Великой въ Себѣжскомъ уѣздѣ Витебской губ.; гдѣ онъ оканчивался опредѣлить трудно, но на Великой мы видимъ Псковскій городъ Островъ. Граница эта могла измѣняться, сообразно колонизаціоннымъ движеніямъ Кривичей. Сѣверный рубежъ шелъ отъ верховья Великой на верховья Ловати. На этой линіи былъ Полоцкій пограничный городъ *Еменецъ* и Великіе Луки, Новгородскій городъ.

Обратимся теперь къ опредѣленію городовъ Полоцкаго княжества.

Главный городъ земли *Полтескъ*, Полоцкъ, упоминаемый уже на первыхъ страницахъ лѣтописи [100]) въ числѣ древнѣйшихъ и значительнѣйшихъ городовъ Руси. Онъ расположенъ при впаденіи рѣки Полоты въ Двину на возвышенномъ мысѣ, образуемомъ названными рѣками [101]), что дѣлаетъ положеніе города весьма красивымъ. Его центральное положеніе въ землѣ Полоцкихъ Кривичей, при соединеніи двухъ рѣкъ, изъ которыхъ Двина сближаетъ его, черезъ землю Смоленскихъ Кривичей, съ одной стороны съ Поволжьемъ и обширною торговою дѣятельностью, производившеюся въ древности въ этомъ районѣ, съ другой стороны съ Кіевщиною, а черезъ нее съ Византіею; таже Двина соединяла Полоцкъ съ Новгородомъ и съ Балтійскимъ моремъ. Мы уже видѣли, что черезъ Полоцкъ проходили и прямые пути въ Новгородъ черезъ Полоту и въ Кіевщину черезъ Березину. Наконецъ, нужно еще помнить, что Полоцкъ былъ ближайшимъ значительнымъ городомъ къ Литвѣ, а потому, естественно, русская и нѣмецкая торговля съ послѣднею шла именно черезъ чего. Слава о его богатствѣ разносилась въ древности далеко за предѣлы Руси; онъ хорошо былъ знакомъ Скандинавамъ и въ сагахъ ихъ извѣстенъ подъ названіемъ Palltes-kja [102]). Къ сожалѣнію, источники наши слишкомъ бѣдны указаніями на внутреннее расположеніе города въ данное время. Изъ

---

[100]) Упом. Ип. лѣт.: 11, 18, 50, 83, 102, 121, 122, 150, 211, 212, 220, 239, 340, 349, 350, 355, 360, 361, 369, 412 и др.

[101]) Балинскій, „Staroż. Polska“, III, p. 594.

[102]) См. Эймундову сагу въ „Antiquitées Russes“, т. II, p. 170—211.

Слова о Полку Игоревѣ мы знаемъ о существовавшей въ немъ церкви св. Софіи [103]). А изъ житія св. Ефросиніи о монастырѣ св. Спаса, перестроенномъ послѣднею въ каменный изъ деревяннаго, въ подгородномъ епископскомъ селеніи, назвавшемся *Сельце* [104]); эта мѣстность находилась въ двухъ верстахъ отъ города; въ монастырѣ св. Спаса находится знаменитый крестъ его основательницы. Кромѣ того въ самомъ городѣ былъ женскій монастырь, въ который поступила св. Ефросинія [105]). Лѣтопись указываетъ, что въ Полоцкѣ существовала *старая* церьковь св. Богородицы въ 1159 г. [106]), слѣдовательно, была и новая. При этой церкви была братчина уже въ то отдаленное время [107]), Въ Тверской лѣтописи подъ 1001 г. занесено извѣстіе о перенесеніи останковъ князей Изяслава и Всеслава „въ святую Богородицу“, что, вѣроятно, и относится къ вышеназванной „старой“ церкви св. Богородицы [108]). Недалеко отъ города было селеніе *Бѣлчицы*, въ которомъ имѣли свое мѣстопребываніе князья Полоцкіе [109]). Вотъ все, что сохранили намъ источники о топографіи древняго Полоцка [110]).

Къ сѣверу отъ Двины лежали слѣдующіе города.

Въсвятъ—нынѣ мѣст. Велижскаго уѣзда Вит. губ. Въ разсматриваемое время о немъ упоминается уже—въ 1021 г.: Ярославъ далъ этотъ городъ и Витебскъ Брячиславу Полоцкому [111]). Такимъ образомъ, оба города принадлежали до 1021 г., вѣроятно времен-

---

[103]) Объ этой церкви см. Сапунова „Полоцкій Софійскій соборъ“, Сементовскаго „Бѣлор. Древности“, вып. I, р. 105.

[104]) Stebelski, „Dwa swiatla na horizoncie Połockiem“, I, 63; Сапуновъ „Полоцкій Спасъ-Ефросин. дѣв. монастырь“; Сементовскій „Бѣлорус. Древн.“, I, 105; Сапунова „Витебская стар.“, V, 8—13; „Виленскій календарь“, 1889 г. ст. „Житіе св. Ефросиніи“, а также въ изд. Батюшкова „Бѣлоруссія и Литва“, С.-Пб., 1889 г.—Описанія названныхъ церквей, а также и креста св. Ефросиніи мы не приводимъ, такъ какъ они общеизвѣстны и желающіе могутъ найти рисунки ихъ въ массѣ разнородныхъ изданій, трактующихъ о Полоцкѣ.

[105]) Stebelski, p. 59, I.

[106]) Ипат., р. 340.

[107]) Ibid.

[108]) П. С. Р. Л., т. XV, р. 121.

[109]) Ип., 340.

[110]) Общій очеркъ исторіи Полоцка, см. у Сементовскаго „Витебскъ и уѣздн. гор. Витеб. губ.“, р. 106 и слѣд., Бѣляевъ, „Оч. Ист. Сѣв.-Зап. края. Ист. Полоцка“.

[111]) Ипат. 102, Никон. (П. С. Р. Л. т. IX) р. 77. Кромѣ того Въсвятъ упоминается подъ 1233 и 1225 гг.—Въ спискѣ городовъ показанъ въ числѣ литовскихъ, П. С. Р. Л., т. VII, р. 241.—О древностяхъ его и исторіи есть изслѣдованіе Сапунова „Усвятъ (мѣстечко Витебской губ.) и его святыня“, Витебскъ.

по Кіеву, но съ этого года они навсегда уже составляли часть Полоцкой земли.

Видбескъ—нынѣ губернскій городъ Витебскъ на Двинѣ при впаденіи Витьбы [112]). Впервые упоминается въ 1021 г.

Стрѣжевъ. Въ 1151 г. этотъ городъ былъ выдѣленъ въ особый удѣлъ: его Рогволодъ Борисовичъ, завладѣвъ Полоцкомъ, отдалъ Всеволоду, изгнанному оттуда [113]). Мѣстоположеніе Стрѣжева изслѣдователи обыкновенно опредѣляютъ мѣст. Стрѣшинымъ Могилевской губ. на Днѣпрѣ [114]). Такое опредѣленіе дѣлается на томъ основаніи, что при описаніи похода 1127—1128 г. Мстислава, сына Мономаха, на Полоцкихъ князей лѣтопись говоритъ, что Мстиславъ „Всеволоду Олеговичу повелѣ ити съ своею братьею на Стрѣжевъ къ Борисову“ [115]). Но созвучіе Стрѣжева и Стрѣшина мало подходящее. При томъ, искать его непремѣнно по дорогѣ къ Борисову вовсе нѣтъ никакой необходимости. Выраженіе „на Стрѣжевъ“—указываетъ лишь на направленіе пути, а не на попутный городъ, подобно тому какъ мы говоримъ: на Москву, на Кіевъ, хотя данное мѣсто и лежитъ ближе. Между тѣмъ положеніе Стрѣжева вполнѣ опредѣляется *оз. Стрижевымъ* въ Лепельскомъ у. Витебской губ.; на полуостровѣ этого озера былъ построенъ замокъ и насыпанъ большой курганъ [116]). Эта мѣстность находится какъ разъ за Борисовымъ, слѣдовательно, выраженіе „на Стрѣжевъ къ Борисову“—вполнѣ понятно.

Еменецъ—черезъ него проходилъ Давидъ послѣ заключенія мира съ Полочанами; мѣстоположеніе опредѣляется оз. Еменцомъ и и рѣкою Еменкою, въ 6 верстахъ отъ г. Невеля [117]).

---

112) Ипат. 102. Исторія этого города изложена г. Сементовскимъ, см. его „Витебскъ и уѣздные города Витебской губ.“, С.-Пб. 1864 г., р. 1—76. Таже статья въ сокращенномъ видѣ была помѣщена въ „Памятной книжкѣ по Витебской губ. на 1865 г.“, изд. подъ редакціею Сементовскаго, р. 93 и слѣд.

113) Ипат. 340.

114) Такъ думали: Арцыбышевъ („Повѣствованіе о Россіи, т. I, М. 1838 г., р. 70), Погодинъ (И. Л. и З., т. IV, р. 161), Барсовъ (Словарь), Карамзинъ и Бѣляевъ (р. 161. „О геогр. св.“). Въ спискѣ городовъ есть Стрѣчинъ среди при-Днѣпровскихъ Кіевскихъ городовъ: это можетъ быть Стрѣшинъ нынѣшній, а не Стрѣжевъ.

115) Ипат., 210.

116) На этотъ Стрѣжевъ указали уже: Сементовскій „Памятники старины Витебской губ.“, С.-Пб. 1867 г. р. 47. Турчининовичъ „Обозрѣніе Ист. Бѣлоруссіи“, р. 265, прим. 89.

117) Новгор. Лѣт. (изд. С.-Пб. 1889 г.), р. 160 подъ 1185 г.: „А на зиму поиде Давидъ къ Полотьску съ Новгородци и съ Смольняны, и умирившеся воротишася на Еменьци“. Впро-

Нѣклочь—до него дошли Новгородцы въ 1128 г. во время похода Мстислава Мономашича на Полоцкихъ князей [118]). Въ настоящее время есть озеро Неклочь, изъ котораго беретъ начало р. Полота [119]).

Городецъ—лежалъ на границахъ съ Литвою, или даже среди самихъ Литовцевъ. Княжившій въ немъ Володарь Всеславичъ, какъ говоритъ лѣтопись,—„ходяше подъ Литвою въ лѣсѣхъ" [120]). Городецъ составлялъ во второй половинѣ XII ст. самостоятельное княженіе [121]). Въ виду того, что на пограничьи съ Литвою Городковъ много, трудно пріурочить какой либо изъ нихъ къ лѣтописному. Обыкновенно его пріурочиваютъ въ теп. м. Городку, къ югу отъ Молодечны, на верховьяхъ Нѣманской Березаны, съ сохранившимися до нынѣ остатками старинныхъ городовыхъ сооруженій [122]).

Изяславль—съ этимъ названіемъ связывается легендарный разсказъ лѣтописи о Рогнѣдѣ и о построеніи для нея и для ея сына

чемъ, изъ даннаго извѣстія не ясно, подразумѣвалъ ли лѣтописецъ здѣсь городъ или урочище; въ другихъ лѣтописяхъ этого извѣстія нѣтъ. Опредѣленіе Емепца см. Погодинъ, 309, Барсовъ (Словарь), Арцыбышевъ, I, р. 241, прим.

118) Ип. 211.

119) Такое опредѣленіе далъ еще Арцыбашевъ („Пов. о Р.", р. 71, прим. 426, I т.) и оно наиболѣе правдоподобно: это была станція на прямомъ водномъ пути, соединявшемъ Полоцкъ съ Новгородомъ. При томъ селеній съ названіемъ Нѣклочь (Лепельск. у.), Нѣкловичи есть нѣсколько въ Витебской губ., а потому правдоподобнѣе пріурочить лѣтописный Нѣклочь къ названію озера—истока Полоты, несомнѣнно хорошо извѣстнаго въ Новгородѣ. Барсовъ (Словарь) однако указываетъ на д. Нѣклочь, Лепельскаго у. Карамзинъ затрудняется въ опредѣленіи его („Ист. Г. Росс., II, р. 103, прим. 251, изд. Эйнерлинга). Въ Никоновской лѣт. (П. С. Р. Л., т. IX, р. 135) при описаніи того же событія, что и въ Ипат., вм. Нѣклоча стоитъ „*къ Нелогожу*"; Барсовъ дѣлаетъ предположеніе, что это Логожскъ (Словарь). Но во всякомъ случаѣ къ извѣстію Ипат. лѣт., особенно въ отношеніи топографіи, слѣдуетъ отнестись съ большимъ довѣріемъ: въ Никоновской Нелогожъ неболѣе какъ описка, подъ вліяніемъ предыдущаго Логожска.

120) Ипат., 340.

121) Ibid. 355.

122) Барсовъ, „Оч. Р. ист. геогр.", р. 185. Бѣляевъ ищетъ его на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Виліи въ Виленскомъ у., на сѣв.-зап. отъ Изяславля (р. 162). Арцыбышевъ (р. 473, I, прим.) указываетъ на Городокъ, у. гор. Вит. губ., но сомнѣвается въ томъ, что въ лѣтоп. говорится именно о немъ. Ошибку его указалъ Турчиновичъ („Обозр. Ист. Бѣлор.", р. 266). Сементовскій, вслѣдъ за Погодинымъ, отвергаетъ мнѣніе Арцыбышева и ищетъ Городца въ мѣстности, наз. Городище въ Городокскомъ у., въ 40 верст. отъ Городка на пути въ Невель, на одномъ изъ многочисленныхъ островомъ оз. Озерище („Витебскъ и у. гор. Вит. губ.", р. 83). Объ остаткахъ древнихъ городищъ у оз. Озерища, см. Безъ-Корниловичъ („Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи", С.Пб. 1855, р. 149), а также Сементовскій, „Памятн. Стар. Вит. губ.", р. 47.

Изяслава этого города Владиміромъ св. [123]). Изяславль—нынѣ мѣстечко Минскаго уѣзда—Заславль. Преданія и названія урочищъ указываютъ на связь Рогнѣды съ этимъ городомъ. Такъ, преданіе гласитъ, что рѣчки Черница и Княгинька были названы такъ въ честь Рогнѣды; около самого города было озеро (нынѣ болото), называвшееся „Рогнѣдь". Въ народѣ указываютъ также могилу Рогнѣды. Около города сохранилось множество кургановъ; нѣкоторые изъ нихъ были раскопаны въ 1878 г. Р. Г. Игнатьевымъ [124]), Въ 1128 г. онъ подвергся разграбленію во время Мстиславова похода на Полоцкихъ князей; уже тогда онъ представлялъ удѣльное княженіе [125]).

Борисовъ—нынѣ уѣздный городъ Минской губ. Во время извѣстнаго похода Мстислава Владиміровича на Полоцкихъ князей въ 1124 г. на него былъ отправленъ Всеволодъ Ольговичъ [126]). Этому городу, не игравшему въ древности значительной роли, посчастливилось на предположенія писавшихъ о немъ о времени его основанія. Начало этимъ выводамъ съ легкой руки положилъ Стрыйковскій, но всѣ они, какъ не опирающіеся на дѣйствительные факты, неимѣютъ значенія [127]).

---

[123]) Преданіе это общеизвѣстно. О положеніи города и преданіяхъ см. ст. Шпилевскаго „Путешествіе по Бѣлоруссіи", Современникъ, 1854, № 11, р. 34—35. Тѣже преданія повторилъ и г. Слупскій (см. его ст. „Туровъ и Изяславль", въ „Сѣверо-западномъ календарѣ" на 1888 г., Минскъ). Г. Слупскій настаиваетъ на томъ, что преданія о построеніи Изяславля Владиміромъ св. представляютъ историческій фактъ; онъ придаетъ слишкомъ большое значеніе городу. Ср. наши соображенія о построеніи Изяславля не Владиміромъ, а самимъ Изяславомъ и о значеніи его, какъ колонизаціоннаго пункта въ „Кіевской Стар.", 1888 г., августъ, въ критич. замѣткѣ о „Сѣверо-западномъ календарѣ".

[124]) См. названную статью г. Слупскаго, р. 128.

[125]) Ип. 340, а также р. 210. Въ № 133 „Кіевлянина" за 1887 г. есть замѣтка о Преображенской церкви въ Изяславлѣ, построеніе которой приписывается Владиміру св. Если вѣрить описанію, церковь дѣйствительно относится къ до-татарской эпохѣ, но историческія свѣдѣнія, сообщенныя авторомъ замѣтки о ней, не заслуживаютъ вниманія. Балинскій дѣлаетъ странное предположеніе о построеніи нын. Заславля въ позднѣйшее время кѣмъ либо изъ князей Заславскихъ. Baliński, Starożytna Polska, t. III, p. 823—4.

[126]) Ипат., 210.

[127]) Стрыйковскій приписываетъ основаніе его своему знаменитому Борису Гинвилловичу, ок. 1194 г. (Chronika, въ Zbiór'ѣ Dziejopisow Polskich we czterech tomach zawazty", Warschawa, 1768 г., р. 233). За нимъ пошли: Swięcicki, „Opisanie Starożytney Polski, t. II, p. 196; и даже такой серьезный ученый, какъ Е. Тышкевичъ, Opisanie powiatu Borisowskiego, р. 32. Но уже Шпилевскій даже полемизируетъ съ Стрыйковскимъ по этому вопросу (Путешествіе по Полѣсью и Бѣлорусскому краю, Современникъ 1855 г., т. VII, р. 3—4). Татищевъ (Исторія Россійская, II, р. 199), передаетъ извѣстіе о походѣ Бориса Всеславича Полоцкаго на Ятвяги

Логожскъ—нынѣ мѣст. Логойскъ Борисовскаго у. на Гайнѣ. Во время похода Мстислава Владимировича, онъ уже имѣлъ удѣльнаго князя [128]).

Лукамль—нынѣ мѣст. Могилевской губ. Сѣнненскаго уѣзда на Уллѣ [129]).

Мѣнескъ—важнѣйшій городъ Полоцкой земли, нынѣ губернскій городъ на Свислочи, притокѣ Березины. Будучи крайнимъ важнымъ городомъ Полоцкаго княжества на южной границѣ, онъ часто подвергался нападеніямъ Кіевскихъ князей. Въ 1066 г. онъ былъ взятъ Ярославичами—Изяславомъ, Ссятославомъ и Всеволодомъ, и разграбленъ, все мужское населеніе перебито, а женщины и дѣти плѣнены: Владиміръ Мономахъ говоритъ, что онъ не оставилъ въ городѣ „ни челядина, ни скотины" [130]).

Въ связи съ городомъ Мѣнескомъ находится рѣка *Нѣмиза*. Мѣстоположеніе рѣки опредѣляютъ различно. Татищевъ, Арцыбышевъ и Карамзинъ видятъ въ Нѣмизѣ—Нѣманъ [131]). Надеждинъ и

въ 1102 г. и о томъ, что онъ, возвратясь съ похода, построилъ гор. Борисовъ и людьми населилъ. Извѣстія этого нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ, но оно не представляется не вѣроятнымъ: князья, какъ извѣстно по многимъ случаямъ, называли построенныя ими города по своимъ именамъ. Татищева имѣетъ въ виду и Даниловичъ, признавая основаніе города въ 1102 г. (Latopisiec Litwy i Kronika Ruska, Вильно, 1827 г., p. 122, прим. 16). За нимъ пошли Нарбутъ (Dzieje Starożytne narodu Litewskiego, t. III, 276, Вильно 1838 г.) и Балинскій (Staroż. Polska, t. III, p. 715), Турчиновичъ („Обозр. Ист. Бѣлоруссіи", p. 263), и авторъ статьи „Сѣверо-Западный край Имперіи", Ж. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1843 г., p. 294, ч. I.

128) Ипат. 210, а также 419 и въ поуч. Моном. Въ спискѣ городовъ—въ числѣ Литовскихъ. Мѣстоположеніе его указано еще Арцыбашевымъ, I, 33, прим. 193. Городъ окруженъ нѣсколькими городищами, связанными различными преданіями: Тышкевичъ, Opisanie Pow. Borysowskiego, p. 133—4, откуда заимствовалъ и Шпилевскій, безъ указанія источника (Путешествіе по Полѣсью и Бѣлор. краю, Современ. 1854 г., т. XI, p. 51, 52).

129) Въ поуч. Мономаха, Лавр. лѣт. См. Арцыбышевъ, I, p. 33, примѣч. Въ спискѣ городовъ въ числѣ Литовскихъ. У города есть и озеро того же имени, при которомъ онъ стоитъ, есть слѣды древнихъ укрѣпленій. Шпилевскій, Совр. 1854, т. XI, p. 49.

130) Ипат. 117, 185, 205; поуч. Мон. въ Лавр. лѣт. Шпилевскій, любящій вообще вдаваться въ разсужденія о началѣ городовъ, приписываетъ построеніе его извѣстному по мѣстнымъ преданіямъ силачу—знахарю—Мѣнеску. Путеш., Соврем., 1854 г., т. XI, p. 3, Объ исторіи Минска написана монографія извѣстнымъ Сырокомлей, Kronika miasta Mińska въ Tecie Wileńskiej, 1857 г. № 1; къ сожалѣнію этой работы мы не могли достать. Интересная статья о немъ въ Ж. Мин. Вн. Д., 1843 г., ч. I, p. 391 и слѣд. въ статьѣ „Сѣверо-западный край Имперіи". Въ началѣ 1890 г. г. Слупскимъ былъ помѣщенъ рядъ статей о Минскѣ и его древностяхъ въ „Минскомъ Листкѣ". См. о Минскѣ также: Święcicki, Opis. Star. P., p. 231 и Baliński, Staroż. Polska, t. III, p. 814 и сл.

131) Арцыбышевъ, I, p. 25, прим., Карамзинъ, т. II, прим. 118, p. 48, Татищевъ, II, 119.

Неволинъ думаютъ, что Нѣмизу должно искать сѣвернѣе Минска и указываютъ на Немоницу близь Боросова и Немойку около Сѣнно [132]). Барсовъ въ своемъ Ист.—Геогр. Словарѣ указываетъ на Нѣмежъ (Niemež), село въ Виленской губ. и у., въ 10 верстахъ отъ Вильны, на которое еще раньше указалъ Балинскій [133]). Но тотъ же Барсовъ въ „Очеркахъ р. ист. геогр." признаетъ за ручей *Нѣмизу*, находящійся въ самомъ Минскѣ [134]), На этотъ ручей впервые указалъ Ходаковскій [135]), но не смотря на сходство именъ не призналъ въ немъ лѣтописной Нѣмизы. Дѣйствительно, сходство названій въ лѣтописяхъ Нѣмизы и ручья въ Минскѣ очень соблазнительно, однако отождествить оба эти названія трудно, если не предположить, что ручей этотъ въ древности былъ болѣе или менѣе порядочною рѣченкою; въ настоящее время отъ Нѣмизы въ Минскѣ осталось почти одно названіе. Между тѣмъ лѣтопись такъ говоритъ: Изяславичи взяли Минскъ „и поидоша къ Немизѣ; и Всеславъ поиде противу"; 3 марта Всеславъ потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ. Изяславичи удовольствовались этимъ, двинулись отсюда, очевидно, къ Днѣпру и стали „на Рши у Смоленска", какъ выражается лѣтопись. Уже въ іюлѣ они заманили къ себѣ Всеслава: „онъ же надѣяся цѣлованьи креста, переѣха в лодьи чресъ Днѣпръ" [136]), слѣдовательно, они стояли за Днѣпромъ, на Смоленской сторонѣ, а Всеславъ велъ переговоры съ этой стороны Днѣпра. Объ этой же Нѣмизѣ и о происходившемъ на ней кровавомъ боѣ говоритъ пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ": (Всеславъ) скочи влъкомъ до Немизы съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелють головами, молотять чепы: харалужными, на тоцѣ животъ кладуть, вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брези не бологомь бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускыхъ сыновъ". Изъ приведеннаго содержанія отрывка лѣтописи ясно: если-бы Нѣмиза была въ Минскѣ, то Изясливичи уже были бы на ней и имъ не нужно было бы идти къ Нѣмизѣ; такъ какъ нынѣшняя Нѣмиза находится въ центрѣ стараго Минска, то

---

132) Погодинъ, IV, р. 305—306. Его повторилъ Турчиновичъ. „Обозр. ист. Бѣлор.", р. 257—8.

133) Staroż. Polska, III, р. 213.

134) р. 185.

135) Русск. Историч. Сб., т. I, р. 38.

136) Ипат. 117.

войска занимали бы ее при осадѣ. Послѣ битвы съ Всеславомъ, князья отправились [137]) въ Смоленскія владѣнія и остановились у Орши; очень возможно, что они, въ виду пораженія Всеслава и въ виду наступающей весны, двинулись прямо съ Нѣмизи къ Оршѣ. Такимъ образомъ, намъ кажется, что во всякомъ случаѣ Нѣмиза находилась не въ самомъ Минскѣ, а, вѣроятно, гдѣ нибудь между Минскомъ и Днѣпромъ и Двиною. Добавимъ, что въ спискѣ городовъ Немиги находится между Друтескомъ и Ршою, за ними слѣдуютъ: Свилочь, Лукамль, Логоскъ и т. д. [138]).

Невыяснено также и положеніе *Дудутокъ*, упоминаемыхъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ": „скочи (Всеславъ) влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ". Барсовъ полагаетъ, что этотъ намекъ Слова относится къ извѣстному бѣгству Всеслава изъ Кіева, и слѣдов., Дудутки должны означать крайній Кіевскій городъ [139]). Но намъ кажется, что здѣсь говорится не о бѣгствѣ Всеслава, а о томъ, что узнавъ о захватѣ Минска Изяславичами,—изъ Дудутотъ, гдѣ онъ стоялъ съ войсками, быстро двинулся къ Немигѣ, гдѣ и встрѣтился съ Изяславичами: этимъ объясняется лѣтописное выраженіе „поиде противу". Въ такомъ случаѣ, Дудутки слѣдовало бы искать къ сѣверу отъ Минска, около Полоцка, гдѣ какъ въ центрѣ земли, Всеславъ, можетъ быть, собиралъ ополченіе, съ которымъ двинулся на Изяславичей.

Дрютескъ—нынѣ Друцкъ на верховьяхъ р. Друти, впадающей въ Днѣпръ у Рогачева. Въ первый разъ онъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1092 г. по поводу чуда, шедшаго отъ Друцка къ По-

---

[137]) Длугошъ говоритъ, что Ярославичи двинулись versus Polocco, но Всеславъ встрѣтилъ ихъ на Niemca. Ioannis Dlugossi Historiae Poloniae Libri XII, Francofurti, Anno 1711, т. I' p. 255.

[138]) П. С. Р. Л., т. VII, p. 240. Соображенія объ исторической Немигѣ въ Минскѣ см. еще у Шпилевскаго, Путеш. по Пол. и Бѣлор. краю, Соврем. 1854 г., № XI, p. 32 и у Зеленскаго (Матер. для геогр. и стат. Россіи, Минская губ., I, p. 6). Послѣдній держится противуположнаго мнѣнія и указываетъ на то, что въ наст. время потокъ этотъ высохъ; образуясь весною отъ стекающихъ водъ, онъ начинается въ самомъ Минскѣ (въ т. наз. Старомъ городѣ), притомъ въ южной его оконечности, имѣетъ направленіе съ юго-запада или даже съ юга на сѣверъ и впадаетъ въ Свислочъ съ правой стороны, близъ мѣста, гдѣ, по преданію, былъ старый замокъ.

[139]) „Очерки р. ист. геогр., p. 185. Бѣляевъ пріурочиваетъ ихъ въ с. Дудичи на Птичѣ, къ югу отъ Минска.

лоцку [140]). Въ 1116 г. онъ былъ, во время извѣстнаго похода на Глѣба Минскаго, взятъ Давидомъ и Ярополкомъ, при чемъ всѣ жители его были уведены на югъ въ Переяславское княжество, гдѣ Ярополкъ и построилъ имъ городъ Желди [141]). Во время разгрома Полоцкихъ князей, на Дрютескъ посланъ былъ Мстиславомъ братъ его Ростиславъ, хотя неизвѣстно, былъ ли тогда городъ взятъ [142]). Въ половинѣ XII в. онъ уже играетъ видную роль въ Полоцкихъ междуусобіяхъ; стремясь имѣть отдѣльнаго удѣльнаго князя, Дручане изгоняютъ Глѣба, сына Полоцкаго князя Ростислава, и приглашаютъ къ себѣ Рогволода [143]). Въ концѣ XII в. Дрютескъ, борясь съ главными городамъ земли Полоцкой, подчиняется протекторату Смоленскихъ князей. Борьба между Полоцкомъ и пригородомъ была весьма серьезна: въ ней приняли участіе и Черниговскіе князья; [144]) Черниговскіе и Смоленскіе князья боролись за вліяніе надъ разлагающимся отъ междуусобій княжествомъ.

Голотическъ—мѣстопожоженіе котораго въ настоящее время не опредѣлено. Онъ упоминается только одинъ разъ въ 1071 г.: подъ нимъ Ярополкъ Изяславичъ разбилъ Всеслава Брячиславича[145]). Чаще Голотическъ приравничаютъ къ м. Головчину въ 32 верст. отъ Могилева [146]), но это мало имѣетъ правдоподобія [147]).

---

140) Ипат. 150. Опредѣленіе положенія Друтеска было сдѣлано еще Татищевымъ, т. II, р. 459, прим. 362.

141) Ип. 203. Нарбутъ, а за нимъ и Турчиновичъ въ лѣтоп. Желди, Желни видятъ построеніе Новгородка Литовскаго, на томъ основаніи, что одна часть нынѣшняго Новогрудка называлась Желна и Нарбутъ видѣлъ какой-то документъ конца XVI ст., въ которомъ говорится, что онъ писанъ въ Новогрудкѣ на Желненскомъ подзамачу. Narbut, „Dzeje", t. III, р. 274, Турчиновичъ, „Обозр. ист. Бѣлор.", р. 263. Указаніямъ этимъ нельзя придавать кокого либо серьезнаго значенія: Ярополкъ увелъ Дручанъ, конечно, въ свою волость и тамъ основалъ городокъ для борьбы съ Половцами, а не съ Литвою.

142) Ип., 210.

143) Ип., 339.

144) Ип. 419.—Въ спискѣ городовъ Друтескъ—въ числѣ Литовскихъ.

145) Ип. 122.

146) Погодинъ, И. З. и Л., т. IV, р. 306, Турчиновичъ, р. 260, Карамзинъ указывалъ на Олиту на Нѣманѣ, Ист. Г. Росс., т. II, прим. 125, р. 50. На Головчинъ впервые указалъ Арцыбашевъ, т. I, р. 28, прим. 161. Бѣляевъ ищетъ его на границахъ Туровскихъ и Полоцкихъ владѣній, на югъ отъ Минска по теченію Березины и указываетъ на Голынку, не далеко отъ р. Свислочи. З. И. Р. Г. Общ., кн. VI, р. 12.

147) Извѣстенъ родъ князей Головчинскихъ, владѣвшій Головчинымъ (Безъ-Корниловичъ, р. 228. Балинскій, т. III, р. 718); между тѣмъ какъ Головчинъ небылъ удѣльнымъ городомъ, слѣдов. названіе мѣстечка могло произойти отъ фамиліи владѣльцевъ.

Одрьскъ—упоминаемый въ поученіи Мономаха [148]). Въ настоящее время онъ опредѣляется р. Одровъ, впадающею въ Днѣпръ съ правой стороны, недалеко отъ Копыса [149]).

Орша и *Копысъ*, оба на Днѣпрѣ, принадлежали Полоцкому княжеству до 1116 года.

Наконецъ *Изборскъ*, имѣвшій значеніе уже въ эпоху призванія варяговъ [150]), но впослѣдствіи не упоминается почти до половины XIII ст. [151]) Барсовъ указываетъ на село Изборскъ Псковской губ. и у. на ю. з. отъ Пскова [152]). Судя по положенію его, можно думать, что онъ уже въ первую эпоху исторической жизни отошелъ къ Новгородскимъ владѣніямъ.

Мы указали города, которые въ разсматриваемое время составляли коренную территорію Полочанъ. Разумѣется, и нѣкоторые изъ названныхъ городовъ, лежавшихъ на западѣ княжества, быть можетъ, представляли слѣды болѣе ранней колонизаціи, какъ пограничный Городецъ, Изяславль, но по крайней мѣрѣ въ данный періодъ они уже составляли вполнѣ славянскую территорію, на которой хотя и были слѣды литовскаго элемента, но уже значительно или вполнѣ обрусѣвшіе. На рубежѣ XIII ст. и въ первой половинѣ его источники называютъ нѣсколько городовъ, которые представляютъ результатъ новой колонизаціи въ среду литовскаго племени, совершавшійся, очевидно, на глазахъ исторіи, съ окружающимъ чисто литовскимъ элементомъ; таковъ *Новгородокъ литовскій*. Въ XIII ст. этотъ городъ упоминается впервые подъ 1255 год. [153]), но въ это время онъ былъ уже однимъ изъ значительныхъ порубежныхъ съ Литвою городовъ, къ нему тянула обширная территорія. Послѣдующая исторія указываетъ, что возникновеніе его нужно отнести къ болѣе отдаленному времени, но приписывать заложеніе его Ярославу во время похода его на Литву въ 1044 г. нѣтъ

---

148) Лаврент. лѣт.

149) Первое указ. принадлежитъ Ходаковскому. Р. Ист. Сборн., кн. IV, р. 12. Бѣляевъ, р. 18, Погодинъ, р. 218, Барсовъ, Словарь.

150) Ип. 11.

151) П. С. Р. Л., VII, 140 подъ 1241 г.

152) Словарь. Ходаковскій, Русск. Истор. Сборн., I, 12—20.

153) Ипат. 549.

основанія [154]). Также упоминаются: Несвижъ [155]), Кукейносъ, Герсике и др.; о нихъ мы скажемъ въ главѣ о колонизаціи.

Указанная территорія Полоцкой земли, самостоятельность которой мы уже видимъ на первыхъ страницахъ лѣтописей, во свою очередь раздѣлилась въ очень ранній періодъ на многочисленные удѣлы. Опредѣлить границы удѣловъ нѣтъ возможности, потому что источники упоминаютъ лишь главные удѣльные города. Ихъ только мы и назовемъ, указавъ время, съ котораго становится извѣстнымъ тотъ или другой удѣлъ.

Минскій удѣлъ—извѣстенъ съ 1104 г. [156]).

Изяславскій удѣлъ—извѣстенъ съ 1128 г., къ нему же принадлежалъ въ то время и Логожскъ [157]).

Срѣжевскій удѣлъ—съ 1159 г. [158]). Съ того же года извѣстенъ и *Друцкій удѣлъ* [159]).

Городецкій удѣлъ—извѣстенъ съ 1162 г. [160]).

Витебскъ, какъ удѣлъ—въ 1163 г. принадлежалъ Смоленскому князю [161]).

---

[154]) Напр., Ярошевичъ „Obraz Litwy", Вильно, 1844 г. I, p. 36, основалъ свое мнѣніе на извѣстіи Воскресенской лѣтоп. (П. С. Р. Л., т. VII, p. 332): „Ходи Ярославъ на Литву, а на весну заложи Новгородъ и содѣла и". Но Новгородская I лѣт. прибавляетъ: „Владиміръ заложи", что вполнѣ естественно, ибо онъ княжилъ тогда въ Новгородѣ Великомъ (Новгор., p. 90, также Татищевъ, II, 109); но въ Ипат. о Новгородѣ не упоминается (p. 108, а также въ Тверской лѣт., П. С. Р. Л., т. XV, p. 148 и Никоновской, p. 82). Нарбутъ выдумалъ сказку о двухъ Новгородкахъ—Литовскомъ (Neuenpille) и Русскомъ („Dzieje", III, p. 271—4). За нимъ послѣдовали и мѣстные изслѣдователи: Турчиновичъ, „Обозр. ист. Бѣл.", p. 262, Дмитріевъ, написавшій краткій историч. очеркъ Новогрудка, весьма неполный и отличающійся большими неточностями („Нѣсколько словъ краткаго историч. обозр. русско-литовск. Новогрудка". въ „Вѣстн. Императ. Русск. Геогр. Общ.", 1858 г. № 12). и Зеленскій (Минская губ. въ Мат. для геогр. и статист. Россіи, т. I, p. 10).—Добавимъ еще для полноты, что Татищевъ думалъ, что въ изв. лѣтоп. подъ 1044 г. говорится о Новгородѣ Сѣверскомъ, II, прим. 251, что повторила за нимъ Екатерина II, „Записки касательно Россійской имперіи. Соч. Госуд. Импер. Екат. II, С.-Пб. 1801 г.", ч. I, p. 187.

[155]) Въ битвѣ на Калкѣ былъ убитъ князь Гюрга *Несвяжскій*, Новг., p. 219. О Несвижѣ есть прекрасная монографія Сырокамли, „Więdrówki po moich negdyś okolicach. Wspomnienia, studia historyczne i obyczajowe", Вильно 1853 г.

[156]) Ип. 185.

[157]) Ип. 210.

[158]) Ibid., 340.

[159]) Ibid., 339.

[160]) Ibid., 355.

[161]) Ibid., 359.

Перейдемъ теперь къ опредѣленію рубежей *Туровскаго княжества.* Оно не занимало всей обширной области, занятой поселеніями Дреговичей. Только сѣверная граница ихъ области съ Полоцкомъ оставалась неизмѣнною въ основѣ своей, до самаго сліянія обоихъ княжествъ съ Литвою. Эту сѣверную границу мы уже указали при опредѣленіи Полоцкихъ границъ; назовемъ только города Клеческъ и Случескъ, упоминаемыя какъ крайніе пункты Туровскаго княжества.

Восточная политическая граница недостигала естественныхъ предѣловъ—береговъ Днѣпра съ устьями двухъ важнѣйшихъ его притоковъ—Березины и Припяти, хотя это пространство было нанаселено представителями Дреговичскаго племени. Здѣсь мы встрѣчаемъ городокъ *Брягинъ* (мѣст. Рѣчицкаго у.), населенный Дреговичами, но съ половины XII ст. перешедшій во власть князей Кіевскихъ (см. ниже). Другой городокъ въ этой же мѣстности *Рѣчица* (уѣздный городъ Минской губ.) принадлежалъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ XIII ст., Черниговскимъ князьямъ [162]). Быть можетъ, тоже слѣдуетъ сказать и о *Рогачевѣ* (уѣздный городъ Могилевской губ.); этотъ городъ упоминается рядомъ съ другими несомнѣнно Дреговичскими городами: Берестьемъ, Дорогичиномъ и Клеческомъ [163]), но принадлежалъ Черниговскимъ князьямъ [164]). Такимъ образомъ, въ этомъ небольшомъ уголкѣ, образуемомъ устьемъ Припяти и Днѣпра, сталкиваются при племени: Поляне, Сѣверяне и Дреговичи и послѣдніе, какъ болѣе слабые, не выработавшіе политической независимости, оттѣсняются двумя первыми. Значительное количество городовъ и городищъ въ этой именно мѣстности указываетъ именно на то, что столкновеніе трехъ названныхъ племенъ обошлось, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшемъ періодѣ, не безъ борьбы [165]).

---

162) П. С. Р. Л., т. XV, р. 314.

163) Ип., р. 223.

164) Что находитъ косвенное подтвержденіе и въ извѣстіи 1180 г., Ип., р. 420.

165) См. замѣтку профессора Вл. З. Завитневича въ „Кіевскомъ Словѣ“ за 1887 г., №№ 171, 172. Въ Минской губ. изслѣдователь насчитываетъ до 10000 кургановъ. (См. его ст. „О курганахъ Минской губ.“ въ „Календ. Сѣверо-запад. края“ на 1890 г. изд. подъ редакціею М. Запольскаго, р. 10, II; также „Изъ Археолог. экскурсіи въ Babbage Приприпетское Полѣсье“, р. 3)—Около самого Брягина находится 12 большихъ городищъ до-христіанской эпохи. См. „Брягинскую Волость“ въ „Кал. Сѣв.-Зап. края“ на 1899 г. изд. подъ ред. М. Запольскаго.

Такимъ образомъ, политическій рубежъ Туровскаго княжества на востокѣ проходилъ, въ концѣ XII ст., за Мозыремъ, по водораздѣлу двухъ, окаймленныхъ болотами, рѣчекъ—Птичу, притоку Припяти, и Ведрачу, притоку Днѣпра.

На южной границѣ небыло и того естественнаго рубежа, который представлялъ на востокѣ Днѣпръ. Здѣсь поселенія Дреговичей сливались съ поселеніями Полянъ и Волынянъ. Граница во всякомъ случаѣ проходила южнѣе Припяти, такъ какъ города Туровъ и Мозырь расположены на южномъ берегу ея. Древлянскіе города на этой границѣ, какъ Вручій, Искоростенъ, Выгошевъ, Дубровица, Небль, Городно [166]), Черторыескъ находятся значительно южнѣе Припяти [167]).

Послѣдующая борьба за города, лежавшія по р. Горинѣ, южному притоку Припяти, переходъ ихъ то къ Туровскому, то къ Волынскому княжествамъ вполнѣ, какъ кажется, оправдываетъ предположеніе Барсова о смѣшанномъ населеніи Погоринскихъ городовъ и о томъ, что многіе фазисы этой борьбы нужно именно отнести на счетъ этой мѣстности [168]).

Къ востоку отъ Пинска прекращались политическія границы Туровскаго княжества, такъ что оно захватывало восточную часть верховьевъ Припяти. Отсюда рубежъ шелъ къ сѣверу и соединялся черезъ верховья Щары съ Полоцкимъ рубежемъ между Новгородкомъ и Клеческомъ. На этой границѣ въ половинѣ XIII ст. являются въ лѣтописяхъ города *Здитовъ* и *Услонимъ* [169]).

Рѣзкаго разграниченія здѣсь опять таки небыло, такъ какъ къ западу продолжались поселенія Дреговичей, захватывавшія большое пространство по Западн. Бугу, гдѣ крайнимъ ихъ пунктомъ былъ *Нуръ*, у впаденія рѣки Нурца [170]) въ Бугъ, а на сѣверѣ доходили до Гродно, нынѣ губернскій городъ; здѣсь были Дреговичскіе города Берестіе [171]) и Дорогочинъ [172]), оба на Бугѣ. Но эти области, Берестейская и Дорогичинская, не представляли одного политическаго

---

166) Андріяшевъ, „Оч. ист. Вол. земли", р. 79—80.
167) Барсовъ, „Оч. русск. ист. геогр.", р. 144. Андріяшевъ, „Оч. ист. Вол. земли", карта.
168) „Оч. русск. ист. геогр.", р. 126—7.
169) Ип., р. 542.
170) Ип., р. 537.
171) Ип., р. 101, 102, 172, 176. 178, 220 и др.
172) Ип., р. 222—3. 524 и др.

цѣлаго съ основною областью племени—Туровскимъ княжествомъ, переходя во власть то Кіевскихъ, то Волынскихъ, то Польскихъ князей. Притомъ область эта въ значительной мѣрѣ представляетъ собою продуктъ колонизаціоннаго движенія въ среду Литовскихъ племенъ Дреговичей, а впослѣдствіи и Волынянъ.

Покончивъ съ очеркомъ границъ княжества, перейдемъ къ городамъ его.

Изъ городовъ Туровскаго княжества упоминается въ данный періодъ весьма немного, несмотря на обширность страны, занятой Дреговичами. Незначительное количество названныхъ лѣтописью городовъ не можетъ однако служить доказательствомъ малонаселенности страны. Тихій, мирный ходъ исторіи Дреговичей, ихъ слабое участіе въ общихъ политическихъ дѣлахъ Руси, наконецъ то важное обстоятельство, что они большею частью, въ данный періодъ, принадлежали къ Кіевскому княжеству, а отчасти, на западныхъ своихъ окраинахъ, къ Волыни,—давало мало поводовъ лѣтописи упоминать о городахъ ихъ.

Главнымъ городамъ Дреговичской земли былъ *Туровъ*, упоминаемый уже на первыхъ страницахъ лѣтописи (980 г.) [173]). Онъ расположенъ на правомъ берегу р. Припяти между сѣвернымъ притономъ ея Случью и южнымъ Ствигой. Въ началѣ исторической жизни русскаго народа онъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Руси. Тѣсно связанный съ великимъ княженіемъ Кіевскимъ, онъ передавался старшему изъ сыновей великаго князя и, слѣдовательно, считался важнѣйшимъ городомъ. Но вскорѣ утратилъ совершенно свое значеніе, снизошелъ до мелкаго удѣльнаго городка. Преданіе относительно различныхъ урочищъ нынѣшняго Турова, а также и названіе самихъ урочищъ и остатки укрѣпленій представляютъ признаки древняго его величія. Въ самомъ мѣстечкѣ находится насыпная гора, опоясанная рвами [174]), которая, быть можетъ, составляла древній дѣтинецъ. Гора эта, раздѣляемая рвами на двѣ части, имѣетъ въ длину $^1/_2$ версты, въ ширину—около 3 верстъ. Преданіе гласитъ, что на этой горѣ стоялъ княжескій домъ, а за горой, на

---

173) Упомин. Ипат. лѣт. р. 50, 83, 114, 143, 145, 152, 168, 172, 210, 213, 217, 222, 223, 225, 281, 297, 324, 329, 335, 337, 338, 346, 349, 361, 370, 428, 503, 576.

174) Ст. „Туровское княжество" въ „Минскомъ Листкѣ" за 1886 г., № 29.

небольшой земляной насыпи, стоялъ Борисоглѣбскій монастырь [175]). За городомъ съ южной и восточной стороны сохранились остатки валовъ и урочище Городище съ остатками каменныхъ стѣнъ [176]); кромѣ того преданіе указываетъ мѣстность Дворецъ—загородный княжескій домъ; наконецъ, нѣсколько топографическихъ названій встрѣчаемъ съ словами *туръ, князь* [177]). Близъ древняго Турова „на болоньи" извѣстенъ Борисоглѣбскій монастырь съ XII в. [178]).

Важнѣйшимъ городомъ послѣ Турова былъ *Пинскъ* (н. у. гор.), расположенный въ болотистой мѣстности у верховья Припяти, при сліяніи ея съ Пиной. Въ торговомъ отношеніи онъ представлялъ весьма выгодный пунктъ, такъ какъ черезъ него сообщались съ Ятвягами и Польшею Волынь, Кіевщина и Дреговичи. Упоминается Пинскъ впервые подъ 1097 г. Давидъ Игоревичъ указывалъ Святополку Изяславичу, что Василько замышляетъ отнять у него Туровъ и Пинскъ и что слѣдуетъ принять мѣры [179]). Вообще, онъ всегда почти упоминается нераздѣльно съ Туровомъ, что указываетъ на его значеніе [180]). Около половины XIII ст. онъ уже выдѣлился въ особый удѣлъ [181]) и значеніе его поднялось во время борьбы Галицкихъ князей съ Литвою.

На Припяти же, къ востоку отъ Турова, находился незначительный городокъ княжества *Мозырь*, расположенный на южнымъ возвышеннымъ берегу рѣки. Впервые упоминается онъ подъ 1155 годомъ [182]).

---

175) Слупскаго „Изяславль и Туровъ" въ „Сѣверо-Западномъ Календарѣ" на 1888 г., р. 135.

176) „Минскій Листокъ", 1886 г., № 29.

177) Назв. ст. Слупскаго, 136, „Памятная Книжка по Минской губ. на 1878 г., ч. II въ описаніи Турова; а также у Калайдовича „Памятники русск. словесности XII в." въ предисловіи къ сочин. Кирилла Туровскаго.

178) См. Сказаніе Мартына Миха въ „Исторіи Русской Церкви" просв. Макарія, I, р. 300—301.

179) Ип., 168.

180) Вячеславъ говоритъ: „Туровъ и Пинскъ у меня отнялъ", Ипат., р. 197; также р. 324 и др.

181) Ип., 543.

182) Ип., 331. Историческія свѣдѣнія о Мозырѣ см. въ „Памятн. кн. по Минской губ." за 1878 г., ч. II, а также въ статьѣ Бѣлорусса Хотомскаго „Городъ Мозырь", помѣщенной въ „Минскомъ Листкѣ" за 1887 г. №№ 85—7 и въ нашихъ статьяхъ „Замѣтки изъ Путешествія по Бѣлоруссіи", V, „Виленскій Вѣстникъ", 1890 г., № 232.

Въ углу, образуемомъ Припятью и Днѣпромъ находился небольшой Дреговичскій городокъ *Брягинъ*[183]), на р. Брягинкѣ (нынѣ мѣстечко Рѣчицкаго у.); въ половинѣ XII ст. онъ несомнѣнно принадлежалъ къ Кіевскому княженію: Ольговичи, бывшіе въ 1147 г. въ союзѣ съ Юріемъ Ростовскимъ и во враждѣ съ Изяславомъ Кіевскимъ, воевали Брягинскую волость[184]).

Въ 1187 г. Рюрикъ Ростиславичъ отдалъ Брягинъ снохѣ своей, женѣ Всеволода Юрьевича, на дочери котораго Верхуславѣ онъ женилъ сына своего Ростислава[185]). Около Брягина разбросано 12 городищъ дохристіанской эпохи и 18 группъ кургановъ, что указываетъ на стратегическое значеніе данной мѣстности[186]).

Самыми сѣверными городами Туровскаго княжества въ данное время были *Клическъ*[187]) и *Случескъ*, первый въ наст. время мѣстечко Слуцкаго у. (Клецкъ) Минской губ. а второй—уѣздн. гор. той же губ.—Въ первый разъ Клеческъ упоминается по поводу похода Мстислава Мономашича въ 1127 г. на Полоцкихъ князей: изъ него съ своею дружиною отправился Вячеславъ Ярополчичъ, который, повидиму, имѣлъ удѣлъ въ Туровской землѣ, вѣроятно, Клическій[188]). Въ 1142 г. онъ упоминается въ числѣ другихъ Дреговичскихъ городовъ, которые раздавалъ Всеволодъ своимъ братьямъ по занятіи имъ Кіева[189]).

Случескъ въ 1116 г. былъ сожженъ Глѣбомъ Минскимъ[190]). Въ 1119 г. онъ вмѣстѣ Клеческомъ перешелъ къ Святославу Ольговичу, по вокняженіи въ Кіевѣ Юрія Ростовскаго[191]). Около 1162 г. имъ завладѣлъ Владиміръ Мстиславичъ, но Туровскіе князья, Рюрикъ и Святополкъ Юрьевичи, заставили его удалиться[192]).

---

183) Опредѣленіе мѣстоположенія Брагина было сдѣлано еще Арцыбашевымъ, Пов. о Россіи, I, 109, прим. 403.

184) Ип., 253.

185) Ип., 443.

186) См. любопытную статью о Брагинской волости въ „Календарѣ Сѣверо-Западнаго края", издаваемомъ подъ редакціею М. Запольскаго, 1889 г., р. 114 и слѣд.

187) Арцыбышевъ, Пов. о Р., I, р. 70.

188) Ипат., р. 210.

189) Ипат., р. 223.

190) Ип., 203.

191) Ип., 268.

192) Ип., 356. Профессоръ В. Б. Антоновичъ причисляетъ Случескъ и Клецкъ къ Полоцкимъ удѣламъ („Монографіи", т. I, р. 20). Но оба города были несомнѣнно въ землѣ Дре-

Эти города въ данный періодъ и составляли территорію Туровскаго княжества.

Мы указали коренную территорію трехъ интересующихъ насъ княжествъ: Полоцкаго, Смоленскаго и Туровскаго. Въ своемъ изложеніи мы опустили все то, что относится до окраинъ этихъ земель и, слѣдовательно, факты о колонизаціонномъ движеніи Кривичей и Дреговичей. Объ этомъ вопросѣ мы поговоримъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, а теперь обратимся къ изложенію политической исторіи трехъ интересующихъ насъ княжествъ въ данный періодъ.

говичей и никогда не принадлежали къ Полоцкому княжеству. Въ 1116 г. Мономахъ ходилъ на Глѣба: „Глѣбъ бо бяше воевалъ Дреговичи и Случескъ пожегъ" (Ип. 203), а Туровскимъ княжествомъ владѣлъ тогда Мономахъ, слѣдов., Случескъ былъ Туровскій городъ. Въ 1127 г. Клеческъ принадлежалъ Вячеславу Ярополчичу (Ип. 210). Въ 1162 г. Рогволодъ бѣжалъ изъ Полоцкихъ владѣній въ Случескъ, спасаясь отъ преслѣдованія и Полочанъ и удѣльныхъ Полоцкихъ князей (Ип. р. 355) и т. д.

ЧАСТЬ II.

Историческій очеркъ.

I*).

Племена Кривичей и Дреговичей играли, особенно первые, видную роль уже въ то отдаленное время, когда слагалась Русь. Но извѣстія о нихъ крайне сбивчивы, неполны и неопредѣленны. Этотъ характеръ извѣстій о нашихъ племенахъ восходитъ и къ позднѣйшему времени, такъ что едва-ли въ древней Руси было другое племя, котораго историческое прошлое было бы такъ темно, не смотря на обширную территорію, имъ занимаемую. Причинъ такого отношенія нашихъ источниковъ, конечно, слѣдуетъ искать въ томъ, что разсматривать древнѣйшую исторію Кривичей и Дреговичей приходится по тѣмъ скуднымъ извѣстіямъ, которыя попали въ Кіевскія, Новгородскія и Волынскія лѣтописи; послѣдніе источники упоминаютъ о нашихъ племенахъ вскользь, только при особенно важныхъ столкновеніяхъ Новгорода и Кіева съ Смоленскомъ, Полоцкомъ и Туровомъ. Но эти земли лежали на окраинахъ, сторонились отъ общихъ дѣлъ Руси, а потому столкновенія ихъ съ первыми рѣдки, незначительны. Только Смоленскъ и то съ половины XII ст. входитъ въ болѣе тѣсныя сношенія съ Кіевомъ и Новгородомъ и потому извѣс-

*) Настоящая глава была напечатана впервые нами въ „Календарѣ Сѣверо-западнаго Края“ на 1890 годъ (Москва), р. 16—35 (и отдѣльнымъ оттискомъ подъ загл. «Очерки по исторіи Бѣлоруссіи. Ист. Крив. и Дрегович. до конца XI ст.“, М. 1890 г.). Здѣсь эта глава является въ значительно измѣненномъ видѣ.

тія о немъ болѣе полны. Такимъ образомъ, даже внѣшняя политическая исторія Кривичей и Дреговичей, конечно, древнѣйшая, отличается отрывочностью, неполнотою, неговоря уже о внутренней. Несмотря даже на политическую зависимость Турова отъ Кіева, на територіальную близость ихъ, внутренній строй его прослѣдить невозможно; конечно, тоже приходится сказать и о Полоцкой и отчасти о Смоленской землѣ, еще болѣе удаленныхъ отъ центра нашего лѣтописанія. Собственныхъ лѣтописей названныхъ племенъ не сохранилось, хотя отрывки ихъ, по крайней мѣрѣ Смоленской, сквозятъ въ позднѣйшихъ сводахъ.

Достовѣрныя извѣстія о Кривичахъ и Дреговичахъ не восходятъ ранѣе X вѣка. Собственно къ половинѣ этого вѣка относится упоминаніе о Кривичахъ и Дреговичахъ Константина Багрянороднаго. Онъ разсказываетъ, что лодки, на которыхъ Руссы (преимущественно Кіевскіе) прибываютъ въ Константинополь, дѣлаются въ Милинискѣ (Смоленскѣ), Черниговѣ и Вышгородѣ. Эти Славяне, Кривычи, Лютичи и другіе, платящіе дань Руссамъ, зимою приготовляютъ лодки для продажи, спускаютъ ихъ въ ближнія озера и рѣки, и весною на нихъ отправляются по своимъ рѣкамъ къ Днѣпру, оттуда въ Кіевъ, гдѣ, вытянувъ свои лодки на берегъ для осмотра, продаютъ Кіевскимъ Руссамъ [1]). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель передаетъ извѣстіе о томъ, что Кіевскіе князья изъ Кіева зимою отправлялись въ города племенъ, платившихъ имъ дань, изъ которыхъ авторъ называетъ Дреговичей, Кривичей, Сѣверянъ и, повидимому, Тиверцевъ. Тамъ князья съ дружиною живутъ впродолженіи зимы, а на весну возвращаются [2]). Въ извѣстіяхъ императора Греческаго нѣтъ ничего, что могло бы противорѣчить истинному положенію тогдашней Руси, что вполнѣ естественно, ибо онъ хорошо зналъ бытъ своихъ опасныхъ сосѣдей. Что въ это время Кривичи и Дреговичи были подчинены Кіевскимъ князьямъ, доказываютъ и наши лѣтописи, какъ сейчасъ увидимъ; описываемый обычай собиранія князьями дани общеизвѣстенъ и по другимъ источникамъ; онъ назывался полюдіемъ.

---

1) Monumenta Paloniae Historica. Wyd. A. Bielowski. T. I. Lwów, 1864 r., p. 16. Кривичи—οἱ Κριβηταιηνοί, Κριβιτζοί, Дреговичи=Δρουγουβιτοί.

2) Ibidem., p. 20.

Еще есть одно упоминаніе о Дреговичахъ въ арабскихъ источникахъ, впрочемъ довольно сомнительное и вовсе ничего неразъясняющее въ древнѣйшей ихъ исторіи. Арабскій писатель половины X в. Аль-Масуди упоминаетъ о племени *Баранджабинъ*, въ которомъ нѣкоторые желаютъ видѣть Дреговичей (исходя изъ чтенія Транджабинъ, Драпгубиты—Друговиты Константина Порфиророднаго). Но эта догадка никакого серьезнаго значенія имѣть неможетъ [3]).

Обратимся теперь къ первымъ Русскимъ извѣстіямъ. Начальная лѣтопись въ своемъ этнографическомъ обзорѣ сообщаетъ нѣсколько отрывочныхъ свѣдѣній о географическомъ положеніи Дреговичей и Кривичей. Она говоритъ, что Славане, придя съ Дуная, разселились: „друзии сѣдоша межи Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи; а инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася Полочане, рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, и именемъ Полота, отъ сея прозвашася Полочанѣ“ [4]). Въ другомъ мѣстѣ лѣтопись сообщаетъ, что каждое племя имѣло свое княженіе: „а Дреговичи свое, а Словѣне свое въ Новѣгородѣ, а другие на Полотѣ, иже и Полочанѣ. Отъ сихъ же и Кривичи, иже сѣдять на вѣрхъ Волги, и на вѣрхъ Двины, и на вѣрхъ Днѣпра, ихъ же и городъ Смолененскъ: туда бо сѣдять Кривичи“ [5]). Въ географическомъ обзорѣ мы уже видѣли, какія мѣста были заняты поселеніями нашихъ племенъ. Далѣе лѣтопись сохранила отрывокъ объ этнографическихъ чертахъ Кривичскаго племени, каковыя черты были извѣстны лѣтописцу лишь по преданію. Послѣдній передаетъ, что Радимичи, Вятичи, Сѣверяне и Кривичи „живяху въ лѣсѣ, якоже всякый звѣрь, ядуще все нечисто, и срамословье в нихъ предъ отци и предъ снохами; и бьраци не бываху в нихъ, но игрища можю селы“ и такъ далѣе [6]). Преувеличенное представленіе Полянина лѣтописца, и при томъ монаха, о звѣринскихъ обычаяхъ этихъ племенъ было уже указываемо неразъ; черты же быта изъ области брачныхъ отношеній и погребальный обрядъ, описанный имъ, который онъ, повидимому, хорошо зналъ, такъ какъ

---

[3]) Гаркави. Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ. СПБ. 1870 г., р. 136, 167.

[4]) Ипатская лѣтоп. въ изд. Археогр. Комм. 1871 г., р. 3—4.

[5]) Ibid., p. 6.

[6]) Ип., 8.

могъ наблюдать эти обычаи и въ свое время (оже творять Вятичи и нынѣ), имѣютъ большое этнографическое значеніе [7]).

Таковы скудныя географическія и этнографическія свѣдѣнія нашихъ источниковъ. Но гораздо важнѣе намеки ихъ на политическое состояніе Руси въ то отдаленное время.

Первыя историческія свѣдѣнія о Руси указываютъ на то, что различныя племена ея, живя разрозненно, дѣлаютъ попытки къ сплоченію, къ соединенію въ одно государственное цѣлое. Впослѣдствіи, при Олегѣ, первомъ историческомъ князѣ Руси, попытки эти осуществились и этотъ князь успѣлъ соединить подъ своею властью русскія племена. Но попытки къ такому соединенію происходили и и раньше. Объ одной изъ нихъ разсказываетъ Аль - Масуди, что царь племени Волинана Маджакъ успѣлъ покорить сосѣднія племена, но удержать ихъ во власти ему не удалось [8]). Постоянныя указанія лѣтописи о томъ, что разныя русскія племена жили „особѣ“, „держали свое княженіе“ и пр. предъ прибытіемъ Рюрика, едва ли не слѣдуютъ быть отнесены на тотъ же счетъ: лѣтопись какъ бы оттѣняетъ положеніе вещей въ описываемое время, сравнительно съ болѣе раннимъ и съ болѣе позднимъ (при Олегѣ).

Такъ образомъ, если и были попытки къ сплоченію русскихъ племенъ до Олега, то попытки эти были весьма незначительны и не оставили послѣ себя какихъ либо слѣдовъ. Лѣтопись неоднократно указываетъ, что каждое племя управлялось „особѣ“, имѣло свое „княженіе“. Кромѣ того находимъ указанія и на существованіе отдѣльныхъ князьковъ у различныхъ племенъ даже въ болѣе позднее время. Что это были за князья, мы достовѣрно не знаемъ. Но судя по различнымъ извѣстіямъ нашихъ лѣтописей, можно, кажется, вывести заключеніе, что эти древніе князья были не больше какъ начальники и представители общинъ. Древніе Славяне жили общинами. Общинная жизнь состояла въ томъ, что нѣсколько семействъ или родовъ соединялись для болѣе удобной защиты отъ непріятеля и т. д.,

[7]) Этнографическія данныя о нашихъ племенахъ могутъ быть возстановлены лишь на основаніи общихъ обо всѣхъ русскихъ славянахъ данныхъ, содержащихся въ источникахъ; этотъ вопросъ не входитъ въ нашу задачу и потому мы его опускаемъ. Индивидуальныя же черты быта древнихъ Кривичей и Дреговичей могутъ быть константированы археологическими раскопками, но онѣ еще настолько незначительны, что выводы изъ нихъ—дѣло будущаго

[8]) Гаркави, р. 137—8.

избирали себѣ сообща верховнаго судью, предводителя, князя; община строила города для большей безопасности, отправляла торговые караваны, а иногда и дѣлала нападенія на сосѣднія племена. Такими начальниками общинъ, какъ кажется, и были упоминаемые лѣтописью князья древнѣйшаго періда. Эти князья, какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ сильно ограничивались властью *вѣча*, т. е. народнаго собранія. Вѣче состояло изъ всѣхъ взрослыхъ членовъ города; оно собиралось въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ (въ христіанскій періодъ обыкновенно у собора св. Софіи) и тутъ рѣшало всѣ дѣла. Власть князя была чисто исполнительная. О значеніи вѣча въ землѣ Дреговичей мы неимѣемъ достовѣрныхъ свѣдѣній, хотя по ходу событій можно заключить, что вѣчевое начало въ этомъ племени не успѣло еще утвердиться, какъ оно подпало подъ власть Кіевскихъ князей, которые, разумѣется, постарались заглушить дальнѣйше развитіе его. Болѣе опредѣленныя формы развитія вѣчевое начало получило въ Смоленской области, гдѣ оно выдвигается на ряду съ княжеской властью.

Въ Полоцкой же области мы видимъ сильное развитіе вѣчеваго начала въ ущербъ княжеской власти. Вѣче продолжало дѣйствовать въ Полоцкѣ до конца XV в., до 1498 г., когда этотъ городъ получилъ Магдебурское право.

Полоцкое вѣче было настолько сильно, что оно выбирало и прогоняло князей, заключало союзы, торговые договоры и проч. Оно даже при нуждѣ, помимо князя, вступало подъ покровительство другихъ князей, болѣе сильныхъ, объявляло войны и проч. Князь даже не жилъ въ самомъ городѣ, но недалеко отъ него въ селеніи Бѣльчицахъ, гдѣ была съ нимъ и его дружина. Отсюда Полочане приглашали князя на совѣтъ въ городъ. Вообще государственный строй Полоцка представлялъ собою народоправство, подобное Новгородскому и Псковскому. Однако князья послѣднихъ находились сравнительно въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ Полоцкіе. Новгородцы выбирали себѣ князей изъ всего рода Ярослава; въ случаѣ какихъ либо обидъ со стороны Новгородцевъ, князья всегда могли найти себѣ защитниковъ въ великомъ князѣ и въ своихъ родичахъ; кромѣ того бросая столъ въ Новгородѣ, они переходили въ свои прежніе удѣлы и если теряли отъ этой перемѣны, то немного. Не то было съ Полоцкими князьями; они были совершенно отдѣлены отъ остальной Руси, защиты искать было не у кого, удѣловъ тоже; если они

теряли столъ въ Полоцкой области, то должны были бы скитаться безъ княженія въ чужихъ земляхъ. Полоцкіе князья даже и въ матеріальномъ отношеніи находились въ сильной зависимости отъ вѣча. Такимъ образомъ Полоцкое вѣче имѣло всѣ выгоды для своего развитія и поддержанія своего значенія. Отъ Полоцка, какъ главнаго города обширной области, зависѣли мелкіе города этой области или пригороды, каковыми были: Минскъ, Борисовъ, Друцкъ, Стрѣжевъ, Усвятъ, Изяславль, Витебскъ и дуг. Во внутреннихъ дѣлахъ эти пригороды были самостоятельны, но во внѣшней политикѣ зависѣли отъ главнаго города.

Такимъ образомъ, эпоха до-княжеская характеризуется разобщеніемъ русскихъ племенъ, жизнью ихъ на вѣчевыхъ началахъ, искони имъ сродныхъ, съ представительствомъ племеннаго князька.

Во время усобицъ предъ соединеніемъ Русскихъ племенъ подъ властью Олега, Полоцкіе Кривичи находились въ весьма близкихъ сношеніяхъ съ Новгородомъ. Они учавствовали въ борьбѣ Новгородцевъ съ Варягами, а также преданіе отводитъ имъ весьма дѣятельное участіе въ призваніи Варяговъ, указывая даже, что Варяги сидѣли въ Полоцкѣ, который былъ отданъ Рюрикомъ своему мужу [9]). Такъ какъ фактъ призванія Варяговъ опровергается послѣдними изысканіями нашихъ ученыхъ въ томъ видѣ, какъ передаетъ его лѣтопись, то эти извѣстія вѣроятнѣе всего слѣдуетъ отнести на счетъ преданій о сношенія Полоцка съ Норманными, которыя были весьма оживленны въ древнѣйшую эпоху [10]). Къ этому же времени слѣдуетъ отнести извѣстіе Никоновской лѣтописи о томъ, что „воеваша Аскольдъ и Диръ Полочанъ и много зла сотвориша" [11]). Къ отрывочному извѣстію этой лѣтописи нѣтъ основанія относиться скептически. Оно даетъ поводъ думать, что эти Кіевскіе князья старались привлечь подъ свою власть городъ, тяготѣвшій къ Новгороду. Здѣсь, быть можетъ, нужно усматривать ту же политику Кіевскихъ князей Аскольда и Дира, какой немного позже относительно того же города держались Владиміръ и Ярополкъ Святославичи, ища союза съ Рогволодомъ.

---

[9]) Ипат., 11.

[10] См. напр. Эймундову Сагу, по которой Эймундъ владѣлъ даже Полоцкомъ. Antiquitées Russes, t. II, p. 171 и слѣд.

[11]) П. С. Р. Л., т. IX, Никоновская лѣт., p. 9.

Олегъ, этотъ первый исторически достовѣрный князь Руси, но еще окруженный въ сказніяхъ о немъ миѳическимъ ореоломъ, соединилъ подъ своею властью племена, составлявшія древнюю Русь. Подчиненіе это состояло прежде всего въ наложеніи Кіевскими князьями дани на подчиненныхъ: „Олегъ нача городы ставить, и устави дани Славѣномъ, и Кривичемъ и Мерямъ“ [12]). Смоленскъ подчинился Олегу безъ борьбы: Олегъ, собравши войско, въ которомъ были и Кривичи (вѣроятно Изборскіе или даже Полочане) „и приде къ Смоленску и с Кривичи и *прия* городъ Смольнескъ, и посади въ немъ мужъ свой“ [13]). Дѣло обошлось безъ борьбы, ибо о сопротивленіяхъ лѣтопись почти всегда отмѣчаетъ [14]). О подчиненіи Полоцка и Дреговичей лѣтопись ничего не говоритъ, но, несомнѣнно, обѣ области были соединены тогда же съ Кіевомъ; такъ, Полоцкъ упоминается въ числѣ городовъ, на которые князь бралъ „уклады“ съ Грековъ. Кромѣ уставленія дани, Олегъ сажалъ въ подчиняемые города мужей своихъ. Но въ то же время въ покоряемыхъ городахъ были и свои мѣстные князья „подъ Олгомъ суще“ [15]). Поэтому роль этихъ „мужей“ сводилась, вѣроятно, къ собиранію виръ и даней въ пользу князя и проч. Кромѣ того, зависимость отъ Кіевскаго князя обусловливается тѣмъ, что покоренныя племена участвовали въ походахъ князей. Такъ, Кривичи принимали участіе въ походѣ Олега на Грековъ въ 907 г. [16]) и въ походѣ Игоря въ 944 г. [17]) Полоцкъ [18]) и Смоленскъ [19]) при Олегѣ получали „уклады“, т. е. часть добычи, что указываетъ на то, что они были только присоединены къ Кіеву, а непорабощены.

Въ такомъ политическомъ положеніи находились наши племена и въ послѣдующія княженія въ Кіевѣ Игоря, Ольги и Святослава. Извѣстій о нихъ нѣтъ въ лѣтописяхъ, но порядокъ, установленный Олегомъ, очевидно, не былъ нарушенъ, за исключеніемъ, быть можетъ, того что Полоцкъ успѣлъ получить большую самостоятель-

---

12) Ип., 13.
13) Ип., 13.
14) Бестружевъ—Рюминъ, О составѣ русскихъ лѣтописей, прил. I, р. 7.
15) Ип., 18.
16) Ibid., 17.
17) Ibid., 28.
18) Ibid., 18.
19) П. С. Р. Л., т. XV, Тверская лѣт., р. 38.

ность, Правда, есть преданія въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ о пребываніи Ольги въ землѣ Полоцкой и даже о заложеніи ею Витебска [20]), но эти разсказы не могутъ имѣть значенія и сложились въ позднѣйшее время.

Во время княженія Владимира Святославича, въ Полоцкѣ является *Рогволодъ*, княжившій тамъ самостоятельно. Лѣтопись замѣчаетъ: „бѣ бо Рогволодъ перешелъ изъ заморья, имяше волость свою Полотьскѣ“ [21]). Понимать это мѣсто въ буквальномъ смыслѣ, едва ли слѣдуетъ. Рогволодъ, вѣроятно, былъ потомокъ, тѣхъ мѣстныхъ князей, о которыхъ лѣтопись говоритъ „подъ Олгомъ суще“. Вполнѣ славянское имя Рогволода и дочери его Рогнѣды также неподтверждаетъ его Варяжскаго происхожденія [22]).

Преданіе же о приходѣ его изъ-за моря слѣдуетъ опять таки отнести на счетъ преданій о сношеніяхъ Полоцка съ Норманнами: извѣстіе о Рогволодѣ попало въ лѣтопись какъ отдаленное глухое сказаніе. Въ разсказѣ лѣтописи о походѣ Владимира на Полоцкъ, о сватовствѣ двухъ князей на Рогнѣдѣ несомнѣнно слышится преданіе,

---

[20]) Это извѣстіе попадается въ т. наз. Витебской лѣтописи. Сапуновъ, Витебская Старина, т. I, р. 455. Эта же лѣтопись издана проф. Антоновичемъ въ «Сборникѣ лѣтописей, южной и западной Россіи», Кіевъ, 1888, р. 215.

[21]) Ипат., 51.

[22]) Встрѣчающіяся въ договорахъ съ греками имена Норманновъ не подвергаются передѣлкамъ, которыя сближали бы ихъ съ русскими словами; поэтому производить Рогволода изъ скандинавскаго Рингвальда—нѣтъ основанія. Имя Рогволода осталось за многими изъ послѣдующихъ Полоцкихъ князей, слѣдов. оно было неслучайная передѣлка.—Съ извѣстіемъ о Рогволодѣ Полоцкомъ тѣсно связано извѣстіе лѣтописи о Турѣ, Туровскомъ князѣ, «отъ него же и Туровци прозвашася». Но это упоминаніе лѣтописи не болѣе какъ преданіе, по нашему мнѣнію, хотя нѣкоторые историки на основаніи его хотятъ видѣть въ Турѣ перваго Туровскаго князя. Такъ, составитель «Очерка исторіи Турова» (Предисловіе въ изданіи „Творенія святаго отца нашего Кирилла, епископа Туровскаго“, изд. епископа Евгенія, Кіевъ, 1880 г.) упорно держится мнѣнія о существованія *варяжскаго* (?) князя Тура, производя это имя, по созвучію съ варяжскими (?) именами *Турбернъ*, *Турбинъ* [въ лѣтописи иначе: *Турьбридъ* (Ипат. лѣт., р. 29)], *Турдовъ*, *Турдува* (въ лѣт. *Турдуви*, Ibidem). Но, во 1-хъ, само существованіе варяжскихъ князей, въ родѣ Рогволода (не Рогволода—князя, а Рогволода—по происхожденію варяга) болѣе чѣмъ сомнительно; 2)—приведенныя авторомъ созвучныя имена слишкомъ далеки отъ *тура*; послѣднее слово, въ видѣ названій рѣкъ, мѣстностностей, селеній общеупотребительно въ Бѣлоруссіи (напр. Туровъ въ Витебской губ., рѣка Турія въ Мозырскомъ уѣздѣ и пр.). При томъ, большинство городовъ, по народнымъ преданіямъ, основано князьями и героями, давшими имъ свое имя (Кіевъ—отъ Кія): ср., напр., интересное преданіе объ основаніи Рѣжицы, Люцина и Маріенгаузена („Исторія земли Варяжской Руси“ В. Лызлова, Вильна, 1886 г., р. 6) и мн. др. (у Балинскаго въ сочин. „Starożytna Polska“, въ лѣтописяхъ и пр.). Если придать преданію о Турѣ историческую достовѣрность, то пришлось бы признать первымъ княземъ Минскимъ Менеска, о которомъ передаетъ преданіе Шпилевскій. Онъ такъ и хочетъ, но научный ли это пріемъ?

можетъ быть, дружинная пѣсня, сложенная про добываніе Владиміромъ красавицы—невѣсты, о препятствіяхъ къ этому браку и о побѣдѣ, одержанной надъ гордой красавицей. Все это такъ похоже на пѣсенный эпическій мотивъ, который встрѣчается и въ нашихъ былинахъ, и въ сѣверныхъ сагахъ, и въ ламбардскомъ циклѣ сказаній и проч. Пѣсня объ этомъ сватовствѣ Владиміра могла сложиться изъ преданій въ эпоху жестокой борьбы Мономаха и его сына Мстислава съ Полоцкими князьями, когда дружинники старались всячески выяснить себѣ причины, отчего „Рогволожи внуци взимаютъ мечъ" на племя Ярославово, когда князья старались установить по возможности законность необычной расправы съ Полоцкими князьями. Все это заставляетъ съ большою осторожностью относиться къ сказанію нашей лѣтописи. Но тѣмъ не менѣе покамѣстъ вопросъ остается не выясненнымъ, и выясниться онъ можетъ только тогда, когда изслѣдователи народнаго эпоса дадутъ болѣе твердыя основанія того, насколько извѣстное историческое событіе воздѣйствовало на пѣсенную поэзію и наоборотъ, какое изъ свидѣтельствъ нашей лѣтописи можно принять за преданіе, перешедшее въ лѣтопись изъ эпоса [23]).

По лѣтописнымъ извѣстіямъ дѣло о борьбѣ Владиміра съ Рогволодомъ и о первомъ Полоцкомъ князѣ Изяславѣ представляется такъ.

Когда началась война между Ярополкомъ и Владиміромъ Святославичами изъ-за Кіевскаго княженія, *Рогволодъ* сталъ въ весьма выгодное, относительно обоихъ спорящихъ князей, положеніе. Владѣя обширнымъ и сильнымъ княжествомъ, которое притомъ находилось почти на дорогѣ изъ Новгорода въ Кіевъ, онъ своимъ участіемъ въ войнѣ могъ значительно увеличить силу своего союзника и ослабить противника. Это поняли молодые князья и оба стали добиваться заключить скорѣе, до начала войны, союзъ съ Рогволодомъ. Самымъ естественнымъ закрѣпленіемъ политическаго союза было,

---

[23]) Изслѣдователи нашей былевой поэзіи сдѣлали нѣкоторыя указанія о связи сватовства Владиміра на Апраксіи въ былинахъ съ эпизодомъ о Рогнѣдѣ. См. Ореста Миллера, Илья Муромецъ и Богатырство Кіевское, p. p. 17, 329. 369, 370, 372—3, Халанскій, Великорусскія Былины p. 25., Ровинскій, Русскія Народныя Картинки, т. IV, p. 62. Кирпичниковъ, Поэмы Ломбардскаго Цикла, М. 1873. p. 103 и др. Но ни однимъ изслѣдователемъ вопросъ прямо поставленъ на былъ.

конечно, родство. Поэтому оба князя, Ярополкъ и Владимиръ, пожелали вступить въ бракъ съ молодой и прекрасной Рогнѣдой, дочерью Рогволода.

Молодые князья почти въ одно время сдѣлали предложеніе о бракѣ Рогволоду. Послѣдній, очевидно, не рѣшаясь, съ кѣмъ союзъ ему выгоднѣе заключить, обратился къ дочери съ вопросомъ, какого изъ двухъ сватающихся князей она хочетъ избрать себѣ мужемъ. Гордая княжна, зная, что Владимиръ Святославичъ имѣлъ мать рабыню, ключницу Ольги, отвергла предложеніе молодого князя, сказавъ: „Не хочу разути рабынича, а за Ярополка иду!“ Такое рѣшеніе, можетъ быть, вполнѣ согласовалось съ планами отца, который, передавая отказъ дочери Владимиру, могъ надѣяться ослабить месть его.

Бракъ Ярополка съ Рогнѣдой равнялся союзу его съ Рогволодомъ, что значительно должно бы было увеличить силы его. Поэтому Владимиръ, съ дядей своимъ Добрыней, не медля рѣшились предупредить грозившую имъ опасность отъ этого союза, и въ 980 г. двинулись съ новгородскими и варяжскими войсками къ Полоцку. Городъ былъ взятъ и преданъ разграбленію, Рогволодъ и его два сына убиты, а Рогнѣду Владимиръ взялъ себѣ въ жены.

Покончивши съ Полоцкомъ, Владимиръ отправился къ Кіеву, гдѣ осадилъ Ярополка. Потомъ заманивши его въ Родню, онъ убилъ брата при помощи измѣнника Блуда [24]).

У Владимира отъ Рогнѣды было 4 сына: Изяславъ, Ярославъ, Мстиславъ, Всеволодъ и 2 дочери [25]).

Владимиръ Святославичъ совершенно выдѣлилъ Изяславу и его потомству Полоцкую область, такъ что она впослѣдствіи составила совершенно отдѣльное независимое княжество. Изяславъ княжилъ въ Полоцкѣ до 1001 г., слѣдовательно только на одинъ годъ пережилъ свою мать. Источники не сохранили намъ никакихъ извѣстій о событіяхъ во время его княженія. Однако при немъ произошло одно изъ важнѣйшихъ событій въ исторіи Руси—принятіе христіанства. Какъ распространилось христіанство въ Полоцкой области, мы не знаемъ. Но судя потому, что есть извѣстіе о принятіи Рогнѣдою,

---

[24]) Ип., 51.
[25]) Новгородская лѣт. въ изданіи 1888 г., р. 30.

матерью Изяслава, монашества [26]), можно думать, что и князь этотъ, находясь подъ ея вліяніемъ, былъ усерднымъ христіаниномъ и старался о распространеніи новой вѣры въ своей области. Одна лѣтопись такъ описываетъ его: князь этотъ былъ тихъ, кротокъ, смиренъ и милостивъ, весьма любилъ и уважалъ священническій и иноческій санъ, прилежно читалъ священное писаніе, отвращался отъ суетныхъ глумленій, и былъ долготерпѣливъ [27]). Впрочемъ, эта характеристика передана позднѣйшимъ сводомъ.

Изяславъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: *Брячислава* и *Всеслава;* послѣдній умеръ вслѣдъ за отцомъ въ 1003 году.

Какъ распространялось христіанство въ землѣ Дреговичей и Смольнянъ,—извѣстій не сохранилось.

Владимиръ Святославичъ, по обычаю, раздѣлилъ Русь на удѣлы. При этомъ, въ Полоцкѣ онъ посадилъ Изяслава, какъ уже было сказано, въ Туровѣ—Святополка, старшаго сына, и, какъ кажется, въ Смоленскѣ—Станислава [28]). Это раздѣленіе на удѣлы относится лѣтописью къ 988 г., но вѣроятно, великій князь раздавалъ удѣлы по мѣрѣ возмужанія сыновей своихъ.

Объ Изяславѣ мы уже говорили. Станиславъ только и упоминается при раздѣленіи земель, да и то не во всѣхъ лѣтописяхъ. Святополкъ Туровскій извѣстенъ своею долгою борьбою съ братьями. Для исторіи его мы имѣемъ три различныхъ источника: лѣтопись, хронику Мартына Галла и хронику Титмара. Изъ нихъ только первый и послѣдній источникъ даетъ слабые намеки на княженіе Святополка въ Туровѣ. Разсказъ М. Галла посвященъ описанію похода Болеслава на Русь, причемъ матерьяломъ для описанія послужила едва ли не эпическая пѣсня; разсказъ испещренъ неточностями. Въ разсказѣ русской лѣтописи соединены нѣсколько источниковъ: сѣверное сказаніе о Святополкѣ (вѣроятно Новгородское), весьма ему враждебное, и отрывки изъ южнаго, которое относилось къ своему князю съ большей симпатіей. Разсказъ Титмара, основанный на

---

26) Тв. лѣт., П. С. Р., т. XV, р. 113.

27) П. С. Р. Л. т. IX, р. 68.

28) Ипат., 83, Лаврент., р. 118; упоминаніе о Станиславѣ Смоленскомъ находится лишь позднѣйшихъ спискахъ нашихъ лѣтописей: Тверская, 113, Никоновская, р. 57, лѣтоп. Даниловича, р. 119 и др.

разсказахъ саксонскихъ воиновъ, бывшихъ въ походѣ съ Болеславомъ, имѣетъ найболѣе достовѣрныхъ чертъ [29]).

Святополкъ родился около 980 г. Сказаніе нашей лѣтописи, желая по возможности очернить его, разсказываетъ, что Владимиръ взялъ себѣ въ жены жену Ярополка, гречанку, которая „бѣ не праздна“; такимъ образомъ Святополкъ произошелъ „отъ грѣховнаго корене“ [30]). Святополкъ былъ женатъ на дочери короля польскаго Болеслава [31]); бракъ этотъ относится къ концу 1013 или началу 1014 г. [32]). Вмѣстѣ съ дочерью Болеславъ послалъ къ зятю епископа Колобрежскаго Рейнберна. Святополкъ въ это время уже владѣлъ Туровомъ, куда и прибыли Рейнбернъ и дочь Болеслава. Туровскій князь, недовольный назначеніемъ ему небольшаго удѣла и притомъ опасаясь, очевидно, за то, что отецъ назначитъ Кіевъ по смерти не ему, готовилъ противъ отца своего возстаніе, въ чемъ дѣятельное участіе принимали жена его и Колобрежскій епископъ. Узнавъ объ этомъ, Владимиръ заключилъ всѣхъ троихъ въ тюрьму [33]), изъ которой Святополкъ освободился только, по свидѣтельству русскихъ лѣтописей, около времени смерти отца. Титмаръ разсказываетъ, кромѣ того, что Рейнбернъ занимался миссіонерскою дѣятельностью до заключенія своего въ тюрьму (впрочемъ, это извѣстіе такъ неопредѣленно, что его едва ли не слѣдуетъ относить къ дѣятельности Рейнберна въ его Колобржской епархіи), а также и изъ тюрьмы (In qua (custodia) pater venerabilis, quod in aperto fieri non potuit, in secreto studiosus in divina laude peregit). Факты эти общеизвѣстны. Они были толкуемы то въ томъ смыслѣ, что епископъ старался распространять христіанство среди мѣстныхъ язычниковъ, еще не принявшихъ его, то въ томъ смыслѣ, что онъ старался о пріобщеніи Туровской земли къ папскому престолу. Какъ бы то ни

---

29) Н. Линниченко, Взаимныя отношенія Польши и Руси до полов. XIV ст., ч. I, р. 99. Есть еще одинъ источникъ разсказывающій объ этой войнѣ, но уже чисто былеваго происхожденія—Эймундова Сага, Antiquitées Russes, t. II, p., 171. Источникъ этотъ, къ сожалѣнію, не былъ вовсе подвергнутъ критическому изслѣдованію, его игнорировалъ даже г. Линниченко въ указанномъ соч. Впрочемъ, слишкомъ пристрастный критическій разборъ ея пробовалъ сдѣлать Сенковскій въ ст. „Скандиновскія Саги“, Библіот. для чтенія, т. I, 1834 г. р, 50 и сл., издавшій также Сагу въ русскомъ переводѣ, въ томъ же изданіи, т. II, р. 80 и стр.

30) Ипат., р. 52.

31) Mon. Pol. Hist., т. 1, р. 264.

32) Линниченко, р. 47.

было, но Рейнбернъ больше всего является дѣйствующимъ по указаніямъ Болеслава, стремившагося распростнанить свое вліяніе и на Русь и въ этихъ видахъ оказывавшаго поддержку своему зятю.

Какъ извѣстно, смерть Владимира вызвала борьбу его сыновей. Святополкъ успѣлъ временно утвердиться въ Кіевѣ. Затѣмъ былъ изгнанъ Ярославомъ, водворился на великомъ княженіи еще разъ съ помощью тестя стоего Болеслава и наконецъ погибъ. Со смерти Владимира св., дѣятельность Святополка уже не относится къ Туровской области и потому за ней слѣдить мы не будемъ [34]). Замѣтимъ только, что Святополкъ въ своихъ притязаніяхъ на Кіевскій столъ пользовался сильною поддержкою мѣстнаго населенія, имѣлъ значительную партію въ самомъ Кіевѣ, безъ чего успѣхи его были бы необъяснимы. Кромѣ того, и Туровская земля принимала дѣятельное участіе въ его борьбѣ, откуда онъ набиралъ ополченія: „Святополкъ же събра воя въ Деревѣхъ и въ Пинску и сѣде въ Кіевѣ, мысля всю братію погубити“ [35]). Такимъ образомъ, онъ пользовался войскомъ изъ свой области, какъ главной силой, съ помощью кототорой хотѣлъ удержаться въ Кіевѣ.

Итакъ, Святополкъ палъ въ борьбѣ съ Ярославомъ. Туровъ и Смоленскъ подчинились послѣднему.

Утвердившись окончательно на Кіевскомъ столѣ, Ярославъ тѣмъ не менѣе не покончилъ еще со всѣми своими братьями: въ отдаленной Тмутаракани сидѣлъ храбрый и отважный Мстиславъ, извѣстный своими побѣдами надъ кавказскими народами; въ Полоцкѣ сидѣлъ Брячиславъ Изяславичъ. Они могли быть недовольны усиленіемъ Ярослава и могли потребовать и себѣ увеличеніе удѣловъ. Такъ оно и случилось.

Брячиславъ Изяславичъ скоро заявилъ свое требованіе на Рускую землю. Въ 1021 году онъ напалъ на Новгородъ, взялъ въ плѣнъ множество гражданъ, награбилъ сокровищъ и поспѣшилъ въ свои владѣнія. Но извѣщенный объ этомъ Ярославъ предупредилъ его; черезъ 7 дней онъ встрѣтилъ Брячислава на рѣчкѣ Судомири,

---

33) M. Pol. Hist., I, 310.

34) Разборъ этихъ извѣтій сдѣланъ г. Линниченкомъ, Вз. отн. Руси и Польши, ч. I. p. 83—100. См. также Хроника Дитмара, такъ источникъ для русской ист. г. Голубовскаго и г. Врублевскаго о хроникѣ. М. Галла.

35) Лѣтописецъ Переяславля—Суздальскаго, изд. кн. Оболенскимъ, М. 1851 г., р. 33.

разбилъ на голову и отнялъ плѣнныхъ и награбленныя сокровища [36]). Однако Ярославъ не преслѣдовалъ далѣе своего противника, напротивъ, онъ самъ призвалъ его къ себѣ, заключилъ съ нимъ миръ, далъ ему еще два города: Витебскъ и Усвятъ [37]). Очевидно, Ярославъ сознавалъ правоту требованій Брячеслава и притомъ боялся, что если онъ не удовлетворитъ Полоцкаго князя, то Новгородскія владѣнія будутъ подвергаться частымъ, со стороны послѣдняго, нападеніямъ. Поэтому-то онъ самъ первый предложилъ миръ Брячиславу.

Судя по условіямъ мира, можно думать, что означенныя два города были главнымъ предметомъ притязаній со стороны Полоцкаго князя. Оба города, расположенные при торговыхъ дорогахъ, имѣли важное значеніе для Полочанъ: владѣя ими, послѣдніе держали въ своихъ рукахъ пути верхняго Подвинья и самую важную часть великаго воднаго пути изъ Варягъ въ Греки—волоки между Двиной и Днѣпромъ. Цѣль войны такимъ образомъ, является болѣе важною. Быть можетъ, съ этого же времени къ Полоцкому княжеству было присоединено часть Поднѣпровья съ Оршею и Копысомъ, впослѣдствіи отнятыя Мономахомъ. Въ самомъ дѣлѣ: если Брячиславъ не владѣлъ Витебскомъ, то вѣроятно, не владѣлъ и названною областью, лежавшею къ востоку отъ названнаго города. Ближайшіе же преемники его, терявшіе свои земли, едва ли могли пріобрѣсть новыя.

Брячиславъ Изяславичъ умеръ въ 1044 г. [38]), оставивъ послѣ себя сына *Всеслава*. Въ которомъ году родился Всеславъ, неизвѣстно; но эта личность произвела на народъ такое сильное впечатлѣніе, что сохранилось преданіе, будто онъ родился отъ волхвованія и что вслѣдствіе этого у него на головѣ было родимое пятно, имѣвшее особенную волшебную силу. Волхвы велѣли ему носить на головѣ повязку, прикрывающую это пятно [39]). И вообще Всеславъ слылъ сверхъестественнымъ, чародѣемъ, даже и между болѣе образованными людь-

---

[36]) Ипат. лѣт., 102; Татищевъ, II, 101, Новгор. л., 89,; Никон., 77, Тверская, 142, Воскресенская, (П. С. Р. Л., т. VII, р.

[37]) Никон., 77.

[38]) Ипат., 109.

[39]) Ипат. лѣт., 109.

ми тогдашняго времени. Извѣстный литературный памятникъ XII вѣка [40]) такъ характеризуетъ Полоцкаго чародѣя: „Князь Всеславъ людямъ судъ давалъ, князьямъ города приводилъ въ порядокъ, а самъ волкомъ рыскалъ: изъ Кіева до пѣнія пѣтуховъ онъ добѣгалъ до Тмутаракани, волкомъ пересѣкая путь великому Хорсу (Солнцу). Въ Полоцкѣ звонятъ заутреню у Святой Софьи, а онъ въ Кіевѣ звонъ слышитъ. Хотя и вѣщая душа въ иномъ тѣлѣ, но часто бѣды претерпѣваетъ. Ему (Всеславу) вѣщій Боянъ сказалъ припѣвку (поговорку): „Ни хитру, ни горазду суда Божія не избѣгнуть“.

Приведенный взглядъ древняго поэта вполнѣ вѣрно, хотя своеобразно характеризуетъ кипучую дѣятельность Всеслава: онъ былъ уменъ, хитеръ и изворотливъ, но въ то же время жизнь его сложилась такъ, что онъ многое долженъ былъ претерпѣть. Своимъ умомъ, своимъ безпокойнымъ, предпріимчивымъ характеромъ этотъ князь остался на долго въ памяти народа; объ немъ начали ходить уже легенды, какъ о чародеѣ; разсказы эти, передававшіеся въ народѣ, попали въ письменные памятники—лѣтопись и Слово о Полку Игоревѣ.

Послѣ смерти Ярослава въ 1054 г., Всеславъ Брячиславичъ жилъ нѣкоторое время въ мирѣ съ Ярославичами, Изяславомъ Кіевскимъ, Святославомъ и Всеволодомъ, и даже принималъ участіе въ дѣлахъ всей Руси; такъ, онъ ходилъ со всѣми князьями въ 1060 г. на Торковъ [41]). Однако согласіе это скоро нарушилось; между князьями, неизвѣстно по какой причинѣ, произошелъ раздоръ. Всеславъ предпринялъ цѣлый рядъ нападеній на сѣверныя русскія области, осаждалъ въ 1075 году Псковъ, хотя безуспѣшно [42]), а въ 1076 году [43]) подступилъ къ Новгороду, занялъ и ограбилъ его. Поводомъ враждебныхъ дѣйствій Всеслава, какъ обыкновенно пытаются объяснять наши историки, послужило то, что Ярославичи, освободились отъ изгоя Ростислава, съ которымъ они долго воевали,

---

40) Слово о Полку Игоревѣ.

41) Ипат. лѣт., 114.

42) Тверская. 154; Псковская 2: «Князь Полотьскій Всеславъ, събравъ силы свои многая пріиде ко Пскову и много тружавсяя съ многыми замышленіями и пороками шибавъ, отъиде ничтоже успѣвъ».—Ипат. только намекаетъ на этотъ походъ: „Всеславъ сѣде рать почалъ“, р. 115.

43) Ипат., 117; „възя Новгородъ, съ женами и съ дѣтьми; и колоколы съима у святыя Софие; о, велика бяше бѣда въ часъ тый, и понекадила съима“, Новгор., 97.

увеличили свои владѣнія, не прибавивъ ничего Всеславу. Какъ бы то ни было, но великій князь Кіевскій Изяславъ и его братья Святославъ и Всеволодъ рѣшились сообща наказать Всеслава за нападенія. Глубокою зимою 1067 года они втроемъ, во главѣ многочисленнаго войска, отправились на Полоцкую область. Союзники осадили Минскъ, одинъ изъ важнѣйшихъ Полоцкихъ городовъ, взяли его послѣ упорнаго сопротивленія, причемъ почти все население,—мужчины, женщины и дѣти, или были перебиты, или взяты въ плѣнъ. Отъ этого города они пошли далѣе и на рѣкѣ Нѣмизѣ встрѣтились съ войскомъ Всеслава; 3 марта, не смотря на глубокій снѣгъ, произошла жаркая бытва, въ которой Всеславъ былъ разбитъ [44]). Объ этой битвѣ неизвѣстный авторъ Слова о Полку Игоревѣ такъ картинно говоритъ: „На Нѣмизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ стальными цѣпами, на току жизнь кладутъ, вѣютъ душу изъ тѣла. Кровавые берега Нѣмизы были усѣяны не житомъ, но костьми русскихъ сыновъ“.

Послѣ этой битвы Всеславъ бѣжалъ. Союзные князья не погнались за нимъ, но направились въ восточныя части Полоцкихъ владѣній, къ Днѣпру, и остановились у Орши. Должо быть, наступившая весна помѣшала продолженію военныхъ дѣйствій, такъ какъ воевали въ то время почти исключительно зимою. Собравшись у Орши, Ярославичи въ іюнѣ мѣсяцѣ призвали Всеслава для переговоровъ въ свою ставку, причемъ они цѣловали крестъ, что не сдѣлаютъ ему никакого зла. Однако, едва только явился Полоцкій князь въ станъ союзниковъ, какъ былъ схваченъ ими, скованъ и отправленъ Изяславомъ въ Кіевъ въ заточеніе [45]).

Однако Всеславу Изяславичу недолго пришлось сидѣть въ заключеніи. Счастливый случай помогъ ему.

Въ это время Половцы напали на южную Русь, разбили вышедшихъ имъ на встрѣчу Ярославичей и начали разграблять и жечь Русскую землю. Когда великій князь Изяславъ возвратился послѣ пораженія въ Кіевъ, Кіевляне возстали. Они потребовали отъ князя выдачи имъ оружія, чтобы они могли пойти оборонять Русскую землю. Изяславъ отказалъ жителямъ. Жители взбунтовались. Часть

---

[44]) Ип. 117; Новгор., 97; Никон. 93.
[45]) Ibidem.

ихъ вошла на княжескій дворъ и стала спорить съ Изяславомъ, который въ это время сидѣлъ на сѣняхъ съ своею дружиною и говорилъ съ гражданами черезъ окно, а другая часть направилась въ тюрьмы и выпустила заключенныхъ, которые увеличили недовольную толпу. Дружина совѣтовала князю послать стеречь покрѣпче Всеслава, даже убить его, но онъ ни на что не соглашался. Тогда народъ хлынулъ къ тюрьмѣ, гдѣ заключенъ былъ Всеславъ, освободилъ его и привелъ на княжескій дворъ. Изяславъ бѣжалъ съ своими приверженцами и сыномъ Мстиславомъ, а Всеславъ былъ избранъ Кіевскимъ княземъ.

Изяславъ Ярославичъ бѣжалъ къ Польскому королю Болеславу, своему родственнику. Здѣсь онъ соединился съ королемъ и оба пошли на Кіевъ и Всеслава. Изяславъ былъ нелюбимъ Кіевлянами и потому они всѣ вышли противъ него подъ предводительствомъ Всеслава. Однако послѣдній не надѣялся на устойчивость и силу Кіевлянъ, при томъ не видѣлъ возможности долго удержаться на Кіевскомъ столѣ, а потому, улучивъ удобный случай, убѣжалъ съ похода изъ-подъ Бѣлгорода къ себѣ въ Полоцкъ, предоставивъ Кіевлянъ самимъ себѣ. Онъ прокняжилъ въ Кіевѣ 7 мѣсяцевъ [46]).

Расправившись съ Кіевлянами, Изяславъ немедленно направился преслѣдовать своего врага, Полоцкаго князя. Онъ изгналъ его изъ Полоцка и посадилъ тамъ сына своего Мстислава. Послѣдній скоро тамъ умеръ и на его мѣсто сѣлъ другой Изяславичъ—Святополкъ [47]). Изгнанный Всеславъ Брячиславичъ бѣжалъ на сѣверъ къ Финскому племени Води. Здѣсь онъ собралъ войско и снова началъ свои нападенія на Новгородъ. Въ томъ же 1069 году онъ напалъ на Новгородцевъ, но тѣ подъ предводительствомъ своего князя Глѣба Святославича разбили его на Гзенѣ [48]) у самого Новгорода, взяли въ плѣнъ, но потомъ отпустили.

---

[46]) Иоат., 119—120; Новгород., 103; лѣт. Даниловича, 117; Никон., 115., Лаврент., 168.—Вотъ какими поэтическими красками рисуетъ эти событія изъ жизни Всеслава Слово о Полку Игоревѣ „Тъй (Всеславъ) клюками подпрься о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружіемъ злата стола Кыевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ къ плъночи изъ Вѣлаграда, обѣсися синѣ мглѣ, утръже воззни стрикусы, отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Нѣмизы съ Дудутокъ".

[47]) Ип., 122; Новгор., 104; Лаврент., 169.

[48]) Никон., 96; Новгор., 103.—Всеславъ нашелъ поддержку у Вожанъ (Чудское племя, Барсовъ, Оч. р. ист., р. 46) и съ ними явился подъ стѣнами Новгорода: „велика бяше сѣця Вожаномъ и паде ихъ бещисленное число; а самого князя отпустили Бога дѣля", Новгор.

Однако храбрый Всеславъ не думалъ унывать. Онъ снова собралъ войско и въ 1071 году напалъ на Полоцкъ и выгналъ оттуда Святополка. Тогда Изяславъ послалъ на помощь послѣднему другаго своего сына Ярополка, который и разбилъ Полочанъ въ битвѣ у Голотическа [19]). Не смотря на это Полоцкій столъ остался за Всеславомъ, послѣ многихъ лѣтъ упорной и несчастной борьбы.

Во все время княженія Святослава въ Кіевѣ, Всеславъ сидѣлъ спокойно. Но какъ только умеръ Святославъ (1076 г.), снова начались безпрерывныя войны между Всеславомъ и Кіевскими князьями. Прежде всего подвергся нападенію Новгородъ, гдѣ княжилъ Глѣбъ, къ которому ходилъ на помощь Владимиръ Мономахъ. Въ отмщеніе за этотъ набѣгъ Владимиръ сдѣлалъ два похода на Полоцкъ, лѣтомъ съ отцомъ своимъ Всеволодомъ, а зимою съ Святополкомъ, который тогда уже княжилъ въ Новгородѣ. Въ этотъ походъ князья пожгли предмѣстья самого города и кромѣ того Владимиръ разорилъ съ Половцами всю страну до Одрска [50]).

Всеславъ при первомъ удобномъ случаѣ въ свою очередь напалъ на Смоленскъ, владѣнія Мономаха, воспользовавшись отсутствіемъ послѣдняго. Получивъ въ Черниговѣ вѣсть о нападеніи, Владимиръ немедленно поскакалъ съ дружиною къ Смоленску, но не засталъ тамъ Всеслава. Тогда онъ направился въ Полоцкую землю и пожогъ города: Лукомль, Логойскъ у Друцкъ [51]).

Но Всеславъ, очевидно, и этого не оставилъ безъ отмщенія. По крайней мѣрѣ въ слѣдующемъ году Владимиръ принужденъ былъ снова направиться на Полоцкую область. Онъ собралъ огромное ополченіе изъ Половцевъ, Черниговцевъ и Читѣевцевъ и направился къ Минску. Они взяли городъ и поступили съ нимъ крайне жестоко: не оставили ни челядина (раба), ни скотины, все разграбили, пожгли [52]).

Кажется, на этомъ походѣ и закончилась борьба Всеслава Брячиславича съ Ярославичами. По крайней мѣрѣ лѣтописи ничего не упоминаютъ. Впрочемъ, знаменитый чародѣй былъ уже слишкомъ

---

[49]) Ип., 122; Лавр., 169;
[50]) Лаврент. лѣт., 239.
[51]) Ibidem.
[52]) Ibidem.

старъ и, вѣроятно, совершенно успокоился подъ конецъ своей бурной жизни. Онъ умеръ въ 1101 г., прокняживъ 57 л.

При Всеславѣ Брячиславичѣ Полоцкое княжество достигло высшихъ предѣловъ своего процвѣтанія: ни до него, ни послѣ него оно не было такъ велико и сильно, какъ въ его время. Крѣпость и сила княжества увеличилась особенно тѣмъ, что оно находилось въ рукахъ одного князя. Возвышеніемъ своимъ Полоцкъ вполнѣ обязанъ уму и энергіи Всеслава. Послѣ него Полоцкое княжество начинаетъ падать. Оно раздѣляется на множество мелкихъ самостоятельныхъ удѣловъ, которые часто спорятъ между собою. Первое начало удѣльному порядку въ Полоцкѣ положилъ самъ Всеславъ, раздѣливъ все княжество между своими 6-ю сыновьями.

Со смертію Ярослава Великаго въ 1054 г. вся Русская земля дѣлится на почти независимыя княжества или удѣлы. Внѣшняя сущность удѣльной системы состояла въ томъ, что болѣе или менѣе значительный племенной центральный городъ получалъ или принималъ къ себѣ князя, который оставался вполнѣ независимымъ въ дѣлахъ внутреннихъ, а во внѣшнихъ дѣлахъ болѣе или менѣе зависимымъ, смотря по величинѣ и значенію управляемаго имъ удѣла. Собственно удѣльный строй древне-русскаго государства существовалъ еще до Ярослава. Такъ, по смерти Святослава Игоревича Владиміръ сдѣлался единовластителемъ Руси только послѣ долгой и упорной борьбы съ братомъ Ярополкомъ. Ярославъ Владиміровичъ долженъ былъ также бороться съ братомъ Святополкомъ, заключить другаго брата Судислава Псковскаго въ темницу, и владѣть долгое время Русью вмѣстѣ съ братомъ Мстиславомъ Тмутараканскимъ до самой смерти послѣдняго въ 1034 г. Только тогда Ярославъ сдѣлался единовластцемъ Русской земли. Изъ этого видно, что обычай раздѣленія Руси на удѣлы существовалъ еще гораздо раньше Ярослава. Однако со смертію послѣдняго его потомство настолько размножилось, что уже на много столѣтій раздѣлило Русь на удѣлы. Самъ Ярославъ оставилъ 5 сыновей, и притомъ еще въ Полоцкѣ княжила независимая отъ него линія Изяславичей.

Не смотря на довольно высокое состояніе русской исторической науки, сущность и значеніе удѣльнаго періода еще далеко не выяснена историками. Явилось много теорій по этому вопросу, но ни

одна изъ нихъ не охватываетъ вполнѣ сущности этой эпохи, обращая вниманіе то на ту, то на другую сторону ея.

Не говоря уже о вполнѣ отжившей теоріи Карамзина, которая видѣла въ надѣленіи великимъ княземъ сыновей своихъ волостями—отеческую любовь и попеченіе о дѣтяхъ, считаемъ необходимымъ упомянуть о болѣе выдающихся мнѣніяхъ по этому вопросу. Такіе авторитетные ученые, какъ С. М. Соловьевъ и Кавелинъ признаютъ, что удѣлы произошли отъ раздачи русскихъ земель великимъ княземъ, какъ родоначальникомъ княжескаго семейства и что слѣдовательно вся Русская земля представляла общее родовое владѣніе княжескаго дома, а борьба князей между собою—борьбою за княжескіе родовые счеты. Далѣе, есть теорія, которая видитъ въ удѣльно-вѣчевомъ строѣ этнографическое дѣленіе Руси по племенамъ и слѣдовательно борьбу князей объясняетъ племенной борьбой народностей. Это мнѣніе впервые было выяснено Костомаровымъ. Наконецъ, есть еще довольно важное мнѣніе Сергѣевича, который видитъ въ удѣльно-вѣчевомъ складѣ—договорное начало между княземъ и народнымъ вѣчемъ [53]).

Здѣсь не мѣсто входить въ болѣе подробное изслѣдованіе этихъ теорій, не мѣсто также вести съ ними полемику. Но намъ, однако кажется, по нашему крайнему разумѣнію,—что ни одно изъ этихъ мнѣній неудовлетворительно. Дѣло въ томъ, что каждая теорія разсматриваетъ совокупность не всѣхъ явленій народной жизни даннаго времени, но предпочтительно избираетъ одну группу фактовъ, которая кажется ей важнѣе, справедливѣе, и на нихъ строитъ свои выводы; тѣ же изъ фактовъ, которые не подходятъ подъ данную группировку, стараются объяснить какими либо натяжками или прямо считать исключеніемъ.

Обращаясь къ фактамъ удѣльно-вѣчеваго періода Русской исторіи, мы замѣчаемъ три крупныя явленія: 1) проявленіе и развитіе племенной жизни народностей, составлявшихъ тогдашнюю Русь, 2) борьбу князей и 3) сліяніе княжескихъ интересовъ съ интересами земства.

---

[53]) Отмѣтимъ еще мнѣніе Вас. Пассека, который въ явленіяхъ удѣльнаго періода видѣлъ „встревоженное семейное чувство", Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1868 г., кн. III, р. 9.

Племена, составлявшія древнюю Русь, должны были различаться другъ отъ друга многими энографическими особенностями, выражавшимися въ различныхъ мѣстныхъ говорахъ, обычаяхъ, обрядахъ, особенностяхъ религіозныхъ, въ различной степени культуры, въ различіи торговыхъ интересовъ, даже, можетъ быть, въ такихъ мелочахъ какъ одежда, способъ и пріемы охоты и т. п. Какъ не велики покажутся намъ эти особенности, но они имѣли вліяніе на разрозненность племенъ, въ особенности, если обратимъ вниманіе на то, что огромныя пространства, непроходимые лѣса и болота и притомъ недовѣрчивое, подозрительное отношеніе одного племени къ другому,—черта свойственная вообще мало-образованнымъ народамъ, постоянно препятствовали близкому знакомству и сліянію племенъ. При этомъ припомнимъ свойственную вообще славянамъ черту—заводить между собою споры и проч.; всѣ эти несогласія между племенами лѣтописецъ характеризуетъ словами „бысть нестроеніе". Но пока племена жили мелкими общинами, пока они не доразвились до способности создать государственное начало, народная жизнь ни въ чемъ не проявлялась. Съ IX вѣка различныя событія, одно за другимъ, возбуждаютъ къ дѣятельности русскія племена: борьба съ варягами, установленіе на всемъ пространствѣ государственной власти, частое посѣщеніе сѣверныхъ славянъ южными и на оборотъ, борьба за власть первыхъ князей, походы въ Грецію, Хазарію, на Кавказъ и проч., наконецъ принятіе христіанской религіи и съ нею вмѣстѣ письменности, однимъ словомъ—всѣ эти явленія заставили проснуться русскія племена. Такимъ образомъ произошло возбужденіе въ средѣ русскихъ племенъ къ дѣятельности умственной и государственной, каковое явленіе мы бы назвали *возрожденіемъ* племенъ. Первые поддались этому движенію тѣ племена, которыя находились въ болѣе близкихъ сношеніяхъ съ Греціею: Кіевскіе Поляне и Ильменскіе Славяне и Полочане. Потомъ выдвигается на сцену политической жизни: Волынь, Туровъ, Сѣверяне, Смоляне и т. д. Вслѣдствіе такого проявленія народной областной жизни въ нашъ удѣльно-вѣчевой періодъ, мы замѣчаемъ слѣдующія явленія: 1) развитіе и усиленіе вѣча, какъ выразителя народной воли въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, 2) борьба городовъ съ пригородами, которая есть отраженіе всеобщаго возрожденія племенъ, 3) борьба земствъ, 4) развитіе системы земель, т. е. племена группируются около сво-

его главнаго центра, великокняжескаго города, при чемъ всякая земля, въ свою очередь, дѣлится на мелкіе удѣлы. Что касается до князей, то въ борьбѣ ихъ мы наблюдаемъ слѣдуюшіе случаи: 1) борьба князей за родовые (борьба Мономаховичей и Ольговичей) и семейные счеты, 2) борьба князей за личныя обиды и неудовольствія, 3) борьба князей за интересы земель, княжествъ, напримѣръ торговые и пр., 4) появленіе и борьба за столы князей - изгоевъ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ князья обыкновенно воевали только со своими дружинами, при чемъ земство рѣдко помогало и даже отказывало имъ въ помощи.

Вотъ отличительныя черты, на нашъ взглядъ, удѣльно-вѣчеваго періода. Для объясненія его, намъ кажется, нужно брать совокупность всѣхъ этихъ чертъ, а не одну какую нибудь, напр. родовыя отношенія князей, и только такой взглядъ можетъ вполнѣ выяснить значеніе этого періода.

Къ этому слѣдуетъ прибавить еще одно соображеніе. Въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, когда продолжался нашъ удѣльный періодъ, при разнообразіи и многочисленности племенъ, населявшихъ Русь, различной ихъ степени культуры, интересахъ и т. д., удѣльно-вѣчевой порядокъ имѣлъ свои видоизмѣненія. Укажемъ хотя бы на то, что поколѣнія князей не могли всегда дѣйствовать по одному и тому же принципу, хотя бы по принципу родоваго начала: одинъ князь могъ имѣть свои взгляды на власть, на свое положеніе, на управляемый имъ удѣлъ и т. д., отличные отъ взглядовъ другаго. Съ другой стороны, и земли, смотря по условіямъ, въ какія онѣ были поставлены, имѣли различныя понятія и принципы о княжеской и народной власти: въ одномъ городѣ преобладало вѣче, въ другомъ князь и т. д. Все это отразилось и на событіяхъ удѣльнаго періода.

Въ первое время князья въ удѣлахъ были пришлые. Князь со своею дружиною переходилъ изъ города въ городъ, представляя собою временную военную и судебную власть. Вслѣдствіе частой смѣны князей и ихъ исключительнаго положенія въ странѣ, должна была выступить народная власть для постояннаго завѣдыванія внутренними дѣлами, что и выразилось въ усиленіи значенія вѣча.

Однако, приблизительно съ половины XII вѣка, князья перестаютъ ходить со стола на столъ, но сживаются на столько съ уп-

равляемыми ими племенами, что власть княжеская дѣлается наслѣдственною. Еще при жизни князь старается назначить и утвердить себѣ преемника. Такимъ образомъ, княжескія линіи утверждаются въ той или другой землѣ, въ своихъ *вотчинахъ*; земли, съ своей стороны, крѣпко держатся одной какой либо княжеской линіи. Съ этого времени интересы князя и его удѣла становятся не раздѣльными,

Земли Полоцкихъ и Смоленскихъ Кривичей окончательно выдѣляются въ первой половинѣ XII в. Смоленское княжество выдѣляется съ началомъ правленія Ростислава Мстиславича. Полоцкое княжество, какъ мы видѣли, выдѣлилось еще при Владимирѣ и было, насколько можно судить по лѣтописнымъ извѣстіямъ, довольно самостоятельно. Однако, мы видѣли, что Всеславъ Брячиславичъ почти всю жизнь свою провелъ въ борьбѣ за самостоятельность своей земли, между тѣмъ какъ Кіевскіе князья стремятся подчинить ее. Борьба эта продолжается и послѣ смерти Всеслава, еще съ большимъ ожесточеніемъ. Полоцкая земля раздробляется на удѣлы, но всѣ они продолжаютъ вести борьбу съ Кіевомъ единодушно. Конецъ этой борьбы и полное обособленіе можно считать съ 1137 года, съ возвращеніемъ изъ ссылки Полоцкихъ князей.

Обращаясь собственно къ возрожденію племенъ, населявшихъ Бѣлоруссію, и къ образованію у нихъ государственнаго начала, нужно замѣтить, что оно далеко не одинаково и не въ одно время появилось у Смольнянъ, Полочанъ и Дреговичей. Ранѣе другихъ выработали государственное начало Полоцкіе Кривичи, о чемъ уже было говорено. За ними выступили Дреговичи съ центральнымъ городомъ Туровомъ и позже ихъ, въ первой половинѣ XII в., Смольняне. До проявленія полной самостоятельности Смоленской земли, т. е. до начала княженія Ростислава Мстиславича, при которомъ она впервые сдѣлалась самостоятельною, въ Смоленскѣ часто перемѣняются князья. Услѣдить за ихъ внутренней дѣятельностью невозможно за отсутствіемъ данныхъ и поэтому, чтобы не прерывать разсказа, намъ придется ограничиться сухимъ перечнемъ за это время именъ князей.

Почти тоже приходится сдѣлать и съ Туровскою областью.

Получивъ самостоятельнаго князя еще при Владимирѣ Свято-

славичѣ—Святополка, Туровъ нѣкоторое время играетъ видную роль между городами Кіевскаго княженія. Онъ отдается обыкновенно старшимъ послѣ великаго князя князьямъ, слѣдовательно, преемникамъ великокняжескаго стола. Такъ, послѣ Святополка I Владиміровича, тамъ сидѣлъ старшій сынъ и преемникъ Ярослава—Изяславъ до 1054 года, когда онъ занялъ Кіевскій столъ [54]). Послѣ смерти Ярослава Турово-Пинская область осталась за Изяславомъ. Причина такого важнаго положенія Турова была та, что въ это время главнѣйшимъ и важнѣйшимъ сосѣдомъ Руси была Польша, ближайшее сношеніе съ которой происходило именно черезъ Туровскую область. Сидя въ пограничной области или владѣя ею, князь всегда успѣвалъ заключить союзъ съ Польшой или Венгріей, которыя и сами охотно вступали въ союзъ съ Русскими князьями. Такъ мы видимъ, что Святополкъ I получалъ помощь отъ Польши, Изяславъ тоже два раза отправлялся за помощью въ Польшу, сынъ его, великій князь Святополкъ II въ 1097 г. заключилъ союзъ съ Ляхами противъ Давида Игоревича, и воспользовался помощью Венгерскаго короля Коломана.

Во время смерти Ярославовой, въ Смоленскѣ мы видимъ впервые самостоятельнаго князья; то былъ Вячеславъ Ярославичъ, родившійся въ 1034 г. [55]). Онъ былъ женатъ на Одѣ, дочери графа Штадскаго Леопольда и имѣлъ отъ нея одного сына Бориса [56]). Однако Вячеславъ вскорѣ умеръ, 23 лѣтъ отъ роду въ 1057 ,.; супруга его Ода уѣхала на родину, взявъ съ собою и Бориса, выросшаго и воспитаннаго въ Саксоніи; онъ явился на Русь только около 1077 г., когда о немъ упоминаютъ лѣтописи. Вмѣсто Вячеслава на Смоленскій столъ былъ отправленъ, по рѣшенію старшихъ братьевъ, Игорь, княжившій до этого времени во Владимірѣ на Волыни [57]). Время его рожденія неизвѣстно; вообще о немъ мы почти ничего не знаемъ, какъ и о его предшественникѣ на Смоленскомъ столѣ. Можно только догадываться, что онъ былъ женатъ на Кунигундѣ, Орламинской графинѣ, которая послѣ его смерти въ

---

[54]) Ип., 114.
[55]) Ипат., 105.
[56]) Ипатская лѣтопись, стр. 105, 113, 114.
[57]) Ипат., 114.

1060 г. уѣхала въ Германію и тамъ вышла замужъ за какого-то принца [58]).

Послѣ смерти Игоря (1060 г.), три старшіе князя—Кіевскій князь Изяславъ, и братья его Святославъ и Всеволодъ раздѣлили Смоленское княженіе между собою [59]). Кажется, что это дѣленіе нужно понимать только въ смыслѣ раздѣленія доходовъ со страны, но не дѣленія географическаго; по крайней мѣрѣ послѣдующая исторія этого не доказываетъ, да притомъ вообще у Русскихъ князей не было въ обычаѣ территоріальное дѣленіе какого либо племени. Смоленская волость недолго находилась въ неопредѣленномъ положеніи подъ властью трехъ князей. При Владимирѣ Мономахѣ мы видимъ, что она находилась въ тѣснѣйшей связи съ Переяславскимъ княжествомъ, въ которомъ княжилъ отецъ Мономаха Всеволодъ. Мало того, Туровъ, кажется, тоже на время подпалъ власти Всеволода. Именно, послѣ изгнанія Изяслава изъ Кіева, Святославъ, сдѣлавшись Кіевскимъ княземъ, оставилъ за собою Черниговъ. Несомнѣнно, онъ долженъ былъ вознаградить какъ нибудь брата своего Всеволода; ему, по всей вѣрвятности, досталось Туровское княженіе. Такъ, Владимиръ Всеволодовичъ ходилъ воевать за Туровскую волость съ ляхами и, перезимовавъ въ Туровѣ, на весну ходилъ къ отцу въ Переяславль, оттуда снова въ Туровъ [60]). Когда умеръ Святославъ, князь Кіевскій, Всеволодъ помирился съ старшимъ братомъ, изгнанникомъ Изяславомъ, и перевелъ сына своего Владимира изъ Турова, какъ владѣнія Изяславова, на прежній столъ въ Смоленскъ (въ 1077 г. [61]).

Туровъ, вѣроятно, остался за Изяславомъ, для котораго онъ былъ важенъ какъ прямой путь для сношеній съ Польшею. Взамѣнъ Турова, Всеволодъ получилъ Черниговъ, причемъ братья Святославичи, Олегъ и Давидъ, объявлены были изгоями и лишены отцовскаго стола. Такой же участи подвергся и сынъ Вячеслава Борисъ, появившійся около этого времени на Руси. Молодые изгои не думали уступить своего права на управленіе русскими городами. Они

---

58) Карамзинъ, Ист. Гос. Р., т. II, стр. 38.

59) Карамзинъ, II, 38.

60) Твер. (П. С. Р. т. XV), стр. 153.

61) Лаврентьевская лѣтоп., стр. 238, 236,

явились съ многочисленнымъ войскомъ степняковъ и въ 1078 г. заняли Черниговскую волость. Однако. въ томъ же году, соединенныя ополченія старшихъ князей разбили подъ Черниговомъ изгоевъ, причемъ былъ убитъ Борисъ Вячеславичъ и великій князь Изяславъ. Всеволодъ занялъ Кіевскій столъ, вслѣдствіе чего произошла новая смѣна князей въ удѣлахъ. Ярополку, младшему сыну Изяслава, отдано было Туровское владѣніе, но только въ *придачу* къ Волыни [62]), Владимиръ Мономахъ перешелъ изъ Смоленска въ Черниговъ.

Такимъ образомъ Мономахъ занималъ два стола; по крайней мѣрѣ извѣстно, что, когда Всеславъ Полоцкій напалъ на Смоленскъ, Владимиръ погнался за нимъ съ Черниговцами. Отсюда можно заключить, что Владимиръ не переставалъ быть Смоленскимъ княземъ, на что сохранилось указаніе въ одномъ позднѣйшемъ источникѣ [63]).

Туровъ при Всеволодѣ потерялъ свое значеніе. Этотъ князь не имѣлъ связей съ западомъ, подобно Изяславу, и потому Туровъ не былъ для него важенъ. Онъ отдалъ его Ярополку, съ которымъ былъ, повидимому, въ первое время весьма друженъ. Такъ Ярополкъ однажды провелъ у него Пасху. Мало того, когда онъ былъ выгнанъ племянниками своими Ростиславичами изъ удѣла, Всеволодъ немедленно помогъ племяннику Ярополку, пославъ съ войсками сына своего Владимира, который и возстановилъ его на прежнемъ столѣ [65]). Однако согласіе это продолжалось очень недолго. Ярополкъ вздумалъ возстать противъ дяди: между ними произошли, вѣроятно, какія-то недоразумѣнія, о которыхъ лѣтопись умалчиваетъ; она объясняетъ дѣло тѣмъ, что Ярополкъ послушался злыхъ совѣтниковъ [66]). Владимиръ Мономахъ, посланный Всеволодомъ, занялъ Владимиръ Волынскій и плѣнилъ тамъ мать и жену Ярополка, бѣжавшаго при одномъ приближеніи противниковъ въ Польшу. Однако онъ скоро

---

62) Никоновская лѣтопись, стр. 107.

63) Ипатская лѣтопись стр. 143; Воскр. (П. С. Р. Л. т. VII), стр. 3.

64) Воскресенская лѣтопись, (П. С. Р. Л. т. VII). стр. 3.

65) Ипатская лѣтопись, стр. 144.

66) Пространнѣе объ этомъ говоритъ Стрыковскій. Одинъ приближенный Всеволода посовѣтовалъ послѣднему послать на Ярополка сына своего Владимира (вѣроятно вслѣдствіе какого нибудь недоразумѣнія или подозрѣнія). Тотъ же совѣтникъ убѣждаетъ Ярополка бѣжать въ Польшу, говоря: „ты недовѣряйся своимъ совѣтникамъ и войску, но бѣги въ Польшу поскорѣе, какъ сдѣлалъ отецъ Изяславъ", стр. 171—172. Если это такъ—то, очевидно, здѣсь кроется какая-то интрига, какія частенько бывали въ тѣ времена.

помирился съ великимъ княземъ и опять занялъ свой столъ. Черезъ нѣсколько времени, когда онъ былъ на пути въ Звенигородъ, его убилъ какой-то Нерядецъ. Причина убійства неизвѣстна, но убійца бѣжалъ къ Рюрику Ростиславичу, чѣмъ и навлекъ сильное подозрѣніе на послѣдняго (1087 г. [67]).

Въ слѣдующемъ году, послѣ смерти Ярополка, братъ его Святополкъ, княжившій до этого времени въ Новгородѣ, перешелъ на Туровское княженіе [68]). Къ этому побудило его, вѣроятно, желаніе быть поближе къ Кіевскому столу, такъ какъ онъ оставался старѣйшимъ въ княжескомъ родѣ. Къ такому переходу побуждала его еще, можетъ быть, и та причина, что онъ, занимая отцовское мѣсто могъ возобновить старыя отцовскія связи съ Польшей и Венгріей; впослѣдствіи онъ, какъ извѣстно, пользовался содѣйствіемъ той и другой. Притомъ же Новгородцы вообще не любили этого жаднаго князя и впослѣдствіи они выразились, что если бы сынъ Святополка, котораго хотѣли тамъ посадить у нихъ, былъ бы даже о двухъ головахъ, то и тогда они не пожелали бы принять его. Въ 1093 г. Святополкъ, послѣ смерти Всеволода, перешелъ на Кіевское княженіе, оставивъ за собою Туровъ.—Спустя немного времени, именно въ 1095 г., Давидъ Святославичъ окончательно утвердился въ Смоленскѣ, гдѣ онъ прокняжилъ до Любечскаго съѣзда (1097 г. [69]). Послѣ этого съѣзда, на которомъ было рѣшено, чтобы каждый князь владѣлъ отцовскимъ удѣломъ, Давидъ Святославичъ съ братомъ Олегомъ заняли Черниговъ, Муромъ и Ростовъ, а Владимиръ утвердился снова въ Смоленскѣ [70]) и Переяславлѣ. Однако въ Смоленскѣ, спустя немного времени, мы видимъ сына Мономаха—Святослава. Объ этомъ князѣ мы знаемъ немного. Извѣстно, что въ молодости своей онъ былъ заложникомъ у одного изъ Половецкихъ хановъ и разъ ходилъ въ походъ на Половцевъ (1107 г.). На Смоленскомъ столѣ онъ былъ до вокняженія отца своего Владимира въ Кіевѣ (1113 г.), когда былъ переведенъ въ Переяславль, гдѣ и

---

[67]) Ипатская лѣтопись, стр. 144, 145.

[68]) Ипатская лѣтопись, стр. 145.

[69]) Ипатская лѣтопись, стр. 160, 161, 164; Новгородская лѣтопись I, стр. 118; Воскресенская лѣтопись, стр. 8; Никоновская лѣтопись, стр. 124, 125, 127.

[70]) Ипатская лѣтопись, стр. 181.

умеръ въ слѣдующемъ году (1114 г. [71]). Когда Владиміръ Всеволодовичъ утвердился на великокняжескомъ столѣ, произошла новая смѣна князей: въ Смоленскѣ началъ княжить сынъ его Вячеславъ [72]). Такой порядокъ вещей продолжался, кажется, до самой смерти (1125 г.) этого князя. По крайней мѣрѣ, мы узнаемъ, что только въ 1128 году, т. е. въ княженіе Мстислава Владиміровича, Вячеславъ уже княжилъ въ Туровѣ, а Ростиславъ Мстиславичъ — въ Смоленскѣ.

Послѣ княженія Святополка II Изяславича, значеніе Турова окончательно начинаетъ падаетъ. Причина этому быть можетъ та, что сношенія съ поляками и венграми ослабѣваютъ. Польша потеряла свое могущество, пріобрѣтенное при первыхъ короляхъ ея: она уже далеко не была сильнымъ государствомъ во времена Болеслава Кривоустаго (1122 — 1139); онъ ослабилъ ее совершенно, раздѣливъ на удѣлы. Мелкіе удѣльные князья, занятые своими домашними счетами, не могли предоставить для русскихъ князей надежныхъ союзниковъ. При томъ жизненный интересъ Руси съ Владиміра Мономаха до конца XII вѣка переносится къ Кіеву и на правый берегъ Днѣпра. Русь употребляла всѣ усилія въ борьбѣ съ кочевыми ордами Половцевъ. Между ними же князья находили вѣрныхъ союзниковъ и наемниковъ. Вслѣдствіе такого положенія вещей, Турово-Пинская область, хотя пріобрѣтаетъ при Вячеславѣ Владиміровичѣ полную независимость отъ Кіевскаго князя, но теряетъ свое значеніе и нисходитъ на степень мелкаго удѣла. При томъ она дробится на нѣсколько княжествъ. Уже въ 1128 г. мы знаемъ отдѣльнаго Клецкаго князя Вячеслава. Но несомнѣнно, что удѣловъ было гораздо больше: оставались еще потомки Изяслава Ярославича: Мстиславъ, Изяславъ, Брячиславъ и Юрій, которыхъ удѣлы, хотя неизвѣстны въ точности, но были гдѣ-то въ бассейнѣ Припяти, Такимъ образомъ мы видимъ, что до смерти Мономаха, Туровъ и все При-Припятье почти исключительно находились во власти старшей линіи Ярославичей—потомковъ Изяслава.

Всеславъ Брячиславичъ Полоцкій оставилъ послѣ себя шестерыхъ сыновей: Рогволода (Ипатская лѣтопись, стр. 211, 218), Да-

---

[71]) Ипатская лѣтопись, стр. 199.

[72]) Ипатская лѣтопись, стр. 198.

вида, Бориса (Новгородская лѣт., стр. 124, Ипатская лѣтопись, стр. 211), Ростислава (Ипатская лѣтопись, стр. 218), Глѣба и Романа (Ипатская лѣтопись, стр. 204). Своими завоеваніями Всеславъ значительно расширилъ свои владѣнія; но послѣ смерти его, сила и значеніе Полоцкаго княжества быстро падаютъ. Причина такого паденія—раздѣленіе княжества на удѣлы. Неизвѣстно, какому изъ сыновей Всеславовыхъ достался тотъ или другой удѣлъ, а также и какіе именно были удѣлы. Можно только замѣтить, что въ Полоцкѣ сѣлъ Давидъ [73]), въ Минскѣ — Глѣбъ [74]), въ Изяславлѣ — Брячиславъ [75]). Самыми важными удѣлами были Минскъ и Полоцкъ. О границахъ послѣдняго мы ничего не знаемъ; къ Минску же принадлежали города: Орша, Копысъ (нынѣ у. г. Могил. губ.) и Друцкъ (нынѣ село на рѣкѣ Друти Могил. губ. [76]). О другихъ удѣлахъ, а также и князьяхъ ихъ мы знаемъ весьма немного.

Главный удѣлъ Полоцкой земли—Полоцкъ, въ которомъ княжилъ Давидъ Всеславичъ, находился въ тѣсномъ союзѣ съ остальною Русью. Такъ, этотъ Полоцкій князь ходилъ вмѣстѣ со всѣми князьями въ 1103 году на Половцевъ [77]). Онъ не отказался отъ союза съ Кіевскими князьями и тогда, когда ему пришлось идти на роднаго брата въ Минскъ [78]).

Безпокойный Глѣбъ Минскій началъ дѣлать нападенія на сосѣднія области, на Дреговичей и на Смольнянъ, которые тогда находились подъ властью Святополка Кіевскаго. Послѣдній, чтобъ наказать неугомоннаго сосѣда, отправилъ въ 1104 году на Минскъ воеводу Путяту; къ кіевскому ополченію присоединились: смоленское подъ начальствомъ сына Владимира Мономаха Ярополка, Олегъ Святославичъ и братъ Глѣба, Давидъ. Но соединенное войско возвратилось изъ Минской области безъ успѣха [79]). Между тѣмъ Глѣбъ не унимался; онъ продолжалъ грабить сосѣднія земли, уводить въ плѣнъ жителей, жечь города и села.

---

73) Ипатская лѣтопись, стр. 183, 211, 218; Лаврентьевская лѣтопись, стр. 210.

74) Ипатская лѣтопись, стр. 185; Лаврентьевская лѣтопись, стр. 270 и др.

75) Ипатская лѣтопись, стр. 210.

76) Это очевидно изъ похода 1116 г.,—см. Ипатскую лѣтопись, стр. 203.

77) Ипатская лѣтопись, стр. 183.

77) Ипатская лѣтопись, стр. 185.

79) Ипатская лѣтопись, стр. 185.

Въ 1116 году Глѣбъ напалъ на землю Дреговичей, сильно опустошилъ ея сѣверныя окраины и сжегъ Слуцкъ. Владимиръ грозилъ ему, но онъ не обращалъ вниманія на угрозы и самъ укорялъ великаго князя. Тогда Мономахъ рѣшился покончить съ безпокойнымъ сосѣдомъ. Онъ самъ съ войскомъ отправился на Минскъ; взявъ съ собою своихъ сыновей, Давида Святославича и Ольговичей. Нападенія были сдѣланы съ разныхъ сторонъ. Князь Смоленскій Вячеславъ Владимировичъ взялъ Оршу и Копысь, города, сосѣдніе съ Смоленской волостью; Давидъ и Ярополкъ, сынъ Владимировъ, взяли и отдали на „щитъ", т. е. на разграбленіе Друцкъ. На главный городъ княжества Минскъ, гдѣ находился и виновникъ похода Глѣбъ, отправился Владимиръ самъ. Глѣбъ затворился въ городѣ. Не надѣясь взять скоро приступомъ городъ, Кіевскій князь твердо рѣшился принудить его къ сдачѣ голодомъ. Съ этой цѣлью онъ началъ строить себѣ избу въ лагерѣ. Глѣбъ увидѣлъ, что Владимиръ думаетъ во чтобы то не стало взять городъ, началъ съ нимъ переговоры о мирѣ. Владимиръ, какъ выражается лѣтописецъ, сжалился, что проливается кровь христіанская во дни великаго поста, и принялъ мирныя условія. Глѣбъ вышелъ изъ города съ дѣтьми и дружиною, поклонился великому князю, условился о мирѣ, обѣщаясь быть послушнымъ Мономаху. Сдѣлавъ свои распоряженія, прочитавъ наставленія Глѣбу, Владимиръ отдалъ ему обратно Минскъ, а самъ возвратился въ свою область [80]).

Однако, хотя не упоминается, въ чемъ состоялъ мирный договоръ между Кіевскимъ и Минскимъ князьями, но изъ послѣдующихъ извѣстій можно заключить, что Полоцкіе города Орша и Копысь съ этого времени навсегда остались принадлежащими Смоленской области [81]). Кромѣ того сильно пострадали Driчане: жители этого города были взяты въ плѣнъ Ярополкомъ и отведены въ Переяславскую волость, гдѣ имъ построенъ былъ городъ Желди.

Впрочемъ, Глѣбъ недолго соблюдалъ миръ. Около 1119 года Владимиръ снова пошелъ къ Минску, на этотъ разъ взялъ городъ, плѣнилъ Глѣба и привелъ его въ Кіевъ, гдѣ онъ и умеръ въ томъ

---

80) Ипатская лѣтопись, стр. 203.

81) Грамота Ростислава Мстиславича (Хр. Владимірскаго-Буданова, вып. I).

же году. Минское княжество осталось на нѣкоторое время во владѣніи Мономаха и его сыновей [82]).

Завладѣвъ Минскомъ Мономахъ, какъ кажется, отдалъ его внуку своему Изяславу [83]).

Послѣ смерти Мономаха, въ княженіе въ Кіевѣ сына его Мстислава, между Полоцкими князьями и остальною Русью возгорѣлась новая война. На этотъ разъ походъ былъ направленъ противъ всѣхъ князей Полоцкихъ и въ особенности противъ прежняго союзника и родственника Мономаховичей—Давида Всеславича Полоцкаго. Причины этого похода неизвѣстны, хотя изъ послѣдующихъ событій можно догадываться, что Давидъ Всеславичъ отказался отъ участія въ общерусскихъ дѣлахъ—въ походахъ на Половцевъ, и, вѣроятно, не призналъ великокняжеской власти Мстислава. Какъ бы то ни было, но въ 1127 году великій князь собралъ почти всю Русь въ походъ на Полоцкъ. Замѣчательно, что какъ этотъ, такъ и другіе походы на Полоцкъ отличаются тѣмъ, что на нихъ собираются почти всѣ князья, охотнѣе чѣмъ на Половцевъ. Къ сожалѣнію невозможно, по недостатку данныхъ, выяснить это замѣчательное явленіе.

Въ настоящій походъ князья отправились не всѣ вмѣстѣ, но по частямъ, на разные города Кривичской земли. Такъ, на Изяславль отправилось 4 князя: Вячеславъ изъ Турова, Андрей изъ Владиміра (Волынскаго), Всеволодко изъ Городно (нынѣ м. Городно Пинскаго уѣзда Минской губ.), Вячеславъ Ярославичъ изъ г. Клецка. Всеволодъ Ольговичъ, князь Черниговскій, съ братьями отправился по направленію на Стрѣжевъ къ гор. Борисову.

Сынъ великаго князя Изяславъ Курскій и воевода Иванъ Войтишичъ съ ополченіемъ Торковъ направились на Логожскъ (м. Логойскъ Минской губ.). Ростиславъ Смоленскій, другой сынъ Мстиславъ, направился на Друцкъ. Всѣмъ этимъ князьямъ дано было приказаніе напасть одновременно на назначенные пункты, именно 4-го августа. Но Изяславъ напалъ на Логожскъ днемъ раньше, взялъ

---

82) Ипатская лѣтопись, стр. 205.

83) Лѣтопись Даниловича, стр. 122.

городъ и полонилъ жителей. Тутъ онъ простоялъ два дня, взявъ случайно въ плѣнъ Брячеслава, Изяславскаго князя, и войска Логожанъ, которыхъ онъ велъ на помощь отцу. Этотъ князь, отправившись въ походъ къ отцу, сбился съ пути, перепугался и попалъ прямо въ руки Изяславу. Этотъ послѣдній, взявъ добычу, плѣнныхъ Логожанъ и Брячислава, отправился къ Вячеславу Владимировичу, который въ это время осаждалъ сильно сопротивлявшійся Изяславль. Жители этого города, видя, что князь ихъ Брячиславъ и Логожане находятся въ лагерѣ противниковъ и что имъ не причиняють никакихъ обидъ, рѣшились и сами сдаться. Но предварительно потребовали отъ Вячеслава клятвы, что городъ ихъ не будетъ отданъ на разграбленіе. Вячеславъ далъ, но не могъ сдержать. Вечеромъ, чтобы воины не замѣтили и не ворвались въ городъ, туда вошли только воевода Воротиславъ князя Андрея и тысяцкій Вячеслава Иванко съ небольшимъ числомъ отроковъ. Когда же на разсвѣтѣ войско увидѣло, что городъ сдался, оно насильно ворвалось туда и предалось разграбленію; воеводы едва могли спасти имущество жены Брячиславовой, дочери Мстислава. Въ то же время выступило противъ Полочанъ и Новгородское ополченіе, во главѣ съ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ; оно направилось къ Неклочу. Когда Полочане увидѣли, что имъ невозможно бороться съ цѣлою Русью, то рѣшили на вѣчѣ выгнать виновника несчастій Давида, а на его мѣсто посадить Рогволода. Съ такимъ рѣшеніемъ они отправились къ Мстиславу, который согласился съ рѣшеніемъ Полоцкаго вѣча, заключилъ миръ и отправился въ Кіевъ [84]). Но Полоцкіе князья не думали считать для себя обязательнымъ исполненіе мирнаго договора. Когда Мстиславъ прислалъ звать ихъ въ походъ на Половцевъ, они не только не повиновались, но отправили пословъ съ насмѣшкою. Мстиславъ хотѣлъ сейчасъ же наказать непокорныхъ, но его задержала война на югѣ. Окончивъ ее, онъ отправился на сѣверъ, плѣнилъ всѣхъ Полоцкихъ князей: Рогволодовичей Василія и Ивана (самого Рогволода уже, очевидно, не было въ живыхъ) и Всеславичей: Святослава, Давида и Ростислава. Одинъ изъ Всеславичей Борисъ умеръ до изгнанія въ 1129 году, а другой Романъ—въ 1114 году [85]).

---

84) Ипатская лѣтопись, стр. 210—211; Лаврентьевская лѣтопись, стр. 282—283.

85) Ипатская лѣтопись, стр. 211;—Воскресенская лѣтопись, стр. 23.

Всѣхъ ихъ онъ привелъ въ Кіевъ и отсюда отправилъ на 3-хъ ладьяхъ въ Грецію, гдѣ всѣ эти князья были хорошо приняты Императоромъ и поступили къ нему на службу [86]).

Полоцкъ получилъ во владѣніе Изяславъ Мстиславичъ. Впрочемъ, Полоцкіе Изяславичи вскорѣ появляются съ своихъ родныхъ вотчинныхъ земляхъ; именно въ 1132 году появляется въ Полоцкѣ Василько Святославичъ, внукъ Всеслава. Когда послѣ смерти Мстислава, Изяславъ изъ Полоцка перешелъ въ Переяславль, оставивъ вмѣсто себя Святополка, брата своего, Полочане воспользовались случаемъ для освобожденія себя отъ зависимости чуждой имъ княжеской линіи; они изгнали Святополка и посадили на столъ Василька Святославича [87]).

Этотъ князь, очевидно, успѣлъ уже вернуться изъ изгнанія или же, быть можетъ, вовсе не былъ отправленъ съ отцомъ въ изгнаніе, какъ малолѣтній. Въ 1140 г. вернулись и еще двое изъ князей (именъ не упоминается [88]) изъ Царьграда; возвратились ли или нѣтъ остальные князья, — неизвѣстно. Съ возвращеніемъ Полоцкихъ князей, земля ихъ въ полномъ составѣ (кромѣ Орши и Копыса) была освобождена отъ власти Кіевскихъ князей. Возстановленіе прежняго порядка въ Полоцкѣ совершилось съ согласія остальныхъ русскихъ князей; прибывшіе князья живутъ мирно и въ союзѣ съ остальными князьями и Мономаховичами, и Ольговичами Сѣверскими [89]).

Такимъ образомъ возстановился прежній порядокъ въ Полоцкой землѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ окончилась вѣковая борьба съ Кіевомъ за самостоятельность.

Представимъ еще одно соображеніе относительно этой упорной борьбы.

Послѣ смерти Мономаха, потомство его утверждается въ землѣ Туровской и Смоленской, стремясь подчинить и Полоцкія волости.

---

86) Ипатская лѣтопись, стр. 211, 217, 218.

87) См. Лаврентьевскую лѣтопись, стр. 286; Тверская лѣтопись, стр. 197; Никоновская лѣтопись, стр. 157.

88) Ипатская лѣтопись, стр. 247.

89) Всеволодъ взялъ за сына своего Святослава дочь Василька. Изяславъ отдалъ дочь свою за Бориса Рогволодовича. Ипатская лѣтопись, стр. 224.

Кромѣ того, Мономаховичи владѣли землями Владимиро-Волынскими, Переяславскими и Ростово-Суздальскими, стараясь не выпустить также изъ рукъ Великаго Новгорода. Первое поколѣніе Мономаховичей особенно дружно отстаивало земли на западной половинѣ Днѣпра, которыми былъ окруженъ Кіевъ, стараясь не выпустить изъ своихъ рукъ ни одного города. Но уже Мстиславъ, а можетъ быть и отецъ его Владимиръ, не могъ не понимать, что онъ только тогда можетъ прочно утвердиться на западѣ, тогда только можетъ разсчитывать на постоянное вліяніе на богатый Новгородъ, когда избавится отъ опаснаго врага на сѣверѣ — Полоцкихъ князей. Непрерывная борьба, примѣровъ жестокости которой нѣтъ въ нашей древней исторіи, борьба Мономаха съ Полоцкими князьями, не имѣетъ за собою другихъ основаній, какъ желанія соединить въ одну территорію Смоленскую и Ростово-Суздальскую земли съ Кіевомъ и Дреговичами и такимъ образомъ взять въ свои руки Новгородъ. Конечно, старая, едва ли не эпическая, причина борьбы Ярославичей съ Рогволодовичами здѣсь не могла имѣть мѣста. Владиміръ Мономахъ, мстя за всякое нападеніе на Смоленскія земли, ревностно отстаиваетъ и Туровскія. Онъ не успѣлъ или не рѣшился отнять удѣлы у Рогволодовичей; онъ успѣлъ по крайней мѣрѣ оттѣснить ихъ отъ Днѣпра занятіемъ Орши и Копыса. Отнявъ эти города онъ успѣлъ значительно оттѣснить Полочанъ отъ великаго воднаго пути, подорвать ихъ торговлю, а обезпечить и усилить такимъ образомъ торговлю своей области. Сынъ его Мстиславъ оказался рѣшительнѣе отца. Предлогъ для борьбы, который выдвигаетъ лѣтопись, желая замаскировать чисто личныя стремленія дѣятельнаго представителя Мономахова рода, причина борьбы вслѣдствіе которой „Рогволожи внуци взимаютъ мечь", имѣетъ болѣе глубокое основаніе. Мстиславъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ хотѣлъ сдѣлать то, чего немогъ достигнуть его отецъ долгою борьбою. Онъ изгоняетъ Полоцкихъ князей и сажаетъ на мѣсто ихъ наиболѣе дѣятельнаго изъ своихъ сыновей, наиболѣе способнаго поддержать стремленія своего отца—Изяслава. Еще не успѣлъ онъ утвердиться въ Полоцкихъ волостяхъ, какъ Кіевскій князь предпринимаетъ большой походъ на Литву. Что это была за Литва,—изъ обстоятельствъ похода не видно, не видно также и причины похода. Но послѣдняя ясна будетъ, если вспомнить, что Полоцкіе князья находились съ Литовскими на-

родцами въ постоянныхъ сношеніяхъ, что эти народцы, по крайней мѣрѣ сосѣдніе, находились въ подчиненномъ положеніи къ Полоцкимъ князьямъ, что среди нихъ жили Кривичи колонисты. Это смѣшанное русско-литовское населеніе, очевидно, не желало покориться новому князю, и пользуясь наступившимъ замѣшательствомъ, стремилось обособиться. Не безъ вѣроятности можно также предположить, что сюда, на окраинныя земли, сбѣжалась часть Полочанъ, недовольныхъ новыми порядками, приверженцы Рогволодовичей и независимости и, вѣроятно, съ своими князьями, изъ которыхъ не всѣ были изгнаны и которыхъ народный голосъ выдвинулъ снова при первомъ удобномъ случаѣ. Попытка удержать за собою Полоцкую область Мономаховичамъ не удалась и не удалась потому, что этому помѣшали и внутреннія причины — само населеніе и внѣшнія обстоятельства. Послѣ смерти Мстислава начались частыя перемѣщенія Мономаховичей со стола на столъ, неурядица при неудачномъ правленіи Ярополка. Но впослѣдствіи мы увидимъ, что таже борьба Мономаховичей съ Полоцкомъ продолжалась только на другихъ основаніяхъ и что Мономахъ въ своемъ внукѣ Ростиславѣ нашелъ надежнаго переемника.

Мы разсмотрѣли начальную эпоху исторіи Смоленскаго, Туровскаго и Полоцкаго княжествъ. Въ ней замѣтны два различныя теченія: стремленіе первыхъ Кіевскихъ князей сцентрализировать русскія земли въ своей власти, и затѣмъ, когда Русь достаточно сплотилась, — движеніе обратное первому, децентрализаціонное. Подробностей изъ эпохи сложенія русскихъ земель подъ властью Кіевскаго князя мы почти не знаемъ; однако, насколько можно судить по отрывочнымъ извѣстіямъ, это соединеніе не всегда происходило мирнымъ путемъ, на что указываетъ борьба Владимира св. съ Полоцкомъ, съ Радимичами и пр., хотя большинство племенъ, неуспѣвшія создать у себя прочнаго государственнаго устройства, подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, подчинились добровольно. Затѣмъ начинается теченіе обратное въ исторіи Руси—стремленіе отдѣльныхъ этнографическихъ группъ къ децентрализаціи, къ установ-

ленію у себя самостоятельнаго государственнаго устройства. Туровское княжество не успѣло обособиться до довольно поздняго времени; Смоленская земля выдѣлялась постепенно, безъ борьбы съ Кіевомъ; со времени княженія Ростислава Мстиславича, она дѣлается вполнѣ самостоятельной землей съ отдѣльной своей линіей Ростиславичей. Напротивъ, Полоцкая земля выдержала вѣковую борьбу съ Кіевомъ изъ-за самостоятельности.

II.

Въ началѣ княженія Мстислава Владимировича въ Кіевѣ, мы видимъ на Туровскомъ столѣ младшаго его брата Вячеслава, а на Смоленскомъ—сына Ростислава.

Неизвѣстно, когда родился князь Туровскій; изъ предшествующей жизни его мы знаемъ, что онъ уже въ 1096 г. ходилъ на помощь брату своему Мстиславу противъ изгоя Олега [1]); затѣмъ въ 1107 г. онъ принимаетъ участіе въ походѣ всѣхъ князей на Половцевъ [2]), а немного позже мы встрѣчаемъ его уже на Смоленскомъ столѣ (съ 1113 г. [3]). Черезъ три года послѣ этого онъ по приказанію отца своего Мономаха совершилъ походъ на Дунай съ воеводою Ѳомою Ратиборичемъ [4]). Причина похода—желаніе Мономаха поддержать притязанія на Византійскій престолъ брата царевича Леона, Василія, внука Мономаха. Война была неудачна и Вячеславъ, отступивъ отъ Доростоля, возвратился обратно [5]). Вотъ все, что мы знаемъ о Вячеславѣ до занятія имъ Туровскаго стола; когда занялъ онъ этотъ послѣдній столъ, лѣтописи умалчиваютъ, но во время похода Мстислава на Полоцкую область въ 1128 г., Вячеславъ былъ уже Туровскимъ княземъ [6]). Переходъ его на Туровское

---

1) Ип., 166—7.
2) Ип., 186.
3) Ип., 198.
4) Ип., 204.
5) Карамзинъ, II, 91.
6) Ип., 210.

княженіе изъ Смоленска едва ли не слѣдуетъ отнести ко времени занятія Мстиславомъ Кіевскаго стола и послѣдовавшей при этомъ перемѣнѣ столовъ, т. е. къ 1125 г. Къ этому же году, вѣроятно, относится и занятіе Смоленскаго стола Ростиславомъ Мстиславичемъ, такъ какъ и этого послѣдняго мы встрѣчаемъ съ Смоленскимъ полкомъ въ упомянутомъ походѣ на Полоцкъ.

Нужно замѣтить, что Туровская земля въ это время состояла изъ двухъ удѣловъ — собственно Туровскаго и Клечскаго, гдѣ княжилъ Вячеславъ Ярославичъ, внукъ Святополка [7]). Долго ли существовалъ этотъ удѣлъ—неизвѣстно, ибо объ этомъ князѣ лѣтописи больше не упоминаютъ.

Съ началомъ княженія Ярополка Владимировича въ Кіевѣ (1133 года) происходитъ новая смѣна столовъ. По установившемуся порядку, Переяславское княженіе занималъ ближайшій преемникъ великаго князя. А такимъ преемникомъ бездѣтный Ярополкъ хотѣлъ, очевидно, сдѣлать племянника своего Изяслава Мстиславича, вывелъ его изъ Полоцка и посадилъ въ Переяславлѣ [8]). Но такое предпочтеніе племянника дядьямъ (Вячеславу, Андрею и Юрію) вызвало среди князей недовольство и Ярополкъ долженъ былъ „съ нуждею" вывести племянника изъ Переяславля и отдать его старѣйшему послѣ себя—Вячеславу. Въ удовлетвореніе же Изяслава, потерявшаго во время этихъ переходовъ Полоцкія владѣнія, кромѣ Минска, великій князь отдалъ ему Туровъ и Пинскъ, сверхъ Минска, „и множество даровъ: жемчюгъ, злато, сребро, ризы, кони, доспѣхъ, и чествовавъ его много" [9]).

Но Вячеславу не сидѣлось въ Переяславлѣ. Тамъ требовался князь не съ такимъ характеромъ какъ онъ; борьба съ Половцами, съ Черниговскими князьями требовала постоянной дѣятельности, которой Вячеславъ всегда предпочиталъ тихую жизнь. Вотъ почему онъ „началъ лишаться" Переяславля, ходилъ зачѣмъ то въ Рязань, оттуда снова вернулся въ Переяславль, и наконецъ, изгнавъ Изяслава изъ Турова, снова сѣлъ тамъ [10]).

---

7) ibidem: „Вячеслава Ярославича пс Клечска" послалъ Мстиславъ.
8) Воскресенская лѣт., p. 29, Никоновск., p. 157, Ипат., 212.
9) Ник., p. 157—8.
10) ibid., p. 158, Ипат., 213.

Недолголѣтнее княженіе Ярополка (1133—1139 г.) было временемъ постоянной борьбы изъ-за удѣловъ, такъ какъ этотъ князь своимъ предпочтеніемъ племянниковъ дядьямъ, своимъ неумѣніемъ соблюсти интересы своей семьи, возбуждалъ постоянныя неудовольствія и пререканія. Какъ только умеръ Ярополкъ, Вячеславъ тотчасъ сдѣлалъ попытку, какъ старшій послѣ него, сѣсть на Кіевскій столъ. Но это ему, какъ извѣстно, неудалось: явившійся двадцать дней спустя Всеволодъ Ольговичъ заставилъ его снова уйти въ свой Туровъ [11]), онъ „створися мний“, по лѣтописному выраженію.

Всеволодъ Ольговичъ, утвердившись на Кіевскомъ столѣ, цѣлью своей политики, поставилъ девизъ divide et impera. Онъ старался, приближая къ себѣ однихъ изъ Мономашичей, разъединить планы этой линіи, и въ то же время не дать возможности Ольговичамъ и Давидовичамъ соединиться съ Мономаховичами. Только такой политикой онъ успѣлъ удержаться въ Кіевѣ. Вначалѣ онъ хотѣлъ однимъ взмахомъ ослабить Мономаховичей, искаше подъ Ростиславомъ Смоленска, а подъ Изяславомъ Владимира“ [12]), но не успѣлъ еще Всеволодъ направить свой ударъ на Смоленскъ, какъ принужденъ былъ помириться съ Мономашичами, „сѣдумавъ, яже ему безъ нихъ нѣлзѣ быти“.

Желая покрѣпче утвердиться въ Кіевѣ, Всеволодъ понималъ необходимость владѣть сосѣдними землями, а наиболѣе удобной для завладѣнія изъ нихъ была Туровская. Онъ велѣлъ сказать Вячеславу: „сѣдѣши во Кіевской волости, а мнѣ достоить; а ты пойди въ Переяславль, отчину свою“. Вячеславъ уступилъ Туровъ безъ борьбы, хотя великій князь поддерживалъ свое требованіе войсками, „посла на Вячеслава“ [13]). Въ Туровѣ былъ тотчасъ же посаженъ сынъ его Святославъ. Такимъ образомъ, Всеволодъ Ольговичъ, стремясь окружиться ближайшими землями, упускалъ отдаленный и менѣе важный для него Переяславль; но мало того, посылая туда Мономашича, онъ прекрасно понималъ, что Ольговичи и Давидовичи не будутъ довольны такимъ распредѣленіемъ. Такъ и случилось послѣдніе рѣшили „намъ самимъ о себѣ поискати“, напали на Вячеслава въ

---

11) Ип., р. 217.
12) Ип , 218
13) Ип., 222.

Переяславлѣ; однако соединенныя силы Всеволода, Изяслава и Ростислава Мстиславичей, напавшія съ разныхъ сторонъ на Сѣверскія волости, заставили согласиться на миръ родичей великаго князя. Ростиславъ во время этой борьбы быстро двинулся съ Смоленскимъ полкомъ, напалъ по дорогѣ, при первомъ извѣстіи о нападеніи Ольговичей на Вячеслава, на Радимичскую волость, пожегъ ее всю съ городомъ Гомьи (Гомель). Союзники заставили смириться Сѣверскихъ князей; но обладаніе Дреговичской землей дало возможность Всеволоду разъединить интересы противниковъ, удовлетворить ихъ требованія и въ то-же время недать возможности имъ усилиться территоріально: Всеволодъ племянникамъ своимъ Давидовичамъ далъ Берестій, Дорогичинъ, Вщижъ и Ормину (послѣдніе два въ сѣверной Волыни), брату Игорю Городечь, Гюрговъ и Рогачевъ, а Святославу—Клеческъ и Черторыескъ [14]).

Но въ томъ же 1142 году снова Вячеславъ, съ согласія Всеволода, передалъ свой Переяславскій столъ Изяславу, а самъ ушелъ въ Туровъ [15]). Къ сожалѣнію, лѣтопись ни однимъ намекомъ не указываетъ на причины этихъ постоянныхъ переходовъ Вячеслава въ Туровъ. Причины эти могли быть чисто субъективныя, могли проистекать изъ характера самого князя, мало расположеннаго къ бурной жизни, каковою необходимо была жизнь въ Переяславлѣ, личныя симпатія, желаніе жить мирно могли влечь его въ Туровъ. Но едва ли не слѣдуетъ видѣть здѣсь и отраженіе общаго характера отношеній князя къ своей волости въ половинѣ XII в. Въ это время князья начинаютъ „осѣдать" въ своихъ волостяхъ: Юрій основывается окончательно въ Ростово-Суздальскихъ земляхъ и долго не вступаетъ въ споръ о великомъ княженіи, Ростиславъ въ Смоленскѣ, Андрей Владимировичъ въ Переяславлѣ, Ольговичи и Давидовичи при всѣхъ перемѣнахъ не выпускаютъ своихъ отчинъ и пр.; понятіе объ отчинахъ все крѣпче и крѣпче утверждается среди князей. Ясно, что эта послѣдняя причина заставляла Вячеслава возвращаться въ Туровъ; онъ тамъ осѣлъ, свыкся съ волостью, можетъ быть, занялся расширеніемъ ея торговли и благосостоянія, чѣмъ занимался Юрій въ своихъ областяхъ, также долго не вмѣшивавшійся въ дѣла южной Руси.

---

14) Ип., 223.
15) ibidem.

Миролюбивыя отношенія между Мономаховичами и Ольговичами не были искренны и держались только потому, что обѣимъ сторонамъ было въ данное время выгодно ихъ поддерживать. Изяславъ Мстиславичъ прекрасно понималъ, что при первомъ удобномъ случаѣ Всеволодъ способенъ разорвать съ нимъ миръ. Вотъ почему, хотя всѣ Мономаховичи и держались союза съ великимъ княземъ, хотя мы и видимъ ихъ въ походахъ съ нимъ на Володимирка Галицкаго въ 1144 г. и въ 1146 г. [16]), однако еще въ предыдущемъ году Изяславъ счелъ нужнымъ отправиться къ Юрію въ Суздаль для заключенія союза противъ Всеволода; но послѣдній не удался; тогда онъ побывалъ у брата своего Ростислава въ Смоленскѣ и у Святополка въ Новгородѣ — съ тою же цѣлью. Одновременно съ этимъ онъ ищетъ союза съ Полоцкими князьями, выдаетъ дочь свою за Рогволода Борисовича [17]).

Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи, между миромъ и войною, находились дѣла Мстиславичей, какъ вдругъ скончался Всеволодъ, оставивъ Кіевскій столъ брату своему Игорю. Изяславъ былъ готовъ къ войнѣ, быстро двинулся на послѣдняго и занялъ Кіевъ послѣ упорной борьбы. Приготовляя союзъ на случай разрыва съ Всеволодомъ, онъ успѣлъ прочно заключить его только съ братомъ Ростиславомъ. Съ Юріемъ союзъ не удался, а къ Вячеславу этотъ князь, повидимому, и не обращался съ союзными предложеніями. Это послѣднее обстоятельство повело къ немедленному разрыву между дядей и племянникомъ. При новой перемѣнѣ столовъ. Изяславъ спѣшилъ, кромѣ того, поладить съ Давидовичами, онъ приближаетъ къ себѣ Всеволодова сына Святослава, и совершенно игнорируетъ дядю Вячеслава. Все это заставило послѣдняго начать непріязненныя дѣйствія противъ племянника. Лѣтопись прямо указываетъ, что онъ не только надѣялся на свое старшинство, но выступилъ по настоянію бояръ, представителей управляемой имъ земли. Онъ быстро занялъ прежде всего тѣ города своей области, которые отняты были у него Всеволодомъ, слѣдовательно, Рогачевъ, Берестій, Клеческъ и др. и, пользуясь обстоятельствами, пошелъ дальше, занялъ Владимиръ-Волынскій, посадивъ тамъ своего племянника, сына

---

16) Ип., 225, 228.
17) Ип., 224.

Андрея Переяславльскаго. Такой способъ дѣйствій вызвалъ рѣшительный отпоръ со стороны Изяслава. Союзники его, Ростиславъ Смоленскій и Святославъ Всеволодичъ, отправились на Туровскую волость и заняли самый городъ, въ которомъ великій князь посадилъ сына своего Ярослава. Что боярство было главнымъ виновникомъ описанной борьбы, ясно изъ того, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ, вѣроятно опаснѣйшихъ, великій князь излилъ свой гнѣвъ, выведши изъ Турова епископа Акима и посадника Жирослава Яванковича [18]).

Во время послѣдовавшей борьбы Изяслава съ Святославомъ Ольговичемъ, затѣмъ съ Юріемъ и съ Давидовичами, важнѣйшимъ союзникомъ Кіевскаго князя является Смоленскій князь Ростиславъ.

Причины этого тѣснаго союза легко видѣть въ томъ, что они были родные братья, слѣдовательно, интересы ихъ были близко связаны. Кромѣ того, само географическое положеніе Смоленской и Кіевской волостей, какъ въ военномъ, такъ и въ торговомъ отношеніи поддерживало необходимость тѣснаго военнаго союза двухъ братьевъ. Кіевъ былъ главнымъ пунктомъ торговли всей южной Русси, а также сюда стекались товары изъ Греціи и греческихъ колоній на берегу Чернаго моря. Отсюда товары распространялись по всей Руси и въ особенности много шло въ богатый и торговый Новгородъ, который въ свою очередь снабжалъ южными товарами сѣверную Русь, сосѣднюю съ Ногородомъ, Волжскихъ Хазаръ и въ особенности велъ оживленную торговлю съ нѣмецкими городами. Смоленскъ лежалъ на пути этихъ двухъ артерій древней Русси. Онъ и самъ принималъ дѣятельное участіе въ торговлѣ, въ особенности сѣверными произведеніями. Поэтому интересы Смоленска неразрывно были соединены съ интересами Кіева и Новгорода. Мирныя отношенія съ сѣвернымъ и южнымъ пунктами торговой дѣятельности тогдашняго русскаго міра, естественно, должны были отражаться и на Смоленскѣ съ благопріятной стороны. Поэтому мы видимъ, что Смоленскіе князья всегда держатся тѣснаго союза съ Новгородомъ и Кіевомъ, дорожатъ этимъ союзомъ, очевидно; поддерживать мирныя отношенія съ далекою и бѣдною Суздальскою волостью, расположенною совершенно въ сторонѣ отъ главной въ то время торговой дороги—Днѣпра, не было въ интересахъ Смоленскаго князя,

[18]) Ип., 234—5.

въ особенности, когда сохраненіе такихъ мирныхъ отношеній могло послужить поводомъ къ разрыву съ Кіевомъ и тѣсно съ нимъ соединеннымъ Новгородомъ.

Кромѣ того, положеніе Смоленска въ военномъ отношеніи требовало мирныхъ отношеній его къ Кіеву. На югѣ Смоленской земли, въ особенности при Днѣпрѣ сосредоточивались главнѣйшіе по торговлѣ пункты, эта же сторона была болѣе плотно населена, и, слѣдовательно, въ случаѣ военныхъ дѣйствій съ этой стороны, Смоленская область платилась лучшею и важнѣйшею частью своихъ владѣній. Между тѣмъ на восточныхъ границахъ, сосѣднихъ съ владѣніями Юрія Суздальскаго и его союзниковъ, именно по рѣкамъ Протвѣ и Угрѣ, эта область Кривичей была мало населена и притомъ бѣдна, вслѣдствіе отсутствія торговыхъ пунктовъ.

Итакъ мы видимъ, что три, главнымъ образомъ, обстоятельства удерживали Ростислава въ союзѣ съ братомъ своимъ Изяславомъ: родственная связь, торговое и военное положеніе Смоленскихъ Кривичей; кромѣ того сюда нужно добавить еще и характеръ правленія князя Ростислава, о чемъ будетъ рѣчь впереди.

Во время послѣдующей борьбы князей изъ-за Кіевскаго стола, Смоленское княжество находилось въ найболѣе выгодныхъ условіяхъ, сравнительно въ другими русскими областями; оно вовсе не подвергалось нашествіямъ и разореніямъ, что испытали всѣ другія русскія земли. Два раза только восточныя, т. е. наиболѣе бѣдныя его окраины, подверглись нападенію. Именно, при самомъ началѣ борьбы, по приказанію Юрія, Святославъ Ольговичъ опустошилъ верховья Протвы, гдѣ жилъ небольшой народецъ Голядь [19]); эта Голядь вся была уведена въ плѣнъ войскомъ Святослава (1147 г.) Въ другой разъ, въ томъ же году, потерпѣли отъ нашествія степняковъ Половцевъ и Таксобичей, подъ начальствомъ воеводъ Судемира Кучебича и Горѣна, верховья рѣки Угры [20]). Больше нападеній на землю Смольнянъ небыло.

---

[19]) Ип., 240. По созвучію съ прусскими Голиндами, Смоленскую Голядь на Протвѣ считаютъ обыкновенно родственною этому литовскому племени. Но какимъ образомъ могли попасть туда Литовцы, никто доказать не можетъ, потому что источники не даютъ никакихъ указаній, см. напр. Соловьева, Ист. Гос. Рос. т. I, p. 77. Барсова, Оч. р. ист. г., p. 43 и др. Строить на одномъ созвучіи такое заключеніе, намъ кажется, слишкомъ смѣлымъ; вѣроятнѣе всего, что Голядью называлась мѣстность чисто Кривичская.

[20]) ibid., 242.

Такимъ образомъ Смоленская земля почти ничего не потерпѣла отъ Черниговскихъ князей. Но Ростиславъ, какъ самъ, такъ и въ союзѣ съ Изяславомъ много разъ проходилъ съ войскомъ по Черниговкой землѣ, опустшая и грабя, разоряя совершенно сѣверные города ея. Такъ, онъ въ томъ же году уже успѣлъ предать огню сосѣдній Черниговскій городъ Любечъ (нынѣ мѣстечко Черниговской губерніи Городницкаго уѣзда), богатый и важный городъ. При этомъ онъ, по его собственному выраженію, много воевалъ, т. е. сильно опустошилъ сосѣднія земли, много зла сотворилъ Ольговичамъ. Послѣ разоренія Любеча, онъ послалъ къ брату Изяславу, опустошавшему окрестности самого Чернигова, съ извѣстіемъ о своихъ успѣхахъ и съ просьбою обождать его, чтобы оба могли соединиться и подумать о дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ дѣйствій [21]). По совѣту Ростислава, оба соединенныя войска отправились въ южныя предѣлы Черниговскяго княжества съ цѣлью принудить къ битвѣ Ольговичей. Но послѣднее имъ неудалось. Между тѣмъ оня успѣли раззорить нѣсколько городовъ: Всеволожъ, Бѣлувѣжу, Уненежъ, Бохмачъ и взять въ плѣнъ ихъ жителей. По случаю наступавшей весны князья принуждены были прекратить военныя дѣйствія и отправиться въ Кіевъ. Отсюда по совѣту Изяслава, Ростиславъ отправился къ себѣ въ Смоленскъ, чтобы тамъ, въ союзѣ съ Новгородцами, встрѣтить Юрія, если бы онъ вздумалъ напасть [22]). Однако нападенія не произошло: Юрій прошелъ мимо Смоленской земли.

Мы не будемъ слѣдить за ходомъ борьбы Изяслава съ Юріемъ изъ-за Кіева, въ которой участвовали наши князья Ростиславъ и Вячеславъ. Въ этой борьбѣ принимала участіе вся Русь, и по этому изслѣдованіе этого времени есть предметъ общерусской исторіи. Мы уже видѣли причины, по которымъ Ростиславъ оказался вѣрнымъ союзникомъ Изяслава. Смоленская земля не была всецѣло заинтересована въ этой борьбѣ и поэтому не понесла почти никакого ущерба. Мы обратимъ теперь только вниманіе на личныя отношенія двухъ братьевъ—союзниковъ въ первый періодъ этой борьбы, т. е. до перваго изгнанія Изяслава изъ Кіева.

---

[21]) Ип., 251.
[22]) Ип., 253.

Ростиславъ былъ самый видный и самый сильный союзникъ Изяслава; кромѣ того они были братья, владѣтели земель, которыхъ экономическое положеніе крѣпко связывало; этими обстоятельствами обусловливается то, что они крѣпко держались другъ друга во все продолженіе борьбы и при-томъ держались какъ равные союзники. Вопреки тогдашнему обыкновенію, когда великій князь имѣлъ нѣкоторое вліяніе на удѣльнаго, когда первый не посылалъ за совѣтомъ къ послѣднему, мы видимъ въ отношеніяхъ Ростислава и Изяслава полное равенство и уваженіе другъ друга. Въ военныхъ дѣйствіяхъ князья совѣтуются другъ съ другомъ; „увидимъ, что дастъ намъ Богъ", говорятъ они, и собираются для общаго совѣта. Во всемъ они дѣйствуютъ, какъ равные: „идоста", „слышавша", „посласта"—говоритъ про нихъ лѣтопись [23]).

Изяславъ спрашиваетъ каждый разъ мнѣнія у Ростислава, прежде чѣмъ начать тѣ или другія дѣйствія. Изяславъ „нача думати съ братомъ своимъ" [24]). Такъ, когда Сѣверскіе князья прислали къ Изяславу просить мира, онъ отвѣчалъ имъ: „я пошлю къ брату Ростиславу и съ нимъ вмѣстѣ рѣшу и тогда пошлю къ вамъ своихъ пословъ". Ростиславъ посовѣтовалъ брату мириться и тотъ принялъ совѣтъ [25]). Братья извѣщаютъ другъ друга о всѣхъ своихъ удачахъ. Характеръ сношеній самый задушевный: извѣщая объ успѣхахъ своихъ подъ Черниговомъ, Изяславъ спрашиваетъ о здоровьи брата: „и тебе, брате, прашаю, въ здоровьи ли еси и што ти тамо Богъ помогаетъ" [26]). Посолъ Ростислава начинаетъ рѣчь къ Изяславу: „брате! кланяю ти ся, ты еси мене старѣй, а како ты угадаеши, а язъ въ томъ готовъ есть" [27]). Особенно характерна встрѣча братьевъ въ Смоленскѣ. Изяславъ и Ростиславъ „похвалиста Бога видѣвшеся брата въ здоровьи и пребыста у велицѣй любви и въ весельи съ мужи своими и съ Смолняны". Братья дарили другъ друга — Изяславъ произведеніями Русской земли (Кіевской) и царскихъ земель, Ростиславъ—отъ Верхнихъ земель и отъ Варягъ [28]).

[23]) Ип., 252.
[24]) Ип., 267.
[25]) Ип., 256.
[26]) Ип., 255.
[27]) Ип., 256.
[28]) Ип., 259.

Такое положеніе князя Смоленскаго весьма важно: оно указываетъ и признаетъ полную самостоятельность земли его и ея силу. Своимъ отношеніемъ къ Ростиславу, какъ кровному союзнику, Изяславъ, и съ нимъ вмѣстѣ и другіе князья утвердили въ глазахъ всего русскаго тогдашняго міра полную независимость Смоленской земли.

Какъ извѣстно, первый періодъ борьбы Мономаховичей за Кіевъ кончился тѣмъ, что Юрій водворился въ Кіевѣ, а Изяславъ былъ изгнанъ и ушелъ на Волынь, во Владиміръ, Ростиславъ ушелъ въ Смоленскъ.

Не таковы были отношенія между Изяславомъ и дядей его Вячеславомъ. Во весь этотъ первый періодъ борьбы Мономаховичей лѣтопись о немъ упоминаетъ не болѣе трехъ разъ, да и то только какъ бы случайно, указывая, что и полкъ т. е. войско Вячеславово было въ числѣ войскъ Изяславовыхъ [29]). Очевидно, что обиженный племянникомъ дядя, хотя и примирился поневолѣ, уступая силѣ и уму его, но не принималъ дѣятельнаго участія въ войнѣ. Князья о немъ какъ бы забыли, игнорировали его существованіе и его старшинство въ роду; молодые князья дѣйствуютъ не спрашивая его совѣта, даже безъ его личнаго участія: приходитъ къ Изяславу только полкъ его. Изъ такихъ отношеній между дядей и племянниками можно заключить, что они были не въ ладахъ между собою; вѣроятно, какъ Вячеславъ и высказываетъ впослѣдствіи, Туровскій князь не могъ простить болѣе сильному и ловкому племяннику своего позора—удаленія съ Кіевскаго стола; онъ молчалъ только потому, что слабость его страны, нежеланіе истощать въ войнахъ ея послѣднихъ средствъ, а также и отсутствіе самодѣятельности и энергіи въ самомъ князѣ, не позволяли ему вступить въ борьбу. Съ другой стороны и племянники, имѣвшіе, можетъ быть, и еще какія нибудь поводы къ неудовольствію на дядю, не обращали вниманія на послѣдняго, болѣе надѣясь на свои силы, любовь къ нимъ народа и собственный умъ, чѣмъ на авторитетъ малосильнаго старика дяди.

Естественно, что Вячеславъ не былъ вѣрнымъ союзникомъ племянниковъ Изяслава и Ростислава; онъ ждалъ только случая разойтись съ ними. Этотъ случай скоро и представился, когда Юрій,

---

[29]) Ип., 251, 254.

изгнавъ Изяслава, завладѣлъ Кіевскимъ великокняжескимъ столомъ. Вячеславъ и Юрій тотчасъ же вступили въ союзъ. Юрій былъ младшій братъ Вячеслава, но все же для послѣдняго было менѣе обидно находиться въ нѣкоторой зависимости отъ брата, чѣмъ отъ племянника, относившагося къ нему при томъ свысока. Братья скоро поладили, и Юрій, какъ увидимъ, относился съ большимъ уваженіемъ къ своему старшему брату, совѣтывался съ нимъ и проч. Однимъ словомъ, два сына Мономахова составили между собою такой же союзъ, какъ и ихъ племянники Мстиславичи.

Едва только Юрій успѣлъ утвердиться въ Кіевѣ (1149 г.), заключилъ мирные договоры съ Черниговскими князьями, при чемъ одному изъ нихъ Святославу Ольговичу онъ далъ Слуцкъ, Клецкъ и восточную часть Дреговичей [30]), какъ Изяславъ собралъ войска и, въ союзѣ съ королями польскимъ и венгерскимъ, двинулся на Кіевъ. Отъ этого похода прежде всего должно было пострадать Туровское княжество, такъ какъ Изяславъ двинулся изъ сосѣдней Волынской земли. Поэтому Вячеславъ, узнавъ о приготовленіяхъ врага, послалъ сказать Юрію: „или ты отдай Изяславу, что онъ хочетъ, или иди сюда съ полками защищать мою землю. Изяславъ говоритъ мнѣ: будь ты мнѣ вмѣсто отца, иди княжить въ Кіевъ, а съ Юріемъ я не могу ужиться; если ты не хочешь принять меня въ любовь (т. е. войти со мной въ союзъ) и не пойдешь въ Кіевъ княжить, я пожгу твою волость. Теперь, братъ, пріѣзжай, увидимъ, что намъ Богъ дастъ, добро или зло; если же, братъ, ты не пріѣдешь, то не жалуйся на меня (т. е. я могу отступить отъ союза съ тобою), но чтобы моя область не была пожжена“. [31])

Юрій, собравши огромное войско, немедленно выступилъ на помощь къ брату; оба союзника сошлись въ Пересопницѣ (нынѣ мѣстечкѣ на р. Стублѣ въ Волынской губ.). Хотя война собиралась быть грозною, но обстоятельства вскорѣ заставили одну и другую сторону войти въ мирныя отношенія. Именно, иностранные союзники Изяслава, частью изъ страха предъ силою Юрія, частью по своимъ домашнимъ обстоятельствамъ, рѣшились помирить спорящихъ князей. Они послали къ Юрію и Вячеславу, прося ихъ помириться съ

---

[30]) Ип., 268.
[31]) Ип., 269.

племянникомъ. Дядья отвѣтили, что если они хотятъ мира, то пусть уйдутъ съ своими войсками, а они сами войдутъ въ соглашеніе съ Изяславомъ, Поляки и Венры ушли. Однако князья не могли сойтись въ вопросѣ о новгородскихъ даняхъ, слѣдуемыхъ Изяславу; война возобновилась съ новою силою. Дѣло дошло бы до сраженія у города Луцка, если бы не вмѣшался въ дѣло Владимиръ Галицкій. Онъ началъ склонять дядей къ миру и прощенію племянника. Послѣ долгихъ переговоровъ, хотя сыновья и Ольговичи не совѣтовали Юрію мириться, Владимиру удалось прежде всего склонить къ миру Вячеслава; онъ склонился къ миру и любви, потому что, по выраженію лѣтописца, онъ былъ „незлобивъ сердцемъ, хваля преславнаго Бога и помня писаніе“. Онъ началъ уговаривать брата: „братъ, мирись; если ты хочешь не уладившись пойти, то тебѣ ничего, *а мою волость Изяславъ пожжетъ*“. [32])

Миръ былъ заключенъ. Придя въ Кіевъ, Юрій хотѣлъ было передать великокняжескій столъ Вячеславу, но бояре воспротивились такому желанію князя, они говорили: „брату твоему не удержать Кіева, не будетъ его ни тебѣ, ни брату твоему“. Партія Вячеслава была, очевидно, еще слишкомъ слаба. Вслѣдствіи всего этого Юрій остался самъ въ Кіевѣ, а Вячеслава. послалъ въ Вышгородъ [33]).

Юрій не по одному братолюбію предлагалъ Вячеславу великокняжескій столъ; къ тому его болѣе или менѣе склоняли обстоятельства. Вячеславъ былъ старшій въ княжескомъ родѣ, притомъ это былъ князь миролюбивый, заботящійся объ интересахъ своей земли; всѣ эти его качества должны были составить ему на Руси партію между князьями и народомъ. Эта партія, очевидно, была слаба, но все таки заявляла себя при всякомъ удобномъ случаѣ. Одна лѣтопись прямо свидѣтельствуетъ, что сыновья и бояре Юрьевы не позволили ему посадить въ Кіевѣ старшаго брата. Когда послѣдній сѣлъ въ Вышгородѣ, его партія возросла, вѣроятно, вслѣдствіе усилившихся неудовольствій противъ Юрія, котораго Кіевляне вообще недолюбливали. Они начали тайно сообщаться между собою, чтобы посадить Вячеслава въ Кіевѣ, „любяще убо его, простоты его ради“,

---

[32]) ibid., 270, 274.
[33]) ibid., 275.

объясняетъ лѣтопись. [34]) Усилившаяся партія Вячеслава впослѣдствіи, какъ увидимъ, даже успѣла ввести, во время смуты, своего князя въ Кіевъ, но ему не удалось удержаться на столѣ: по прибытіи въ Кіевъ Изяслава, партія послѣдняго взяла перевѣсъ, и Вячеславъ удалился въ Вышгородъ. Такимъ образомъ, въ пользу Изяслава говорили умъ и необыкновенная энергія, черты отличившія этого князя, а за Вячеслава въ нѣкоторомъ родѣ государственное право. Это, очевидно, сознавалъ и Изяславъ, когда предлагалъ ему, послѣ своего пораженія, занять великокняжескій столъ. Эти же соображенія не были чужды Юрію, когда онъ хотѣлъ передать Кіевъ брату; къ тому же Суздальскій князь, пришелецъ изъ дальней страны, мало извѣстный Кіевлянамъ, имѣлъ весьма незначительную партію въ Кіевѣ такъ, что тутъ ему было трудно и опасно удержаться; кромѣ того, его тянуло на сѣверъ, гдѣ онъ выросъ и къ которому онъ привыкъ, подобно Вячеславу, котораго всегда влекло въ Туровъ.

Обстоятельства сложились такъ, что Изяславъ въ началѣ слѣдующаго года (1150 г.) захватилъ Кіевъ, Юрій бѣжалъ оттуда. Тогда Вячеславъ, находившійся въ Вышгородѣ, съ помощью своей партіи, сѣлъ на Кіевскомъ столѣ. Но противная, Изяславова партія, извѣстила Изяслава о дѣйствіяхъ его дяди, и при этомъ прибавила, что Вячеслава она не хочетъ. Изяславъ отправилъ посла сказать дядѣ: „я тебя звалъ въ Кіевъ, но ты тогда не захотѣлъ; а теперь поѣзжай-ка въ свой Вышгородъ". Обиженный дядя отвѣтилъ: „сынъ! если хочешь убить меня, то убивай, а я не поѣду". Нѣкоторые дружинники совѣтовали Изяславу убить дядю, такъ какъ оба князя находились въ городѣ, но онъ отвергъ такой совѣтъ,—вошелъ самъ въ палату къ дядѣ и сказалъ: „отецъ! кланяюсь тебѣ, нельзя намъ съ тобою тутъ условливаться. Видишь-ли множество собравшагося народа? Они задумываютъ на тебя недоброе. Поѣзжай въ свой Вышгородъ; оттуда мы заключимъ съ тобой условія". Вячеславъ долженъ былъ уступить и удалился. [35])

Вы видѣли, что Кіевъ въ это время дѣлился на три партіи: были приверженцы трехъ князей: Юрія, Вячеслава и Изяслава. Князь, оправшійся на одну изъ этихъ партій, не могъ быть вполнѣ увѣ-

---

[34]) Никон., 183.
[35]) Ип., 277.

реннымъ въ своей силѣ. Оставалось одно средство—соединить двѣ партіи. Этимъ и воспользовался Изяславъ, какъ дальновидный политикъ. Онъ самъ съ боярами отправился въ Вышгородъ къ дядѣ, назвалъ его отцомъ и предложилъ занять Кіевъ. „Я, говорилъ племянникъ,—посылалъ къ тебѣ, предлагая Кіевъ, и говорилъ, что съ тобою могу жить, а съ братомъ твоимъ Юріемъ не могу ужиться; я тебя люблю, какъ отца, и говорю тебѣ теперь: ты мнѣ отецъ, Кіевъ твой, поѣзжай туда". Вячеславъ согласился, князья цѣловали крестъ на томъ, что Изяславъ будетъ считать Вячеслава отцомъ, а Вячеславъ Изяслава сыномъ. [36])

Однако въ томъ же году Вячеславъ и Изяславъ на нѣсколько мѣсяцевъ должны были уступить Кіевъ Юрію; онъ въ это время посадилъ въ Туровѣ, Пинскѣ и Пересопницѣ сына своего Андрея. [37]) Но въ томъ же году Юрій и его сыновья окончательно были изгнаны на сѣверъ. Изяславъ, завладѣвъ снова Кіевомъ, послалъ сказать Вячеславу: „отецъ! кланяюсь тебѣ, Богъ взялъ у меня отца Мстислава, то будь ты мнѣ отецъ; прежде я согрѣшилъ предъ тобою, а теперь каюсь; потомъ согрѣшилъ, такъ какъ не возложилъ чести на тебя послѣ побѣды надъ Игоремъ и у Тумаща; теперь, отецъ, каюсь во всемъ предъ Богомъ и предъ тобою; если ты меня, отецъ, простишь, то и Богъ меня проститъ. Теперь, отецъ, даю тебѣ Кіевъ, поѣзжай туда и займи столъ отца твоего и дяди твоего". [38]) Вячеславъ принялъ предложенія племянника, назвалъ его сыномъ и братомъ, цѣловалъ крестъ, и отправился въ Кіевъ. Въ Кіевѣ обстоятельства измѣнились еще къ лучшему для Изяслава.

Старый дядя сознавалъ, что онъ самъ не можетъ управиться съ Кіевскимъ княжествомъ. Поэтому онъ сказалъ племяннику: „сынъ! Богъ тебѣ помоги за то, что ты возложилъ на меня честь, какъ на отца; я тебѣ, сыне, говорю: я уже старъ, всѣмъ уже не могу управлять, но будемъ вмѣстѣ въ Кіевѣ; если намъ придется судить кого, или христіанъ, или поганыхъ, то идемъ вмѣстѣ; дружина моя и полкъ мой будетъ для насъ обоихъ, ты же управляй; куда намъ можно будетъ обоимъ ѣхать, поѣдемъ вмѣстѣ, а если нельзя, то ты ходи

---

[36]) Ип., 278.
[37]) ibid., 281.
[38]) ibid., 289.

съ своимъ полкомъ и съ моимъ“ [39]). Такимъ образомъ отношенія между дядей и племянникомъ привели къ самымъ хорошимъ результатамъ и доставили обоимъ возможность править большею частью Руси до самой смерти послѣдняго.

За все время борьбы между Юріемъ и Изяславомъ, послѣ его бѣгства изъ Кіева и до возвращенія, мы не встрѣчаемъ имени Ростислава Мстиславича Смоленскаго. Пока борьба велась на Волыни, а Кіевъ былъ въ рукахъ враговъ, этотъ князь не могъ оставить своей земли среди непріятелей и перебраться по непріятельской землѣ на помощь брату; но однако между ними существовали миръ и согласіе. Поэтому, какъ только дѣла уладились, Вячеславъ послалъ сказать своему племяннику въ Смоленскъ: „Вотъ, братъ, Богъ соединилъ насъ съ твоимъ братомъ, а съ моимъ сыномъ Изяславомъ; онъ, завладѣвъ снова Русской землей, возложилъ на меня честь и посадилъ меня въ Кіевѣ. Я тебѣ, сынъ, говорю: какъ мнѣ сынъ братъ твой Изяславъ, такъ и ты; поэтому я говорю теперь тебѣ, сынъ, потрудись прити сюда, посмотришь, что Богъ намъ дастъ“. Съ своей стороны Изяславъ послалъ сказать брату: „Много разъ ты побуждалъ меня возложить честь на дядю и отца своего; вотъ теперь Богъ привелъ меня въ Русскую землю и я утвердилъ твоего и моего дядю въ Кіевѣ ради тебя и ради всей Русской земли. Теперь я говорю тебѣ: тамъ у тебя, по волѣ Божіей, есть въ Новгородѣ твой и мой сынъ Ярославъ, у тебя же и Смоленскъ. Распорядившись тамъ, приходи сюда, посмотримъ, что намъ дастъ Богъ“. [40]) Эти рѣчи доказываютъ, что Ростиславъ не оставлялъ союза съ братомъ и дядей, имѣлъ сильное вліяніе на ихъ сближеніе, что онъ не могъ принимать участія въ войнѣ только вслѣдствіе того, что былъ вынужденъ обстоятельствами.

Нечего и говорить, что Ростиславъ Мстиславичъ съ радостью поспѣшилъ къ братьямъ въ Кіевъ; онъ собралъ многочисленное Смоленское войско. Всѣ три князя, заключившіе между собою, такъ сказать, тріумвиратъ, сошлись въ Кіевѣ и пребывали, по выраженію лѣтописи, „у велицѣ весельи и у велицѣ любви“. Союзъ этотъ былъ на столько проченъ и притомъ основанъ на равныхъ отношеніяхъ,

---

[39]) ibid., 290.
[40]) Ип., 292.

что Русская земля, какъ тогда говорили, имѣла трехъ князей: Вячеслава, Изяслава и Ростислава.

Юрій не замедлилъ начать войну и подошелъ къ самому Кіеву, при чемъ союзные князья стали вокругъ Кіева: Ростиславъ съ сыномъ Романомъ предъ Жидовскими воротами, Вячеславъ у Золотыхъ воротъ, а Борисъ Городенскій у Лядскихъ. Прежде чѣмъ начались военныя дѣйствія, Вячеславъ, извѣстный миролюбіемъ, пробовалъ было мирнымъ путемъ сойтись съ Юріемъ. Онъ отправилъ къ нему посла съ замѣчательною рѣчью; эта рѣчь объясняетъ многое въ его судьбѣ и его отношеніяхъ, въ особенности его уступчивость, которая происходила скорѣе вслѣдствіе характера князя, а не вслѣдствіе его неспособности, какъ желаютъ думать многіе историки. Мы приведемъ эту рѣчь цѣликомъ. „Поѣзжай къ брату Юрію,—говорилъ старый князь посланнику: брата отъ меня цѣлуй; а вы, братья и сыновья, Ростиславъ и Изяславъ, слушайте, при васъ отряжаю. Такъ скажи брату моему: много разъ, братъ, говорилъ я тебѣ и Изяславу, обоимъ вамъ, не проливайте крови христіанской, не губите Русской земли; этимъ я васъ удерживалъ, а не требовалъ своего за то, что вы меня обидѣли и первый и второй разъ обезчестили. Я полки имѣю и силу имѣю, что Богъ мнѣ далъ, но я ради Русской земли и христіанъ, не поминалъ этого, но и еще вамъ представляю, что когда Изяславъ ѣхалъ на битву съ Игоремъ, онъ такъ сказалъ: „я Кіева себѣ не ищу, но у меня есть отецъ и братъ старшій Вячеславъ, ему я и ищу". это онъ говорилъ, отправляясь биться, а когда Богъ ему помогъ, онъ Кіевъ взялъ себѣ, да еще отнялъ у меня Туровъ и Пинскъ,—такъ Изяславъ меня обидѣлъ. Да и ты братъ, когда ѣхалъ биться съ Изяславомъ къ Переяславлю, также говорилъ: „я себѣ Кіева не ищу, но у меня есть старшій братъ и отецъ, для него я ищу"; а когда Богъ тебѣ помогъ, ты взялъ Кіевъ себѣ, да еще отнялъ у меня Пересопницу и Дорогобужъ и этимъ ты меня обидѣлъ, а мнѣ далъ Вышгородъ. Но я не требовалъ всего этого ради Русской земли и христіанъ, да еще васъ старался помирить, а вы меня не слушали, но ты этого не сдѣлалъ ни для меня, но т. сказать для Бога. Ты говорилъ мнѣ: „не могу поклониться младшему". Изяславъ два раза не сдержалъ своего слова, но теперь, завладѣвъ Кіевомъ, поклонился мнѣ, возложилъ на меня честь и въ Кіевѣ посадилъ, назвалъ меня отцемъ, а я его сыномъ. Ты говорилъ, что не поклонишься млад-

шему, но я старше тебя, и не мало, но много, ибо я уже былъ бородатъ, когда ты родился; если ты не хочешь признать моего старшинства, то пусть Богъ будетъ съ нами!" [41]) Эта рѣчь многое объясняетъ въ характерѣ самого Вячеслава; намъ придется еще вернуться къ ней впослѣдствіи, а теперь продолжимъ нашъ разсказъ.

Вслѣдствіе упорства Юрія, миръ не состоялся; однако Суздальскій князь потерпѣлъ отъ союзниковъ пораженіе и долженъ былъ отступить отъ Кіева по направленіи къ Галичу, откуда шелъ къ нему на помощь съ войскомъ князь Владиміръ. Юрій избѣгалъ сраженія, но союзные князья его такъ сильно преслѣдовали, что заставили его въ концѣ концовъ сразиться и потерпѣть пораженіе. Такимъ образомъ была окончена борьба изъ—за Кіева съ Суздальскимъ княземъ. Послѣ нея Ростиславъ отправился въ свой Смоленскъ, а Вячеславъ съ Изяславомъ утвердились въ Кіевѣ.

Прошло немного времени, союзные князья только что успѣли заключить мирные договоры съ враждебными имъ князьями Ольговичами и Давидовичами, какъ Юрій снова началъ войну. Онъ могъ, двинувшись изъ Суздаля, напасть или на Смоленскія владѣнія, или на Черниговскія земли союзника великаго князя—Изяслава Давидовича. Поэтому Изяславъ Мстиславичъ послалъ брату въ Смоленскъ сказать: „У тебя, братъ, тамъ Новгородъ сильный и Смоленскъ; собравши силы, постереги свою землю; если Юрій пойдетъ на твою волость, я къ тебѣ приду, если же онъ минетъ ее, то приходи ко мнѣ". [42]) Оказалось, что Юрій разсчиталъ болѣе удобнымъ напасть, миновавъ Смоленскъ, на Черниговъ; поэтому туда же поспѣшилъ съ своими войсками и Ростиславъ. Однако послѣ нерѣшительныхъ здѣсь дѣйствій, Юрій отправился къ себѣ въ Суздаль. Тогда наши союзники распорядились такъ, что Ростиславъ поспѣшилъ отправиться въ Смоленскъ, чтобы защитить свою землю отъ Юрія [43]), оставивъ сына своего Романа съ полкомъ на помощь Изяславу; наконецъ Вячеславъ, которому вслѣдствіе старости трудно уже было совершать походы, отправился въ Кіевъ; при войскѣ остался Изяславъ. И на этотъ разъ всѣ предпріятія союзниковъ окончились счастливо.

---

[41]) Ип., 297—8.
[42]) Ип., 314.
[43]) Ип., 316.

Едва только Изяславъ успѣлъ окончить военныя дѣйствія и утвердиться въ Кіевѣ, какъ внезапно послѣдовала смерть его (1154 г.). Старикъ Вячеславъ, чувствуя себя не въ силахъ править Кіевскою областью, призвалъ немедленно племянника изъ Смоленска Ростислава Мстиславича. Когда послѣдній, прибывши въ Кіевъ, встрѣтился съ дядей, Вячеславъ сказалъ ему: „Я уже старъ и всѣмъ не могу управлять; поэтому даю тебѣ тоже, что и братъ твой имѣлъ; ты же почитай меня, какъ отца, какъ и братъ твой почиталъ; а вотъ полкъ мой и дружина моя—управляй ими". Ростиславъ принялъ условія дяди. [44]) Первымъ актомъ дѣятельности новаго великаго князя была отдача Турово-Пинской области Святославу Всеволодичу. [45])

Ростиславъ тотчасъ-же долженъ былъ отправиться съ войскомъ къ Переяславлю. Во время этого похода старикъ Вячеславъ, оставшійся въ Кіевѣ, умеръ; онъ вечеромъ пилъ и веселился съ дружиною, а легши спать, уже не всталъ. Когда пришла объ этомъ вѣсть къ Ростиславу, послѣдній оставилъ войско, быстро отправился въ Кіевъ, чтобы воздать послѣднюю дань уваженія старику. Онъ похоронилъ его и все имущество его роздалъ монастырямъ и бѣднымъ. [46])

Вячеславъ Владимировичъ умеръ въ глубокой старости. Годъ рожденія его неизвѣстенъ; но уже въ 1096 г. онъ, по повелѣнію отца, ходилъ съ войскомъ на помощь брату; если ему тогда было около 20 лѣтъ, то онъ умеръ по крайней мѣрѣ 80 лѣтъ отъ роду (1154 г.).

Писатели обыкновенно изображаютъ Вячеслава княземъ неспособнымъ, бездѣятельнымъ, орудіемъ своихъ бояръ. Однако съ этимъ вполнѣ нельзя согласиться. Правда, Вячеславъ избѣгаетъ тревожнаго Переяславскаго княженія и переходитъ въ свой спокойный Туровъ; онъ не добивается великокняжескаго стола, хотя имѣлъ право на него, какъ старшій въ родѣ; онъ крайнѣ не охотно выступаетъ на войну и отказывается отъ заявленія своихъ правъ даже тогда, когда Изяславъ и Юрій прямо предлагаютъ ему занять Кіевъ. Однако эти черты далеко еще не указываютъ на полную неспособность Вячеслава. Изъ его отношенія къ Турову мы замѣчаемъ сильную привя-

---

44) Ип., 324.
45) ibidem.
46) Ип., 325.

занность къ этому городу; вѣроятно, были какія либо, кромѣ уединеннаго положенія этого города, причины, привлекавшія туда Вячеслава. Мы уже имѣли случай указать, что не одинъ онъ въ это время отличается замѣчательной привязанностью къ управляемой имъ странѣ: такими же свойствами обладаютъ и Ростиславъ Смоленскій, и Юрій Суздальскій, и сынъ послѣдняго Андрей. Вячеславъ, очевидно, любилъ болѣе тихую внутреннюю дѣятельность, чѣмъ военныя бури; такъ, сдѣлавшись Кіевскимъ княземъ, онъ занялся внутреннею дѣятельностью, предоставивъ военныя дѣла Изяславу и Ростиславу, и на этомъ поприщѣ онъ снискалъ себѣ народную любовь Кіевлянъ. Если Вячеславъ и не добивался великокняжескаго стола, то на это были серьезныя причины. Онъ имѣлъ двухъ сильныхъ, умныхъ и честолюбивыхъ соперниковъ, Изяслава и Юрія; если-бы онъ началъ упорную войну, ему пришлось бы имѣть дѣло съ тѣмъ и другимъ по одиночкѣ или даже вмѣстѣ. Его-же земля была сравнительно не велика, народонаселеніе ея не отличалось никогда своею воинственностью, и притомъ не видѣло никакой особенной выгоды въ добываніи для своего князя Кіева. Туровъ не отличался торговою дѣятельностью, и притомъ его интересы вовсе не были настолько тѣсно связаны съ Днѣпромъ и Кіевомъ, чтобы для него было важно имѣть тамъ своего князя; затѣмъ, Кіевскіе князья обыкновенно уступали Туровъ другимъ, рѣдко оставляя за собою, что могъ бы сдѣлать и Вячеславъ. И такъ, чего ради сталъ бы проливать свою кровь Дреговичъ? Между тѣмъ трудно было, даже невозможно для князя, вести борьбу безъ поддержки какой либо сильно заинтересованной области; если при томъ страна, какъ въ данномъ случаѣ Туровъ, бѣдна, то сбродной дружины нанять не зачто; да и надѣяться на дружину, или на случайную помощь того или другаго города— значило проиграть напередъ половину дѣла. Какъ могла Турово-Пинская волость поддержать своего князя въ стремленіи къ Кіеву, когда она не могла сама отбиться отъ Изяслава, и Вячеславъ не разъ просилъ Юрія придти поскорѣе на помощь. Вячеславъ, конечно, понималъ все это. Характеръ Вячеслава Владимировича отражается во всѣхъ его дѣйствіяхъ и словахъ. Онъ любилъ свой Туровъ и старался о его безопасности; ради этой любви, онъ часто переносилъ даже униженія. По замѣчанію лѣтописи, онъ былъ склоненъ къ любви и миру и не злобивъ сердцемъ, притомъ онъ былъ человѣкъ

глубоко вѣрующій и благочестивый. Любя миръ, онъ не разъ старался примирять и враждующихъ своихъ братьевъ; уговаривая ихъ примириться, онъ напоминалъ имъ, что они разоряютъ войнами Русскую землю, что ради христіанъ и Русской земли они должны заключить миръ. Сознавая пагубныя послѣдствія войны, онъ всегда предварительно старался помирить враждующія стороны; на сраженіе рѣшался только въ крайнемъ случаѣ; онъ говоритъ племянникамъ своимъ передъ сраженіемъ съ Юріемъ: „братья и сыновья! отъ рожденія своего я не люблю кровопролитія; но братъ мой довелъ меня до этого, и если ужъ такъ приходится, то пусть Богъ насъ судитъ". [47]) Лучше всего характеризуетъ Вячеслава его рѣчь, обращенная къ Юрію, которую мы всю привели. Изъ нея видно, что онъ съ горечью сознаетъ свои обиды, нанесенныя ему братомъ и племянникомъ, сознаетъ, что онъ могъ-бы отомстить имъ, такъ какъ имѣетъ и свое войско; и теперь, когда онъ соединился съ Изяславомъ, когда для него насталъ часъ мести Юрію, этотъ замѣчательный князь больше всего старается помирить враждующія стороны. Принявъ все это во вниманіе, мы сильно сомнѣваемся въ справедливости характеристики Вячеслава многими историками, въ томъ числѣ и Соловьевымъ.

Однако Ростиславъ сидѣлъ на великокняжескомъ столѣ всего нѣсколько дней. Онъ потерпѣлъ пораженіе отъ Черниговскаго князя Изяслава Давидовича и, несмѣя явиться послѣ пораженія въ Кіевъ, бѣжалъ въ Смоленскъ. Во время бѣгства съ поля битвы, онъ едва не былъ убитъ; конь его споткнулся и упалъ; враги немедленно обступили его, но на помощь явился сынъ Святославъ съ большимъ числомъ дружины, которые и помогли ему избавиться отъ враговъ. [48])

Услышавъ о смерти Вячеслава, Юрій Суздальскій отправился съ войскомъ къ Кіеву. Но по дорогѣ онъ хотѣлъ напасть на Смоленскую волость, на владѣнія главнаго теперь своего соперника Ростислава. Смоленскій князь, только что разбитый, не могъ вести съ нимъ борьбы. Онъ, собравши какъ можно больше войска, отправился къ границѣ своей земли, именно къ Зарою, и тутъ послалъ просить Юрія о мирѣ: „Отче! кланяюсь тебѣ; ты и прежде былъ добръ ко

[47]) Ип., 302.
[48]) Ип., 327.

мнѣ, а я къ тебѣ; кланяюсь тебѣ, дядя мнѣ—какъ отецъ" говорилъ онъ. Юрій согласился на миръ, цѣловалъ къ нему крестъ, говоря: „Дѣйствительно съ Изяславомъ я не могъ быть, а ты мнѣ братъ и сынъ". [49])

Съ переходомъ Юрія въ Кіевъ, Туровъ былъ отданъ имъ сыну Борису, а Святославу Ольговичу—Мозырь. [50])

Пока новый великій князь утверждался на своемъ столѣ, онъ послалъ къ Ростиславу въ Смоленскъ, призывая его, какъ главнаго своего союзника. Смоленскій князь немедленно собрался. Въ это же время пріѣхала, по дорогѣ изъ Суздаля въ Кіевъ, въ Смоленскъ жена великаго князя. Ростиславъ встрѣтилъ почтительно княгиню и съ нею вмѣстѣ отправился къ Юрію въ Кіевъ. [51])

Однако Ростиславъ изъ врага не могъ сдѣлаться другомъ Юрія. Онъ помирился съ нимъ потому, что былъ вынужденъ обстоятельствами; поэтому онъ, при первомъ удобномъ случаѣ, отсталъ отъ него. Въ томъ же 1155 году Ростиславъ нашелъ себѣ союзниковъ въ Рязанскихъ князьяхъ, которымъ одинаково было невыгодно усиленіе Юрія, [52]) Но до 1158 г. этотъ союзъ держался въ тайнѣ, когда болѣе предпріимчивый Изяславъ Давидовичъ не вступилъ въ открытую вражду съ Юріемъ; Ростиславъ послалъ на помощь ему сына своего Романа. [53]) Однако, вслѣдствіи неожиданной смерти Юрія, дѣло не дошло до борьбы; Изяславъ безпрепятственно занялъ великокняжескій столъ.

Въ началѣ княженія Изяслава мы видимъ Туровское княжество подъ властью Юрія Ярославича, внука Святополка II. Неизвѣстно, гдѣ княжилъ этотъ князь до этого времени, но Туровскимъ княжествомъ онъ завладѣлъ, очевидно, противъ желанія новаго великаго князя. Можно догадываться, что этотъ князь владѣлъ Брестомъ и верховьями Припяти и оттуда захватилъ Туровъ во время смерти Юрія, изгнавъ оттуда сына послѣдняго Бориса. Изяславъ Давидовичъ обѣщалъ Туровъ внуку Мономаха Владиміру Мстиславичу и по этому, собравши войска, пошелъ изгнать Юрія Ярославича. Съ нимъ

---

[49]) Ип., 338.
[50]) Ип., 329, 331.
[51]) Ип., 330.
[52]) Ип., 332.
[53]) Ип., 336.

отправились и союзныя войска: Ярославъ Луцкій, Ярополкъ Андреевичъ, Рюрикъ Ростиславичъ изъ Смоленска, также нѣкоторые Полоцкіе князья и Берендичи. Это огромное ополченіе осадило Туровъ и стояло около него 10 недѣль. Во время осады степняки Берендичи пожгли и пограбили окрестности Пинска и все прибрежье верхней Припяти. Видя невозможность долгаго сопротивленія такимъ силамъ, князь Юрій Ярославичъ началъ просить о мирѣ. Изяславъ не соглашался и требовалъ возвращенія Турова и Пинска; но вслѣдствіи мора лошадей союзники должны были прекратить осаду, при чемъ Изяславъ не заключилъ мира съ Туровскимъ княземъ, [54])

Со смертью послѣдняго Мономашича, Юрія, Ростиславъ, какъ безспорно старшій въ родѣ Мономаха, имѣлъ право на Кіевскій столъ; притомъ Ростиславъ несомнѣнно имѣлъ сильную партію въ Кіевѣ, гдѣ его уже знали и гдѣ вообще предпочитали потомковъ Мономаха Ольговичамъ. Ростиславъ поэтому и занялъ Кіевъ при первомъ удобномъ случаѣ. Онъ уже раньше вошелъ въ сношенія съ своими племянниками Изяславичами, сыновьями его брата, и когда послѣдними былъ побѣжденъ Изяславъ Давидовичъ, они пригласили Ростислава занять Кіевъ. Онъ согласился и вступилъ въ Кіевъ 12 апрѣля 1160 г. Изяславъ Давидовичъ долженъ былъ уступить; впрочемъ, въ отмщеніе за свое изгнаніе, онъ въ томъ же году сдѣлалъ нападеніе на Смоленскую волость, и вмѣстѣ съ Половцами пожегъ и пограбилъ множество селеній. [55])

Послѣ перехода Ростислава въ Кіевъ, на Смоленскомъ столѣ сѣлъ сынъ его Романъ.

Разсматривая участіе Смоленска въ борьбѣ изъ-за Кіевскаго стола, мы уже имѣли случай не разъ отмѣтить, что политика Ростислава во все время этой борьбы главнѣйшимъ образомъ клонилась къ тому, чтобы избѣгать нападеній на собственную волость. Ростиславъ первый стремится напасть на Черниговскія земли и тѣмъ предупреждаетъ нападеніе на свою. Но самое важное значеніе этой борьбы заключается въ томъ, что этому князю удалось установить независимость своей волости, увеличить ея процвѣтаніе, такъ что не даромъ лѣтопись называетъ Смоленское княжество въ концѣ XII в.

---

[54]) Ип., 337.
[55]) Ип., 344, 348.
[56]) Новг. лѣт., 131.

„великимъ". Но кромѣ утвержденія независимости, политика Ростислава простиралась дальше: онъ стремился еще расширить свое княжество территоріально, или по крайней мѣрѣ утвердить свое вліяніе въ сосѣднихъ слабѣйшихъ княжествахъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательна его политика въ сношеніяхъ съ Новгородомъ и Полоцкими князьями.

Сношенія Ростислава Мстиславича съ Новгородомъ и попытка его составить себѣ тамъ партію относятся еще къ началу его княженія въ Смоленскѣ. Въ коалиціи 1137 г., составленной противъ Новгородцевъ, вслѣдствіе того, что они не хотѣли принять къ себѣ князя Святополка Мстиславича, княжившаго послѣ смерти брата своего Всеволода въ Псковѣ,—учавствовали вмѣстѣ съ Кіевлянами, Полочанами, Суздальцами и Смольняне [56]); Ростиславу естественно было поддерживать въ Новгородѣ партію Мономашичей. Новгородцы, какъ извѣстно, вынуждены были изгнать Святослава Ольговича въ слѣдующемъ 1138 г. Тогда Смольняне захватили его на пути и держали нѣкоторое время подъ стражею въ Смядынскомъ монастырѣ, что у Смоленска. [57]) Извѣстно, что въ это время происходила сильная борьба партій въ Новгородѣ, пока наконецъ не утвердился въ немъ Святополкъ Мстиславичъ, [58]) братъ Ростислава (въ 1142 г.), когда партія Мстиславичей взяла верхъ.

Во время пребыванія послѣдняго въ Новгородѣ, Ростиславъ имѣлъ полную возможность составить себѣ здѣсь сильную партію, которая впослѣдствіи обезпечила его вліяніе; Святополкъ, очевидно, находился во время борьбы Изяслава съ Юріемъ въ болѣе или менѣе подчиненномъ отношеніи къ Ростиславу. Изяславъ, въ своей извѣстной рѣчи къ Кіевлянамъ о походѣ на Юрія, говоритъ: „а братъ Ростиславъ тамо ся съ нами сниметь, ять идеть ко мнѣ съ Смолняны и съ Новгородци". [59]) Въ другомъ случаѣ Изяславъ посылаетъ къ Ростиславу: „а тамъ наряди Новгородци и Смолняны, ять удержать Гюргія." [60]) Это было въ 1147 г., когда Святополкъ княжилъ въ Новгородѣ. Изяславъ давая такой совѣтъ брату, понималъ, конечно, что онъ имѣлъ власть „нарядить" Новгородцевъ, хотя послѣдніе не-

[57]) ibidem.
[58]) ibidem., 134.
[59]) Ип., 243.
[60]) Ип., 245, 255.

легки были на походы. Общность интересовъ съ Кіевомъ и Смоленскомъ заставляла держать Новгородцевъ у себя Святополка, котораго они не любили „злобы его ради“.

Такимъ образомъ, Смоленская партія росла въ Новгородѣ, она увеличивалась и вслѣдствіи вліянія Смоленскаго князя и вслѣдствіе того, что послѣднее княжество больше и больше крѣпло и матеріяльно и военною силою, а князь его дѣлался старѣйшимъ княземъ на Руси, велъ весьма удачно дипломатическія сношенія, самъ уже сдѣлался первымъ претендентомъ на Кіевскій столъ. Все это ставитъ Новгородъ въ большую и большую зависимость отъ Смоленска, особенно если еще вспомнимъ географическое положеніе обѣихъ областей.

Поэтому неудивительно, что при первомъ удобномъ случаѣ Новгородцы избираютъ себѣ въ князья самого Ростислава, изгнавъ Ярослава. Смоленскій князь явился въ Новгородъ, неуспѣлъ еще привести его въ порядокъ, умиротворить спорящія партіи, какъ долженъ былъ отправиться въ Кіевъ, чтобы занять столъ по смерти брата Изяслава. Онъ оставилъ сына своего Давида, но граждане изгнали его, очевидно, не успѣвшаго справиться съ волновавшимся городомъ. Лѣтопись объясняетъ причину негодованія Новгородцевъ на Смоленскихъ князей тѣмъ, что „нестворн имъ ряду, но боле раздьря“. [61])

Затихшая на время борьба партій снова возгорѣлась. Интересно, что Мстиславичи строго держались одной и той же политики въ Новгородѣ, начиная со Всеволода. Послѣдній, какъ извѣстно, былъ изгнанъ Новгородцами за то, что „смердовъ не блюдетъ“; слѣдовательно, онъ оказывалъ поддержку боярству; противная партія, получивъ перевѣсъ, изгнала князя и разграбила дома многихъ бояръ. Но послѣдующіе Мстиславичи держатся той же политики. Когда началась борьба партій въ 1157 г. при Мстиславѣ Юрьевичѣ, то торговая сторона была за него, съ оружіемъ въ рукахъ пыталась защищать своего князя. Но другая часть Новгорода, Софійская, главнымъ

---

[61]) Новгородская лѣт., р. 140. Едва-ли справедливо въ данномъ случаѣ извѣстіе Тверской лѣтописи, которая называетъ оставленнаго въ Новгородѣ сына Ростислава Романомъ (р. 222), котораго, какъ старшаго, отецъ, оставлялъ послѣ себя въ Смоленскѣ. Еще менѣе вѣрно извѣстіе Никоновской лѣтописи, которая прямо говоритъ, что Новгородцы „посадиша Романа“, вовсе не упоминая о пріѣздѣ самого Ростислава. Никон., р. 198.

представителемъ которой—было богатое боярство, была за Ростислава, взяла теперь перевѣсъ и ввела сыновей этого князя Святослава и Давида. Такимъ образомъ занятіе Ростиславомъ Новгорода въ 1154 году, когда онъ „раздра“ городъ, быть можетъ, и было неудачно потому, что онъ началъ жестоко преслѣдовать противную боярству партію. На этотъ разъ Ростиславъ былъ осторожнѣе. Явясь черезъ три дня послѣ сыновей въ Новгородъ, Ростиславъ успѣлъ, очевидно, примирить партіи, привести въ порядокъ область: „и не бысть зла ничтоже“, говоритъ лѣтописецъ. [62]) Вскорѣ Ростиславъ снова отправился въ свой удѣлъ, оставивъ въ Новгородѣ Святослава, въ Торжкѣ—Давида для обереганія восточныхъ границъ отъ Юрія. Но тутъ могла скрываться и другая болѣе глубокая цѣль: не думалъ-ли Ростиславъ изъ временнаго владѣнія этимъ городомъ сдѣлать впослѣдствіи незамѣтно постоянную часть Смоленской территоріи, какъ это онъ сдѣлалъ въ Витебскомъ.

Но примиреніе партій было не долгое. Покровительствуя боярству, Святославъ возбудилъ противъ себя чернь. Вѣче послалъ сказать князю: „не можемъ держать двухъ князей; выведи брата своего Давида изъ Новаго Торга“. Святославъ, „не вередя имъ сердца“, отправилъ брата въ Смоленскъ. Но это былъ только предлогъ. Новое вѣче рѣшило взять подъ стражу самого князя. Его предупреждали, но убѣжать онъ не успѣлъ. Тогда Новгородцы заперли его въ банѣ подъ стражею, жену отправили въ Варваринскій монастырь, дружину перехватили, приковали на цѣпь и имущество разграбили. Спустя немного времени, князь былъ отправленъ въ Ладогу подъ стражею, откуда онъ успѣлъ убѣжать въ Полоцкъ; тамошній князь Рогволодъ проводилъ его до Смоленска. Ростиславъ узнавъ о судьбѣ сына, приказалъ схватить Новгородцевъ, бывшихъ въ Кіевѣ, и запереть ихъ въ погребъ, гдѣ 14 изъ нихъ умерли въ ночь. [63])

Между тѣмъ Новгородцы обратились за княземъ къ Андрею Юрьевичу.

Но черезъ годъ Ростиславъ успѣлъ достигнуть того, что Андрей вывелъ изъ Новгорода своего племянника, и тамъ былъ снова посаженъ Святославъ, но уже „на всей его воли“, [64]) Вліяніе Рости-

---

[62]) Новг., 142.

[63]) Ип., 350, Новгор., 143.

[64]) Новгор., 144.

слава на Новгородцевъ начинало падать. Да это и неудивительно: покровительствуя боярству, Ростиславъ „раздиралъ" Новгородцевъ. Конечно, какъ великій князь Кіевскій, владѣвшій притомъ Смоленскою землею, онъ могъ теперь въ союзѣ съ Андреемъ заставить Новгородцевъ принять Святослава „на всей его волѣ". Но этимъ онъ не уничтожилъ „раздиранія", потому что продолжалъ держаться той же традиціонной политики. Вскорѣ потребовалось снова личное вмѣшательство Ростислава въ дѣла Новгорода. Очевидно, Святославъ тамъ слабо держался и отецъ хотѣлъ поддержать его своимъ личнымъ авторитетомъ. Въ 1166 г. онъ отправился въ Новгородъ и позвалъ „на порядъ" огнищанъ, гридей и купцовъ. [65]) Изъ этого видно, что поименованные классы были недовольны его сыномъ, составляли оппозицію, съ требованіями которой приходилось считаться; между тѣмъ огнищане, гриди и купцы и составляли низшую, среднюю, незнатную часть населенія, противуположную боярству. Характеръ Смоленской политики подтверждается еще и тѣмъ, что когда въ слѣдующемъ году Новгородцы отправились противъ Ярослава, то они прежде всего убили важнѣйшихъ представителей противной партіи, которые творили „перевѣтъ",—посадника Захарія и бирича Нѣзду. [66])

И на этотъ разъ поѣздка Ростислава не была удачна. Какъ извѣстно, на обратномъ пути въ Кіевъ онъ умеръ, а сынъ долженъ былъ въ слѣдующемъ же году покинуть Новгородъ, причемъ возгорѣлась серьезная борьба съ Смоленскими князьями. Но къ этому мы еще возвратимся.

Труднѣе выяснить, какую изъ партій поддерживалъ Ростиславъ въ землѣ Полоцкой. Лѣтопись упоминаетъ только, что онъ оказывалъ помощь тому или другому князю, а о характерѣ политики Полоцкихъ князей извѣстно такъ мало, что опредѣлить направленіе Ростиславовой политики,—трудно. Быть можетъ, что онъ и въ этомъ случаѣ придерживался тѣхъ же основъ, какъ въ Новгородѣ и выдвигалъ тѣхъ изъ князей, которые держались боярскою партіею. Какъ бы то ни было, но стремленія Ростислава къ вмѣшательству въ Полоцкія дѣла клонились къ подчиненію своему вліянію этой земли и къ тому, чтобы, пользуясь слабостью князей ея, оттянуть къ Смоленску часть территоріи.

---

65) ibid., p. 146

66) ibid., p. 147.

Нельзя не обратить вниманія на то, что Ростиславъ, не смотря на всѣ успѣхи своего брата Изяслава въ борьбѣ за великокняжескій столъ, никогда не получалъ отъ брата новыхъ областей, городовъ, тогда какъ увеличеніе области было постояннымъ слѣдствіемъ всякаго успѣха въ древней Руси. Думать о безкорыстности Смоленскаго князя, нѣтъ основаній. Но мы видимъ, что въ его борьбу съ Новгородомъ другіе князья мало вмѣшивались, а Изяславъ только поддерживалъ. Съ другой стороны, Мстиславичи не вмѣшивались въ Полоцкія дѣла Ростислава и только Ольговичи сдѣлали попытку противоставить здѣсь свое вліяніе стремленіямъ Смоленскаго князя. Поэтому намъ кажется, что Ростиславъ не желалъ пользоваться послѣ успѣховъ съ своимъ союзникомъ тѣми областями, южными и волынскими, которыя тянули къ Кіевскому княженію и которыя не могли расширить его территоріи, а по уговору съ братомъ направилъ свои стремленія на Новгородъ и Полоцкъ, гдѣ ему никто не мѣшалъ.

Ростиславъ въ своихъ притязаніяхъ на Полоцкъ является преемникомъ отца своего Мстислава и дяди Мономаха. Но тѣ стремились однимъ натискомъ уничтожить это самостоятельное владѣніе, Ростиславъ же понялъ, что такой образъ дѣйствій наиболѣе не надеженъ. Перемѣна во взглядахъ на Полоцкъ принадлежитъ не одному Ростиславу; ее, какъ кажется, поддерживалъ и братъ его Изяславъ, и, выдавши въ 1143 г. дочь свою за Рогволода Борисовича, [67] онъ пролагалъ путь къ легальному, такъ сказать, вмѣшательству Мстиславичей въ дѣла области. Дѣйствительно, Рогволодъ сидѣлъ не безъ поддержки Мстиславичей, ибо когда онъ былъ изгнанъ въ 1151 г. Полоцкимъ вѣчемъ, послѣднее обратилось за покровительствомъ къ Святославу Ольговичу, [68] боясь сильныхъ покровителей изгнаннаго князя. Святославъ былъ тогда въ союзѣ съ Юріемъ и во враждѣ съ Мстиславичами. [69] Черезъ нѣсколько лѣтъ обстоятельства измѣнились. Изяславъ Давидовичъ успѣлъ утвердиться на Кіевскомъ столѣ и, собираясь воевать съ Юріемъ, заключилъ союзъ съ Ростиславомъ Мстиславичемъ и Святославомъ Ольговичемъ. [70] Не безъ вѣроят-

---

[67]) Ип., p. 224.

[68]) Ип., p. 308.

[69]) Къ этому году относится посѣщеніе Юрія Новгородъ-Сѣверска и блестящій пріемъ, оказанный ему Святославомъ. Ип., p. 307.

[70]) Ип., 336, 337, 341.

ности слѣдуетъ предположить, что Сѣверскіе князья рѣшились отступиться отъ покровительства Полочанамъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что тотъ же Рогволодъ Борисовичъ „отъ Святослава Ольговича“ пошелъ искать себѣ волости и успѣлъ изгнать Ростислава Глѣбовича изъ Полоцка. [71]) Ростиславъ Мстиславичъ собралъ всѣ свои силы на помощь Рогволоду, отправилъ сыновей своихъ Романа и Рюрика съ Смольнянами и Новгородцами и даже самъ было пошелъ, но на дорогѣ его уговорилъ вернуться архіепископъ Новгородскій Аркадій. [72]) Ростиславъ не только возстановилъ Рогволода на Полоцкомъ столѣ, но и утвердилъ старшинство его надъ другими князьями области.

Въ слѣдующемъ 1160 году мы снова видимъ вспомогательный отрядъ Ростислава въ войскѣ Рогволода, ходившаго на Минскъ [73]). Рогволодъ этотъ, какъ извѣстно, оказалъ услугу Святополку Ростиславичу во время его бѣгства изъ Новгорода.

Къ концу своей жизни Ростиславъ успѣлъ настолько, что сынъ его Давидъ владѣлъ Витебскомъ [74]), откуда, могъ поддерживать свое вліяніе на область. Онъ оказываетъ помощь Всеславу Васильковичу противъ Володаря [75]). Таковы были успѣхи Смоленска въ области Полоцкой.

Ища союзовъ между мелкими князьями, какъ въ Полоцкѣ, гдѣ бы онъ могъ скорѣе явиться покровителемъ, чѣмъ равнымъ, Ростиславъ „цѣлова крестъ на всей любви“ съ Рязанскими князьями, которые „имѣяхуть и отцемъ себѣ“ [76]). Этотъ союзъ былъ важенъ для Смоленскаго князя: онъ ослаблялъ Юрія.

Въ 1167 г. умеръ Ростиславъ Мстиславичъ, годъ рожденія его неизвѣстенъ, но онъ умеръ въ глубокой старости, потому что уже въ 1128 г. ходилъ въ походъ, слѣдовательно тогда ему было по крайней мѣрѣ около 20 лѣтъ. Передъ смертью онъ ходилъ въ Новгородъ, мирилъ Новгородцевъ съ сыномъ своимъ Святославомъ, а по дорогѣ заѣзжалъ въ Смоленскъ. Смоляне помнили своего люби-

---

[71]) Ип., 339.
[72]) ibid., 340.
[73]) ibid., 346.
[74]) ibid., 359.
[75]) ibid., 360.
[76]) ibid., 332.

маго князя и потому почти за 300 верстъ народъ вышелъ встрѣчать его, потомъ вышли ему на встрѣчу внуки его и Смоленскій князь Романъ съ епископомъ Мануиломъ; чуть ли не весь городъ вышелъ ему на встрѣчу. Оттуда онъ отправился въ Торопецъ; чувствуя себя нездоровымъ, онъ призвалъ Новгородцевъ и сына въ Луки и здѣсь примирилъ ихъ. На обратномъ пути князь сильно заболѣлъ и когда прибылъ въ Смоленскъ настолько занемогъ, что сестра его Рогнѣда совѣтовала ему остаться въ Смоленскѣ, но князь велѣлъ везти себя въ Кіевъ; онъ торопился туда, чтобы, если еще здоровье позволитъ, принять постриженіе въ любимомъ монастырѣ. Однако онъ не достигъ Кіева и умеръ на дорогѣ въ селѣ Зарубѣ [77]).

Мы неоднократно указывали на черты характера этого замѣчательнаго князя. Мы видѣли, что онъ преимущественно заботился о благосостояніи своей Смоленской земли; имѣя въ виду это, онъ часто уступаетъ другимъ, лишь бы не приносить своей землѣ разоренія. Онъ избѣгалъ такихъ войнъ, которыя подвергли бы его страну опустошенію и нашествію непріятеля; такимъ образомъ, онъ помирился съ Юріемъ, безропотно снесъ то, что Изяславъ Давидовичъ сѣлъ на Кіевскомъ столѣ, хотя могъ у него оспаривать. Мы видѣли, что онъ только временно уступалъ и Юрію и Изяславу, но съ тѣмъ лишь, чтобы избѣгнуть нашествій на свою страну, а между тѣмъ и того и другаго думалъ низвергнуть чужими силами. Во время борьбы брата своего Изяслава, онъ выступалъ съ войскомъ изъ своей земли только тогда, когда ей не угрожала опасность, а въ противномъ случаѣ отправлялся на границу, желая предотвратить опустошенія. Мы видѣли, какъ умно былъ расчитанъ его союзъ съ Изяславомъ: онъ принесъ огромную пользу его странѣ. Въ то время когда другія земли опустошались, теряли торговыя сношенія, Смоленскъ, находясь въ мирныхъ отношеніяхъ съ Новгородомъ, гдѣ княжилъ сынъ Ростислава Святославъ, а также съ Кіевомъ, не подвергаясь опустошеніямъ, могъ свободно продолжать и расширять свою торговлю. Наконецъ, Ростиславъ достигъ великокняжеской власти такъ, что Смоленская земля ничѣмъ не поплатилась—обстоятельство единственное въ современной Руси.

Всѣ эти дѣйствія Ростислава Мстиславича привели къ тому, что съ его времени Смоленское кряжество становится вполнѣ самостоя-

---

[77]) ibid., 361—4.

тельнымъ и сильнымъ княженіемъ и по торговлѣ становится на ряду съ Новгородомъ. Уже въ его время вся Смоленская земля приносила князю дохода болѣе 3000 гривенъ; она имѣла болѣе 50 городовъ [78]).

Изъ другихъ чертъ характера Ростислава Мстиславича выступаетъ особенно его набожность; лѣтописецъ весьма долго останавливается на этомъ обстоятельствѣ. Ростиславъ всегда думалъ постричься въ монастырѣ св. Ѳеодора, въ Кіевѣ; но его отговорили его духовникъ священникъ Семенъ и игуменъ Поликарпъ. Лѣтописецъ говоритъ, что князь часто постился, уважалъ монаховъ и священниковъ. Памятникомъ его благочестія осталось утвержденіе въ Смоленскѣ епархіи въ 1137 г., имѣвшее, впрочемъ, и политическое значеніе; первымъ епископомъ былъ скопецъ Мануилъ [79]). Епархіальной Богородичной церкви онъ отдалъ десятину своихъ доходовъ и нѣсколько селъ.

Туровская земля уже къ половинѣ XII вѣка начала дробиться и приходить въ упадокъ. Она тѣсно присоединяется къ Кіеву и князья дробятъ ее въ удовлетвореніе требованій различныхъ князей. Мы уже выдѣли, что Всеволодъ Ольговичъ, посылая Вячеслава въ Переяславль, прямо говорилъ ему: сидишь въ Туровѣ, а мнѣ достоитъ.

Мы уже указывали на значеніе, которое имѣлъ Туровъ въ предыдущемъ столѣтіи, но теперь онъ терялъ его. Уже въ 1128 г., при Мстиславѣ, какъ мы выдѣли, Клеческъ является удѣльнымъ городомъ, въ которомъ княжилъ Вячеславъ Ярославичъ, не имѣвшій удѣловъ въ другомъ мѣстѣ [80]). Всеволодъ Ольговичъ уже раздаетъ Дреговичскіе города: Берестій, Рогачевъ, Дорогичинъ, Клеческъ своимъ братьямъ [81]). Въ 1199 г. Юрій отдалъ Слуцкъ и Клеческъ Святославу Ольговичу [82]). Вячеславъ тогда оставался въ Туровѣ, но центромъ княженія былъ сосѣдній городокъ Волынскій—Пересопница, куда Юрій приходилъ къ Вячеславу [83]). Этотъ послѣдній Волынскій

[78]) Грамота Ростислава объ утвержденіи стархіи.
[79]) Ип., 512.
[80]) ibid., 210.
[81]) Ип., 223.
[82]) ibid., 268.
[83]) ibid., 270.

городокъ со времени междусобій начинаетъ занимать болѣе видное положеніе, чѣмъ Туровъ, князья пробуютъ перенести туда центръ земли. Это вполнѣ естественно, ибо Пересопница была важнымъ стратегическимъ пунктомъ противъ Владимирскаго и Галицкаго княжествъ. Сидя здѣсь князь могъ воспрепятствовать князьямъ этихъ послѣднихъ областей опустошать Туровскую и Кіевскую земли, наблюдать за всякимъ движеніемъ враговъ. Вотъ почему Юрій отдалъ храбрѣйшему и дѣятельнѣйшему изъ своихъ сыновей Турово-Пинскую волость съ Пересопницей, причемъ Андрей сѣлъ въ послѣдней [84]). Ольговичи не разъ и въ послѣдующее время владѣли отдѣльными Дреговичскими городами: въ 1154 г. Ростиславъ, утвердившись впервые въ Кіевѣ, далъ Туровъ и Пинскъ Святославу Всеволодичу [85]), въ 1155 г. Юрій Святославу Ольговичу отдалъ Мозырь [86]), вскорѣ, вѣроятно, имъ оставленный, ибо Изяславъ Давидовичъ черезъ четыре года снова предлагалъ ему этотъ городъ [87]).

Такимъ образомъ, Туровская земля, имѣвшая въ предыдущемъ столѣтіи довольно важное значеніе, какъ важнѣйшая часть Кіевской, переходитъ къ Вячеславу, старшему Мономаховичу, и судя по аналогіи, могла бы получить значительную или даже полную самостоятельность. Но Вячеславъ не успѣлъ утвердить ее; причину неуспѣха едва ли не слѣдуетъ видѣть отчасти въ томъ, что этотъ князь не оставилъ наслѣдника, котораго бы отчиной сдѣлалась Туровщина, какъ земля другихъ Мономашичей. Между тѣмъ Туровщина осталась безъ прямаго вотчиннаго наслѣдника (въ древне-русскомъ смыслѣ); Кіевскіе князья, какъ болѣе сильные, но въ то же время временные владѣтели великокняжескихъ земель, стараются неупускать изъ своихъ рукъ этой области, служащей имъ для удовлетворенія своихъ союзниковъ.

Только въ началѣ второй половины XII ст. мы видимъ попытки обособить Туровскую землю. Иниціаторъ этого движенія явился извнѣ и хотя, какъ кажется, пользовался поддержкой населенія, но онъ началъ въ ту пору рѣшительно дѣйствовать, когда княжескія междоусобія уменшились, когда Русь, обезсиленная долгой борь-

84) ibid., 281.
85) ibid., 324.
86) ibid., 331.
87) ibid., 341.

бой, кончила всѣ свои крупные счеты. Это движеніе поднялъ Юрій Ярославичъ.

Святополкъ Изяславичъ, какъ извѣстно, имѣлъ четырехъ сыновей (Мстислава, Ярослава, Брячислава и Изяслава). Трое изъ нихъ умерли, не оставивъ потомства; мѣста княженій Брячислава и Изяслава неизвѣстны. Ярославъ извѣстенъ какъ дѣятельный помощникъ отца въ сношеніяхъ съ Уграми, княжилъ во Владимирѣ на Волыни, долго боролся съ Мономахомъ за свое княженіе и наконецъ погибъ въ этой борьбѣ. Онъ оставилъ двухъ сыновей—Вячеслава и Юрія. Перваго мы видѣли Клецкимъ удѣльнымъ княземъ во время похода 1128 г. Мстислава на Полоцкъ. Вѣроятно, и Юрій владѣлъ какимъ нибудь незначительнымъ удѣломъ подобно брату, въ приПрипятьи до появленія своего въ Туровѣ. О немъ мы знаемъ только, что въ 1144 г. онъ женился на дочери Всеволода Ольговича [88]).

Въ 1158 г. мы видимъ Юрія Ярославича уже въ качествѣ Туровскаго князя. Какъ овладѣлъ онъ Туровомъ, неизвѣстно. Но этотъ городъ не былъ его отчиной и, быть можетъ, онъ воспользовался случаемъ, наступившимъ въ концѣ княженія Юрія Ростовскаго во время занятія Кіева Изяславомъ Давидовичемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1155 г. Туровомъ владѣлъ сынъ Ростовскаго князя Борисъ [89]). Трудно предположить чтобы Ростовскій князь, завладѣвъ Кіевомъ, выпустилъ, вслѣдствіе ли борьбы или добровольно этотъ городъ изъ своихъ рукъ. Во всякомъ случаѣ, Изяславъ Давидовичъ считалъ незаконнымъ владѣніе Юрія Ярославича Туровомъ и, желая привлечь на свою сторону сильныхъ Мономаховичей, рѣшился отнять Туровъ для одного изъ нихъ Владимира Мстиславича. Но теперь замѣтно интересное явленіе въ этой области. Не смотря на то, что Изяславъ явился къ городу съ огромнымъ войскомъ, съ князьми Ярославомъ Луцкимъ, Ярополкомъ Андреевичемъ, Романомъ Ростиславичемъ, Владимиромъ Мстиславичемъ, Полочанами, Галичанами и Берендаями, несмотря на то, что сюда собралось едва ли не вся Русь,—Туровцы устояли, „бьяхуться крѣпко выходячи изъ города и много язвенныхъ бываше“, говоритъ лѣтопись. Не смотря на то, что Юрій много разъ посылалъ къ Изяславу съ мирными предложеніями,

---

88) Ип., 227.
89) Ип., 329.

Изяславъ низачто нехотѣлъ отступить, добиваясь Турова и Пинска. Онъ простоялъ 10 недѣль, неуспѣлъ взять города и возвратился, не заключивъ мира [90]).

Нельзя не обратить вниманія на то, что на Туровъ направились самые разнородные элементы древней Руси, рѣдко находившіеся въ союзѣ между собою, и направились подъ предводительствомъ Давидовича, не умѣвшаго справляться удачно съ тогдашней политикой. Очевидно, въ Туровской землѣ происходило какое-то особенное движеніе, противъ котораго шли князья. Поэтому, не невѣроятно, что это время было сильнымъ подъемомъ народнаго духа въ землѣ Дреговичей; Юрій усѣлся не только съ ихъ согласія, но, быть можетъ, и по приглашенію, что доказываетъ крѣпкая защита и въ послѣдующе время этого князя,—явленіе, котораго раньше мы не замѣчали въ этой области.

Великій князь, незавоевавъ Турова, какъ кажется, успѣлъ отстоять нѣкоторые окраинные города, напримѣръ какъ Мозырь, который онъ предлагалъ Святославу [91]).

Съ занятіемъ Кіевскаго стола Ростиславомъ, враждебныя отношенія къ Турову не прекратились. Юрій Ярославичъ напалъ на сосѣднія Волынскія земли, завоевалъ Путивль, Вырь, но, кажется, возвратился съ малымъ успѣхомъ [92]). Владиміро-Волынскіе князья Мстиславъ, Ярославъ и Ярополкъ Изяславичи, Владиміръ и Ярополкъ Андреевичи снова напали на Туровъ, простояли подъ нимъ полторы недѣли, но возвратились безъ всякаго успѣха [93]); и только подъ 1162 годомъ въ лѣтопись занесено краткое извѣстіе о томъ, что Ростиславъ примирился съ Юріемъ [94]). Мономаховичи съ этого времени навсегда примиряются съ Юріемъ Ярославичемъ. Первымъ актомъ этого примиренія была женитьба сына Ярослава Изяславича Всеволода на дочери Юрія Малфридѣ [95]) въ 1167 г.

Это послѣднее извѣстіе о Туровскомъ князѣ и, когда онъ умеръ, неизвѣстно. Но мирныя отношенія съ остальными князьями его сы-

[90]) Ип., 337—8.
[91]) Ип., 341.
[92]) Ип., 346.
[93]) Ип., 349.
[94]) Ип., 356.
[95]) Ип., 361.

новей не прекращаются. Такъ, мы видимъ въ 1168 г. сына его Глѣба съ войскомъ въ походѣ подъ Каневъ вмѣстѣ съ остальными князьями [96]). Черезъ два года въ походѣ на Половцевъ учавствуетъ Святополкъ Юрьевичъ [97]), въ томъ же походѣ былъ и братъ его Иванъ [98]). Святополкъ принимаетъ участіе въ походахъ Мстислава Изяславича на Кіевъ въ 1171—2 г. [99]). Также служебную роль занимаютъ Юрьевичи и въ послѣдующее время, до конца столѣтія. Лѣтопись не говоритъ о ихъ внутренней дѣятельности, не упоминаетъ даже, какимъ удѣломъ каждый изъ нихъ владѣлъ. Иногда просто называетъ князьями Туровскими и Пинскими. Такимъ образомъ, князья эти по приказанію Андрея были въ его войскахъ при разореніи Кіева [100]). Князь Пинскій Ярославъ съ братомъ своимъ княземъ Дубровницкимъ (городокъ въ сѣверной Волыни) были въ походѣ на Половцевъ съ Рюрикомъ Ростиславичемъ въ 1183 году [101]). Юрьевичи были также въ родствѣ съ Ростиславичами, были шурьями Рюрика [102]).

Мы уже упоминали имена сыновей Юрія; они были: Святополкъ, Глѣбъ, Иванъ, Ярославъ и Ярополкъ [103]). Можно указать удѣлы трехъ изъ нихъ. Туровскимъ княземъ былъ Святополкъ, по крайней мѣрѣ около 1183 г.: въ этомъ году у него былъ въ Туровѣ Владиміръ Ярославичъ Галицкій, изгнанный отцомъ [104]). Святополкъ умеръ въ 1190 г. [105]). Ярослава лѣтопись называетъ княземъ Пинскимъ, какъ мы уже видѣли, а Глѣба—Дубровницкимъ; послѣдній умеръ въ 1195 году [106]).

Ярополкъ имѣлъ также какое то соотношеніе къ Пинску; по крайней мѣрѣ свадьба его, на которую прибылъ Рюрикъ Ростиславичъ, происходила въ этомъ городѣ; быть можетъ, онъ сѣлъ здѣсь по смерти Ярослава.

---

96) Ип., 361.
97) Ип., 369.
98) Ип., 370.
99) Ип., 324—5.
100) Ип., 391.
101) Ип., 426.
102) Ип., 448, 466.
103) Ип., 452.
104) Ип., 428.
105) Ип., 448.
106) Ип., 466.

На этихъ событіяхъ обрываются извѣстія нашей лѣтописи о Туровской области во второй половинѣ XII в. Извѣстія эти очень скудны. Они только даютъ намъ указаніе на то, что въ началѣ второй половины этого вѣка Туровская земля, путемъ упорной борьбы, успѣла пріобрѣсть отдѣльную линію Юрьевичей, потомковъ Изяслава Ярославича, которые въ ней осѣли. Но слабая сама по себѣ, эта волость еще болѣе ослабляется раздѣленіемъ на удѣлы, хотя къ ней и отошелъ отъ Волыни удѣлъ Дубровицкій. Юрьевичи ладятъ съ князьями остальной Руси, но находятся въ подчиненномъ отношеніи къ тѣмъ изъ нихъ, которые наиболѣе усиливаются въ данный моментъ.

Совершенно иначе устроились къ концу XII в. дѣла Смоленской земли. Мы уже говорили, чтн Ростиславъ Мстиславичъ много сдѣлалъ для самостоятельности своего княжества; онъ закрѣпилъ эту самостоятельность своимъ личнымъ вліяніемъ среди князей и тѣмъ, что онъ былъ и умеръ великимъ княземъ Кіевскимъ; въ церковномъ отношеніи онъ сдѣлалъ Смоленскъ независимымъ, учредивъ каѳедру; въ экономичесмомъ отношеніи Смоленская земля стала при немъ весьма высоко потому, что, какъ мы не разъ говорили, онъ устроивалъ свои дѣла такъ, что во время самыхъ сильныхъ княжескихъ междоусобій—именно во время борьбы между Мономаховичами, его княжество вовсе не пострадало ни отъ вражескихъ нашествій, ни отъ частыхъ походовъ на внѣшнихъ враговъ. Все это значило не мало, если примемъ во вниманіе, что другія земли, кромѣ Суздальской, Рязанской и отчасти Галицкой были положительно разорены.

Въ послѣдующей за его смертью исторіи Смоленска мы наталкиваемся на замѣчательный фактъ: это княжество не только не пострадало отъ раздѣловъ, но еще увеличилось вслѣдствіе присоединенія сосѣднихъ волостей—Витебской и Вышгородской. Умные и разсудительные Ростиславичи успѣли сѣсть въ другихъ княженіяхъ; одинъ только Романъ Ростиславичъ, какъ старшій, остался въ Смоленскѣ, Рюрикъ княжилъ въ Бѣлгородѣ и на Волыни въ Овручѣ, Давидъ въ Вышгородѣ, который такимъ образомъ присоединился къ владѣніямъ Смоленскихъ князей, Святославъ въ Новгородѣ и Мстиславъ въ Торопцѣ.

Ростиславичи держатся мудрой политики отца своего: неохотно вступаютъ въ междоусобныя войны, стараются примирять враж-

дующихъ князей, разумно управляютъ своими волостями. Ихъ личныя отношенія къ управляемымъ волостямъ были таковы, что о каждомъ изъ нихъ лѣтопись оставила теплое слово. Они представляютъ почти единственный въ древней Руси примѣръ большой княжеской семьи, въ которой никогда не происходило раздоровъ и споровъ между братьями, въ которой братья держались дружно другъ друга. Вслѣдствіе такой политики они скоро пріобрѣли важное рѣшающее значеніе въ дѣлахъ южной и западной Руси: голосъ одного изъ братьевъ,—былъ голосомъ всѣхъ Ростиславичей. Въ концѣ этого столѣтія они, общими усиліями, достигаютъ того, что завладѣваютъ всѣмъ лѣвымъ берегомъ Днѣпра и даже заставляютъ Ольговичей, исконныхъ враговъ Мономаховичей, признать ихъ власть.

По смерти Ростислава сыновья его *предложили* занять Кіевскій столъ Мстиславу Изяславичу. Однако они не ужились съ нимъ долго. Дѣло въ томъ, что еще прежде чѣмъ Мстиславъ сѣлъ на Кіевскомъ столѣ, призывавшіе его князья условились сильно ограничить великокняжескую власть и разобрать волости по собственному желанію. Узнавъ объ этомъ, Мстиславъ явился въ Кіевъ съ сильнымъ союзнымъ войскомъ, осаждалъ Вышгородъ и занялъ Кіевъ, и такимъ образомъ пытался принудить Ростиславичей заключить съ нимъ выгодный для себя миръ [107]).

Какъ и слѣдовало ожидать въ такомъ случаѣ, между великимъ княземъ и Ростиславичами начались недоразумѣнія, какъ слѣдствія недовѣрія другъ къ другу. Это выразилось уже на второй годъ его княженія. Двое бояръ, Бориславичи Петръ и Нестеръ, недовольные на Мстислава, оклеветали этого князя предъ Рюрикомъ и Давидомъ, утверждая, что ихъ онъ хочетъ схватить [108]). Много трудовъ стоило Мстиславу, чтобы разрушить ихъ опасенія, доказать клевету. Однако-же отношенія ихъ не уладились. Однимъ изъ важнѣйшихъ поводовъ служили также Новгородскія отношенія [109]); когда въ слѣдующемъ году князь Суздальскій Андрей Юрьевичъ послалъ сына своего Мстислава съ войсками на Кіевъ, на князя Мстислава Изяславича, мы видимъ всѣхъ Ростиславичей въ этомъ знаменитомъ походѣ.

---

107) Ип., 365 и слѣд.
108) Ип., 370.
109) Ип., 372.

Какъ извѣстно, результатъ этого похода былъ таковъ, что Кіевъ впервые былъ разрушенъ и преданъ разграбленію. Великимъ княземъ Русскимъ сдѣлался Андрей Суздальскій, и съ этого времени Кіевъ начинаетъ терять свое значеніе.

Князь Давидъ Вышгородскій, очевидно, былъ самый ярый противникъ дяди своего Мстислава. Еще при первомъ своемъ вступленіи на Кіевскій столъ, послѣдній обратилъ преимущественное вниманіе на Давида и тогда только сѣлъ въ Кіевѣ, когда усмирилъ этого князя; онъ пробовалъ еще разъ возвратиться въ Кіевъ въ 1172 г., и при этомъ снова поспѣшилъ осадить Давида въ Вышгородѣ, однако союзники покинули Мстислава, недождавшись конца военныхъ дѣйствій, и онъ долженъ былъ отступить [110]).

Послѣ взатія Кіева, обстоятельства на Руси измѣнились. Великимъ княземъ сдѣлался Андрей Юрьевичъ; этотъ князь извѣстенъ своею надменностью и неприступностью не только въ отношеніи къ своимъ боярамъ, но и къ князьямъ. Онъ началъ распоряжаться князьями на Руси съ небывалою гордостью. Возставать было некому. Князья были слабы въ отдѣльности каждый, а союза составить не могли. Одни Ростиславичи были сильны, но съ ними Андрей ладилъ, защищалъ ихъ интересы и они были его вѣрными союзниками. Такъ, когда Новгородцы возстали противъ Ростиславича Святослава, онъ этому противился [111]), хотя граждане все таки выбрали Романа, сына Мстислава Изяславича. Святославъ умеръ на Волокѣ, въ войнѣ съ Новгородцами, и былъ похороненъ въ Смоленскѣ. Наконецъ, Андрей посылалъ сына своего Мстислава, вмѣстѣ съ Рюрикомъ и Мстиславомъ, воевать Новгородскую волость, чтобы изгнать оттуда Романа. Но послѣдній, узнавъ о смерти отца своего, и самъ оставилъ Новгородъ. Тогда Андрей отдалъ его Рюрику, который, отправляясь туда, передалъ свои земли брату Давиду [112]). Впрочемъ, Рюрикъ скоро ушелъ оттуда.

Послѣ смерти Кіевскаго князя Глѣба, брата Андрея, послѣдній передалъ Кіевъ Ростиславичу Роману, пославъ сказать братьямъ: „Вы назвали меня отцомъ, я хочу вамъ добра и даю брату вашему

---

110) Ип., 375.
111) Новгор., р. 147.
112) Ип., 382. 383.

Роману Кіевъ". Отправляясь, Романъ оставилъ въ Смоленскѣ княжить сына своего Ярополка [113].

Однако хорошія отношенія не долго продолжались; князь Андрей не замедлилъ выказать свою гордость и требовательность. Онъ потребовалъ отъ Ростиславичей выдачи трехъ бояръ, на которыхъ падало обвиненіе въ отравленіи брата его Глѣба. Ростиславичи отказались и пустили отъ себя бояръ. Тогда Андрей послалъ небывалый до того времени приказъ Роману: „Ты не ходишь въ моей волѣ съ твоими братьями, такъ иди изъ Кіева, Давидъ пусть идетъ изъ Вышгорода; Мстиславъ изъ Бѣлгорода; вамъ Смоленскъ—дѣлитесь имъ". Нечего и говорить, что Ростиславичи обидѣлись такимъ гордымъ приказомъ. Романъ, не желая оставаться въ Кіевѣ, который уже не могъ представить крѣпкой защиты, пошелъ въ Смоленскъ. Однако братья не растерялись. Они послали сказать Андрею: „Братъ! дѣйствительно мы назвали тебя отцемъ и крестъ тебѣ цѣловали, и стоимъ въ крестномъ цѣлованіи; а теперь ты вывелъ брата нашего изъ Кіева и намъ указываешь путь изъ русской земли безъ вины, то пусть будетъ съ нами Богъ и крестная сила". Андрей не отвѣчалъ ничего на эту рѣчь. Ростиславичи поняли, что нужно ждать серьезной войны; они первые ее начали (1177 г.). Поѣхавъ нечаянно въ Кіевъ, они захватили Всеволода Юрьевича, брата Андреева, и племянника его Ярополка и всѣхъ бояръ; князья эти заняли было Кіевъ по приказанію Андрея. Кромѣ того Ростиславичи ходили на брата Андреева Михаила къ Торческу.

Андрей, прежде чѣмъ рѣшиться на войну, послалъ боярина Михна сказать Ростиславичамъ: „Нехотите быть въ моей волѣ, ты Рюрикъ ступай въ Смоленскъ къ брату въ свою отчину. Давиду скажи,—говорилъ онъ боярину, ты ступай въ Берладь (къ степнякамъ), а къ русской землѣ приказываю тебѣ небыть; Мстиславу скажи: все заключается въ тебѣ, велю тебѣ небыть въ русской землѣ". Когда прибылъ посолъ съ такими рѣчами къ Мстиславу, то онъ велѣлъ ему въ своемъ присутствіи остричь бороду и волосы. „Иди къ своему князю,—говорилъ послу Мстиславъ: и скажи ему: мы считали тебя до сихъ поръ отцомъ, но если ты съ такими рѣчами

---

113) Ип., 387.

прислалъ не какъ къ князю, но какъ къ подручнику или простому человѣку, то дѣлай что хочешь" [114]).

До сихъ поръ Андрей все медлилъ, предполагая что Ростиславичи придутъ къ нему съ повинной головой. Но теперь медлить было невозможно. Онъ скоро собралъ около 50 тысячъ воиновъ сѣвернаго ополченія и послалъ ихъ подъ начальствомъ сына своего Юрія и воеводы Бориса Жидиславича; онъ приказалъ имъ Давида и Рюрика изгнать изъ ихъ отчины, а Мстислава плѣннаго привести къ нему.

Во время похода Суздальскіе войска увеличились огромнымъ числомъ союзниковъ: къ нимъ присоединились всѣ князья Сѣверянскіе во главѣ съ Святославомъ Всеволодичемъ, князья Полоцкіе, Туровскіе и Городенскіе.

Романъ Ростиславичъ, когда полки проходили мимо его земли, также вынужденъ былъ послать полкъ съ сыномъ своимъ на братьевъ; онъ боялся выказать тогда свой союзъ съ братьями потому, что его собственная земля могла быть разорена.

При приближеніи непріятеля, Ростиславичи оставили Кіевъ; они рѣшились защищаться такимъ образомъ, чтобы каждый заперся въ своемъ городѣ: Рюрикъ въ Бѣлгородѣ, Мстиславъ съ Давидовымъ полкомъ въ Вышгородѣ, самъ Давидъ поспѣшилъ въ Галичъ просить помощи, въ чемъ онъ и успѣлъ. Союзники прежде всего заняли Кіевъ и часть младшей дружины отправили подъ Вышгородъ. Въ первый же день Мстиславъ далъ имъ обоимъ сраженіе, которое осталось нерѣшительнымъ. На другой день пришли всѣ полки и началась осада. Во время осады происходили часто жестокія стычки, отъ которыхъ сильно страдали осажденные. Такъ прошло около 9 недѣль, когда пришелъ на Ростиславичей еще Ярославъ, князь Луцкій со всею Волынскою дружиною. Онъ добивался старшинства между Ольговичами и желалъ затѣмъ занять Кіевъ. Но когда въ этомъ ему отказали, онъ перешелъ на сторону Ростиславичей и, повернувъ свои полки, направился къ Бѣлгороду. Союзники, видя это отступленіе и полагая, что Ярославъ въ тылу у нихъ соединится съ Галичанами и Рюрикомъ, бросились бѣжать изъ — подъ Вышгорода. Во время бѣгства ихъ много потонуло въ Днѣпрѣ и погибло отъ преслѣдованія Мстислава [115]).

---

114) Ип., 388, 390

115) Ип., 391—2.

Такимъ образомъ Ростиславичи счастливо вышли изъ весьма опаснаго положенія. Событіе это имѣло огромное значеніе для тогдашней Руси: оно освободило южную Русь отъ гордыхъ притязаній Суздальскихъ князей. Нужно замѣтить, что въ это время властолюбивый князь Андрей стремился, очевидно, подчинить вполнѣ русскихъ князей; онъ уже давно рѣзко отступилъ отъ древняго обычая русскихъ князей: онъ недопускалъ никакого участія въ дѣлахъ правленія бояръ и дружины, и обращался съ ними крайне жестоко. Онъ не только изгонялъ противорѣчившихъ ему бояръ, но осмѣлился изгнать даже епископа Леона. Князь Андрей Юрьевичъ стремился захватить неограниченную власть и надъ князьями. Тогдашніе князья не имѣли силы противостоять; они были слишкомъ слабы, владѣнія ихъ были не велики и разорены, у самихъ нехватало смѣлости; собрать союзъ противъ Андрея слабому князю было не возможно: всякій союзникъ боялся пораженія. Мы видѣли, что послѣ разрыва Ростиславичи остались одни безъ союзниковъ, даже братъ Романъ вынужденъ былъ послать свой полкъ; а между тѣмъ за Андреемъ пошли всѣ князья. Въ прежней борьбѣ большой голосъ имѣли Кіевъ и Кіевское вѣче, но послѣ его разоренія, которое имѣло большое значеніе на утвержденіе власти Андрея, значеніе это падаетъ; столъ Кіевскій остается только почетнымъ и притомъ дается князьямъ или Андреемъ или Ростиславичами. Само Кіевское княжество потеряло всякую силу; оно было разбито на мелкія части: на Вышгородъ, Бѣлгородъ, Дреговичи, Треполь и др., бывшіе передовыми крѣпостями Кіевскаго княжества. Если принять также положеніе тогдашней Руси во вниманіе, то побѣда Ростиславичей надъ Суздальскимъ княземъ имѣла значеніе освобожденія Руси отъ его власти. Она имѣла также вліяніе на убіеніе князя, которое и послѣдовало въ слѣд. 1175 г. Что касается до Ростиславичей, то они, послѣ бѣгства суздальцевъ, заняли снова свои волости, отдавъ Кіевъ Ярославу Луцкому. Они, очевидно, въ томъ же году примирились съ Андреемъ и даже просили его отдать Кіевъ Роману [116]).

Въ годъ убіенія Андрея Суздальскаго, Романъ занялъ Кіевъ, оставивъ въ Смоленскѣ сына своего Ярослава; молодой князь не

116) Ип., 394.

долго продержался на отцовскомъ столѣ; неизвѣстно, почему онъ не понравился Смольнянамъ, и вѣче его изгнало въ томъ же году, пригласивъ дядю его Мстислава [117]),

Романъ также не долго просидѣлъ въ Кіевѣ. Между Ростиславичами и Святославомъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ произошло столкновеніе, во время котораго хотя Святославъ бѣжалъ передъ сраженіемъ, но Ростиславичи, не желая, по замѣчанію лѣтописи, губить Русской земли и проливать христіанской крови, отдали Кіевъ Святославу; Романъ возвратился въ Смоленскъ (1177 г.) [118]).

Вскорѣ послѣ описанныхъ событій, въ Смоленскѣ умеръ (1180 г.) старшій изъ Ростиславичей Романъ, женатый съ 1148 г. на дочери князя Святослава Ольговича [119]). Это былъ человѣкъ высокаго роста, широкоплечій, съ красивымъ лицомъ; Смоляне искренне оплакивали своего князя, который отличался незлобіемъ и добротою. Свободное Смоленское вѣче не разъ причиняло ему большія непріятности; однажды даже изгнало, въ его отсутствіе, сына его Ярополка, но онъ кротко переносилъ обиды гражданъ, Онъ замѣчателенъ своею уступчивостью, которая иногда даже бывала вредна дѣлу; несмотря на то, что онъ, какъ старшій изъ Мономахова племени, могъ бы владѣть Кіевомъ, онъ недобивался этого стола; самъ уходилъ изъ Кіева, когда видѣлъ, что его упорство можетъ повлечь за собою опустошительную войну. Онъ вообще не отличался воинственностью, но замѣчателенъ своимъ благочестіемъ: такъ, напримѣръ, онъ построилъ въ Смоленскѣ каменную церковь св. Іоанна [120]); Татищевъ даже передаетъ извѣстіе, что Романъ особенно старался о распространеніи образованія, учреждалъ училища и проч. [121]). Такъ характеризуютъ его лѣтописи.

Смерть Романа совпала съ началомъ борьбы оставшихся Ростиславичей Рюрика и Давида съ Святославомъ Всеволодовичемъ.

---

[117]) Ип., 406, 407. Въ Ип., лѣтописи извѣстіе о занятіи Кіева Романомъ помѣщено въ концѣ 1175 г. послѣ извѣстія объ изгнаніи Ярополка и занятія Мстиславомъ Смоленска. Разумѣется. Романъ прежде оставилъ Смоленскъ, а потомъ жители изгнали его сына. Непослѣдовательность извѣстія произошла, очевидно, отъ того, что составитель почерпнулъ одно изъ извѣстій изъ другого источника, напр. извѣстіе объ изгнаніи изъ мѣстной Смоленской лѣтописи.

[118]) Ип., р. 409.

[119]) Ип., 258.

[120]) Ип., 417—418.

[121]) Ист. гос. р., т. III, р. 238.

Святославъ, княжившій тогда въ Кіевѣ, собрался идти противъ Суздальскаго князя Всеволода Юрьевича за то, что послѣдній плѣнилъ сына его Глѣба. Но зная, что Ростиславичи, въ особенности враждебный еще издавна ему Давидъ Вышгородскій, воспользуются этимъ случаемъ, чтобы напасть на него, рѣшилъ прежде захватить Давида, а Рюрика изгнать. Для этого онъ выбралъ время, когда Давидъ охотился съ княгинею и небольшимъ числомъ дружины на берегахъ Днѣпра. Онъ также въ это время былъ на охотѣ. Святославъ задумалъ было напасть на стоянку Давида и взять его въ плѣнъ. Онъ сдѣлалъ нападеніе на ничего не подозрѣвающаго Давида, но послѣдній съ женою убѣжалъ въ лодкѣ въ Бѣлгородъ, къ брату Рюрику. Между тѣмъ Святославъ искалъ его подъ Вышгородомъ. Послѣдній не рѣшился оставаться долѣе въ Кіевѣ, и ушелъ въ Черниговъ собрать и приготовить своихъ братьевъ и родственниковъ къ предстоящей войнѣ. Между тѣмъ Рюрикъ занялъ Кіевъ, а Давидъ поспѣшилъ къ брату Роману, гдѣ ожидали нападенія. Въ дорогѣ его встрѣтили послы изъ Смоленска съ печальною вѣстью о смерти брата; Давидъ поспѣшилъ и занялъ Смоленскій столъ (1180 г.), оставивъ въ Вышгородѣ сына Мстислава [122]).

Святославъ между тѣмъ отправился прежде на Суздаль, оставивъ въ Черниговѣ князей Ярослава и Игоря. Эти князья рѣшились напасть на Друцкъ, гдѣ княжилъ Глѣбъ, сынъ извѣстнаго намъ Рогволода Борисовича. Друцкъ находился тогда, вѣроятно, подъ покровительствомъ Смоленскихъ князей. Поэтому Давидъ поспѣшилъ съ своимъ полкомъ къ Друцку и заперся въ городѣ вмѣстѣ съ Глѣбомъ.

Въ тоже время къ Ярославу и Игорю присоединились Полоцкіе князья: два брата Васильковичи, Брячиславъ Витебскій и Всеславъ Полоцкій, Всеславъ Микуличъ Логожскій, кромѣ того Андрей Володшичъ, племянникъ его Изяславъ и Василько Брячиславичъ; Брячиславъ и Всеславъ привели съ собою толпы Ливи и Литвы. Такимъ образомъ мы видимъ, что почти вся Полоцкая земля собралась на Друцкаго и на Смоленскаго князей.

Давидъ и Глѣбъ, какъ только подошли союзныя войска къ городу, рѣшились немедленно дать сраженіе Ярославу и Игорю; но тѣ ожидали Святослава съ главными силами, и потому избѣгали сра-

---

122) Ип., р. 416—417.

женія. Они стали на неудобномъ для нападенія берегу Друти. Рѣка раздѣляла оба войска. Изрѣдка происходили мелкія схватки копейщиковъ и стрѣлковъ, которые выѣзжали на рѣку. Такъ прошла недѣля, когда, наконецъ, пришелъ Святославъ съ Новгородскимъ ополченіемъ. Онъ немедленно велѣлъ переходить Друть. Но Давидъ понялъ, что у него недостаточно силъ для сраженія и бѣжалъ ночью въ Смоленскъ. Тогда Святославъ приступилъ къ городу, но не взялъ его, а только сжегъ передовыя укрѣпленія. Послѣ этого онъ отпустилъ Новгородцевъ, а самъ направился сухимъ путемъ къ Рогачеву, откуда на лодкахъ поѣхалъ въ Кіевъ. Рюрикъ между тѣмъ, узнавъ о неудачѣ брата, перешелъ въ Бѣлгородъ [123]).

Хотя Рюрику удалось побѣдить войска Святослава, но онъ непожелалъ занять Кіевъ. По выраженію лѣтописи, онъ не возгордился побѣдою но, „возлюби миръ болѣе войны; желалъ жить въ братолюбіи, въ особенности ради христіанъ, которыхъ кровь проливалась въ усобіяхъ; онъ, по совѣту съ своими мужами, уступилъ старѣйшинство Святославу, а себѣ взялъ всю Русскую землю“ [124]). Однако въ этомъ видна весьма дальновидная политика Ростиславичей. Они отдали Святославу только Кіевъ, а сами завладѣли большею частью Руси, такъ что въ ихъ власти были даже ближайшіе города къ Кіеву— Вышгородъ, Бѣлгородъ и Овручъ. Такимъ образомъ на дѣлѣ они были сильнѣе Святослава. Между тѣмъ, еслибы они не уступили ему Кіева, то война могла бы быть для нихъ опасна, въ союзѣ съ Святославомъ была вся Сѣверская земля и Полоцкая.

Съ этого времени (1180 г,) борьба между Ростиславичами и Святославомъ прекращается до самой смерти послѣдняго (1195 г.). Русь направляетъ свои усилія на борьбу съ степняками Половцами. Эту борьбу пришлось вести преимущественно Рюрику, владѣнія котораго подвергались наиболѣе нападеніямъ. Большія походы совершаются великимъ, какъ его теперь называетъ лѣтопись, княземъ Рюрикомъ, съ Святославомъ, причемъ иногда ходятъ и болѣе сѣверные князья. Такъ въ походѣ 1183 г. принимали участіе Волынскіе и Туровскіе Юрьевичи: Пинскій Ярославъ, Глѣбъ Дубровницкій и Мстиславъ Городенскій.

---

123) Ип., р. 419.
124) Ип., р. 422.

Смоленскій князь Давидъ рѣдко и неохотно выступаетъ въ походъ на Половцевъ. Степняки не могли нападать на его владѣнія, идти было до нихъ весьма далеко и поэтому онъ даже избѣгаетъ походовъ. Такъ, во время сборовъ въ одинъ изъ такихъ походовъ (1185 г.), Святославъ послалъ звать Давида. Онъ пришелъ съ Смолянами по Днѣпру и сталъ у Триполья. Но когда понадобилось еще дальше пойти, то Смоленскіе воины составили вѣче и несогласились далше идти, говоря, что они изнемогли, что походъ въ глубь степей для нихъ обременителенъ и безполезенъ, вернулись съ своимъ княземъ на родину [125]).

Между тѣмъ въ 1190 г. умеръ Кіевскій князь Святославъ Всеволодовичъ. Рюрикъ, какъ старшій въ княжескомъ родѣ, занялъ немедленно Кіевъ и послалъ оттуда къ брату въ Смоленскъ: „Братъ! мы остались старше всѣхъ въ Русской землѣ, пріѣзжай ко мнѣ въ Кіевъ; о чемъ нужно будетъ подумать про русскую землю, про братьевъ своихъ, племя Владимира, обо всемъ мы съ тобою покончимъ". Въ лѣтописи описанъ пріѣздъ князя въ Кіевъ. Давидъ съ Смолянами пріѣхалъ въ Вышгородъ. Рюрикъ позвалъ его къ себѣ въ Кіевъ на обѣдъ, послѣ обѣда далъ ему много даровъ и отпустилъ въ Вышгородъ. Потомъ пригласилъ къ себѣ Смоленскаго князя на обѣдъ Ростиславъ, сынъ Рюрика, въ Бѣлгородъ. Давидъ побывалъ и тамъ и получилъ дары. Давидъ въ свою очередь позвалъ на обѣдъ брата своего и племянниковъ и одарилъ; онъ устроилъ обѣдъ для всѣхъ монастырей, при чемъ раздалъ много милостыни и, наконецъ, у него обѣдали Черные Клубуки, степняки жившіе на южной границѣ Руси. Тогда и Кіевляне пригласили Давида къ себѣ на пиръ, чѣмъ оказали ему великую честь.

Въ свою очередь и Давидъ пригласилъ на пиръ всѣхъ Кіевлянъ и одарилъ ихъ. [126]) Послѣ этихъ пиршествъ братья уладили дѣла Русской земли, и Давидъ отправился въ Смоленскъ.

На послѣднемъ совѣщаніи Ростиславичей было, вѣроятно, рѣшено одно весьма значительное предпріятіе. Мы уже и раньше видѣли, что двое Ростиславичей владѣли большею частью тогдашней Руси. Имъ принадлежали земли къ сѣверу отъ Вышгорода, часть По-

125) Ип., р. 436.
126) Ип., р. 458.

лоцкихъ земель до границъ Великаго Новгорода; да и Новгородъ большею частью находился во власти Ростиславичей: въ немъ сидѣли ихъ сыновья. Рюрикъ владѣлъ всею Южною Русью, кромѣ Кіева и большею частью Волынской земли, наконецъ, въ союзѣ съ ними былъ Галичъ. Кромѣ того на сѣверо-западъ въ сильной Суздальской землѣ сидѣлъ тоже потомокъ Мономаха, Всеволодъ Юрьевичъ. Хотя въ послѣднее время въ Кіевѣ и сидѣлъ князь изъ семьи Ольговичей, но эта уступка была выгодна для Ростиславичей.

По смерти же Святослава, Ростиславичи задумали окончательно устранить Сѣверскихъ князей отъ права владѣть Кіевскимъ столомъ. Сговорившись со Всеволодомъ, они послали къ старшему Ольговичу Ярославу въ Черниговъ и ко всѣмъ Ольговичамъ: „Цѣлуй къ намъ крестъ со всѣми твоими братьями, что вы не будете добиваться нашей отчины Кіева и Смоленска отъ насъ, отъ нашихъ дѣтей и отъ всего нашего Владимироваго племени, какъ дѣдъ нашъ Ярославъ раздѣлилъ насъ; а Кіевъ вамъ не нуженъ“. [127]) Этого добивался еще Владиміръ Мономахъ, стараясь удержать Кіевъ въ своемъ родѣ. Его потомки нашли удобнымъ теперь исполнить его намѣреніе. Нечего и говорить что Ольговичамъ не понравилось такое предложеніе. Однакожъ они, уступая силѣ, согласились поддерживать такое раздѣленіе земель только до смерти живыхъ членовъ семьи, не ручаясь за будущее. Начались споры, переговоры, самымъ настойчивымъ поборникомъ устраненія Ольговичей отъ Кіева является Давидъ, его поддерживаетъ Всеволодъ. Ольговичи начали мириться не со всѣми вмѣстѣ, но по одиночкѣ. Прежде другихъ уступилъ Рюрикъ, который обѣщалъ еще помирить брата съ Ольговичами. Рюрикъ уступилъ Ярославу Черниговскому Витебскъ. Между прочимъ Ольговичи цѣловали крестъ также на томъ, что они не начнутъ войны, пока положеніе дѣлъ не выяснится, пока не съѣздятъ послы къ Давиду и Всеволоду.

Но Ярославъ Черниговскій нарушилъ послѣднее условіе, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ. Этотъ случай представился, когда Рюрикъ, повѣривъ крестному цѣлованію, распустилъ войска и уѣхалъ изъ Кіева въ Овручъ, по своимъ дѣламъ.

---

[127]) Ип., р. 462.

Ярославъ Всеволодовичъ послалъ своихъ племянниковъ занять Витебскъ, хотя Давидъ еще не былъ извѣщенъ объ этомъ. Ольговичи на дорогѣ напали на Смоленскія земли и начали воевать. Узнавъ объ этомъ, Давидъ отправилъ противъ Ольговичей племянника своего Мстислава Романовича и Рязанскихъ княжичей Ростислава Владимировича и зятя своего Глѣба, съ Смоленскимъ полкомъ. На второй недѣлѣ великаго поста (1195 г.) оба войска встрѣтились. Ольговичи приготовились къ битвѣ, притоптали вокругъ себя снѣгъ и ждали нападенія. Смоленскія дружины не успѣли приготовиться и бросились на Сѣверянъ и Полочанъ. Нужно замѣтить, что Полочане снова порвали союзъ съ Давидомъ, желая освободиться отъ зависимости; къ нимъ присоединился и Друцкій князь Борисъ.

Мстиславъ съ дружиною напалъ на полкъ Олега Святославича, сбилъ знамена, при чемъ сынъ Олега Давидъ былъ убитъ. Михалко, Тысяцкій князя Давида, съ Смолянами напалъ на дружины Полочанъ, но былъ отбитъ; Смоляне бѣжали. Тогда Полочане, оставивъ ихъ безъ преслѣдованія, зашли въ тылъ Мстиславова полка. Произошло замѣшательство, ибо Мстиславъ, не зная о бѣгствѣ Михалки, погнался за полкомъ Олега; погнались также и Глѣбъ съ Ростиславомъ. Мстиславъ, возвратившись одинъ на прежнее поле битвы, былъ встрѣченъ Полочанами и взятъ ими въ плѣнъ. Другіе князья бѣжали въ Смоленскъ къ Давиду. Между тѣмъ бѣжавшій уже Олегъ Святославичъ замѣтилъ, что Полочане побѣдили, вернулся къ нимъ; онъ весьма обрадовался, увидѣвъ плѣненнаго Мстислава и выпросилъ его себѣ у Бориса Друцкаго. [128]) Радостное для Ольговичей извѣстіе о побѣдѣ немедленно было отправлено къ Ярославу въ Черниговъ. Олегъ, извѣщая его прибавлялъ, чтобы онъ немедленно собрался и ѣхалъ въ Смоленскую землю; это представлялось тѣмъ болѣе удобнымъ и необходимымъ, что плѣнные Смоляне говорили Олегу, что братья теперь не въ ладахъ. Ярославъ дѣйствительно собрался и уже былъ въ дорогѣ, когда Рюрикъ прислалъ ему изъ Овруча крестныя грамоты, обвиняя его въ неисполненіи договора и угрожая пойти на Черниговъ, если онъ пойдетъ на Смоленскъ. Ярославъ не поѣхалъ къ Смоленску и, видя, что ему трудно будетъ вести борьбу съ Ростиславичами, началъ сваливать всю вину на Да-

---

128) Ип., 464—465.

вида, что онъ помогалъ Витебскому князю, зятю своему. Однако князья не уладились. Рюрикъ звалъ Всеволода напасть на Черниговскаго князя; тотъ согласился. Ярославъ предлагалъ потомъ выдать Мстислава Романовича, но все таки князья не помирились. Между тѣмъ новый союзникъ Ольговичей Романъ Владимировичъ напалъ на земли Давида, а послѣднiй, соединившись со Всеволодомъ Суздальскимъ, напали на область Вятичей, принадлежащую Ярославу, начали ее жечь и грабить. Ярославъ поспѣшилъ на помощь Вятичамъ и началъ тамъ переговоры со Всеволодомъ и Давидомъ. Послѣ долгихъ переговоровъ князья помирились, хотя Давидъ настаивалъ на продолженiи войны; Ольговичи цѣловали крестъ на томъ, что они не будутъ добиваться подъ Рюрикомъ Кiева, а подъ Давидомъ Смоленска. [129]) Такимъ образомъ, попытка потомковъ Мономаха совершенно отстранить Ольговичей отъ Кiевскаго стола не удалась.

Въ слѣдующемъ году 23 апрѣля (1197 г.) умеръ Смоленскiй князь Давидъ Ростиславичъ, 60 лѣтъ отъ роду, прокняживъ 18 лѣтъ въ Смоленскѣ. Онъ былъ похороненъ въ монастырѣ Бориса и Глѣба на Смядыни, гдѣ скончался, принявъ передъ смертью схиму. Лѣтопись прибавляетъ о немъ, что это былъ князь весьма благочестивый; онъ построилъ въ Смоленскѣ церковь арх. Михаила. Кромѣ того мы видѣли, что ему нельзя отказать въ воинственности и предпрiимчивости.

Эти послѣднiя качества имѣли дѣятельное примѣненiе въ борьбѣ съ Ольговичами. Онъ является ихъ постояннымъ врагомъ. Эта вражда обнаруживалась и поддерживалась тѣмъ, что онъ былъ особенно сильный поборникъ исключительной гегемонiи надъ Русью рода Мономаховичей. Видя, что покорить Ольговичей и силою заставитъ ихъ отказаться отъ Кiева, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ гегемонiи надъ Русью на будущее время, невозможно, онъ постарался провести эту идею посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ; но это ему не удалось. Ольговичи крѣпко держались своихъ правъ на Кiевъ; они предполагали, что со смертью настоящаго великаго князя Всеволода Суздальскаго, Кiевъ можетъ еще возвратить свое прежнее значенiе для Руси. Во всякомъ случаѣ, даже и въ это время Кiевскiй князь все же въ дѣйствительности имѣлъ большое значенiе въ дѣ-

---

[129]) Ип., 468—470.

лахъ Русской земли, хотя и называлъ Всеволода отцомъ, т. е. старшимъ. Князь Давидъ отличался твердостью характера и властолюбіемъ, при чемъ выказывалъ иногда жестокость; многія черты напоминаютъ въ немъ Андрея Боголюбскаго. Изъ его отношеній къ Смоленскому вѣчу мы знаемъ, что онъ не всегда ладилъ съ нимъ. По одному лѣтописному извѣстію, между нимъ и Смолянами была сильная распря; усмиряя вѣче, онъ поступилъ съ крайнею жестокостью: многіе изъ знатныхъ гражданъ были казнены. [130]) Возмущеніе Смоленскаго вѣча могло послѣдовать какъ вслѣдствіе личнаго характера этого князя, такъ и вслѣдствіе войнъ, которыя онъ велъ съ Ольговичами по поводу послѣдняго спора за Кіевъ. Этотъ споръ имѣлъ въ значительной мѣрѣ династическій характеръ, не касавшійся близко Смоленской земли, а между тѣмъ вовлекавшій ее въ борьбу, въ которой она страдала отъ походовъ и нападеній. Между тѣмъ Смоляне, мы знаемъ, болѣе привыкли сидѣть спокойно и заниматься торговлей. Лѣтопись рисуетъ его человѣкомъ средняго роста и красивымъ. [131]) Давидъ имѣлъ 4 сыновей: Изяслава, Константина и двухъ Мстиславовъ. Такимъ образомъ скончался послѣдній изъ Ростиславичей, занимавшій Смоленскій столъ. О судьбѣ Рюрика, своею дѣятельностью мало относящаго къ исторіи Смоленска, мы говорить не будемъ; послѣднія годы его жизни, борьба съ Романомъ, принятіе монашества и пр.,—общеизвѣстны.

Теперь вернемся нѣсколько назадъ и разсмотримъ отношенія Ростиславичей къ Новгороду и Полоцку. Общія основы ихъ политики— тѣ же, что и отца ихъ Ростислава.

Какъ только умеръ Ростиславъ, сынъ его Святославъ, сидѣвшій тогда въ Новгородѣ, понялъ, что оставаться ему далѣе нѣтъ возможности; Новгородцевъ заставили принять его, и онъ понималъ, что какъ только великій князь перемѣнился, граждане постараются отдѣлаться отъ нелюбимаго князя. Вотъ почему Святославъ ушелъ въ Луки тайно, пославъ оттуда свой отказъ Новгородцамъ. Послѣдніе собрались, чтобы прогнать его изъ своихъ предѣловъ, но онъ ушелъ въ Торопецъ, откуда отправился на верховья Волги, гдѣ съ помощью Андреевой дружины разорилъ Торжокъ. Братья его въ союзѣ съ Андреемъ рѣши-

---

130) Новгор.,
131) Ип., 471.

лись поддержать Святослава „силою местяце въ городъ“. Романъ и Мстиславъ пожгли Луки; пословъ Новгородскихъ, пытавшихся пройти къ Мстиславу Изяславичу въ Кіевъ за княземъ, перехватывали. Наконецъ, Новгородцы, чтобы совершенно обезсилить партію Святославову, убили важнѣйшихъ ея представителей, посадника Захарія, Неревина и Нѣзду, вступили въ борьбу противъ соединенныхъ силъ Суздальцевъ, Смолянъ и Полочанъ (вѣроятно, тѣхъ изъ удѣловъ послѣднихъ, которые находились подъ вліяніемъ Смоленска), посольство ихъ пробралось черезъ западныя Полоцкія владѣнія въ Кіевъ и въ слѣдующемъ, наконецъ, году Новгородцы получили князя—Романа Мстиславича. [132])

Но коалиція князей противъ Новгорода не прекратилась. Какъ извѣстно, это было время борьбы Андрея и Ростиславичей съ Мстиславомъ Изяславичемъ Кіевскимъ и разоренія Кіева. Борьба эта отразилась и на Новгородцахъ, которые должны были выдержать осаду соединенныхъ силъ Суздальцевъ, Смольнянъ, Муромцевъ, Полочанъ, и др. „и вся земля просто Русьская“, говоритъ Новгородскій лѣтописецъ. Осада эта кончилась неудачею для союзниковъ. [133])

Какъ извѣстно, Кіевъ былъ разоренъ, Мстиславъ Изяславичъ потерялъ силу и Новгородцы, хотя и отстояли сына его, но не могли устоять противъ дороговизны, бывшей слѣдствіемъ вражды съ Андреемъ и Ростиславичами: они отказались отъ Романа и приняли Рюрика Ростиславича. Послѣдній остался вѣренъ политикѣ отца и братьевъ; изъ распоряженій его видно, что онъ также стремился поддержать боярскую партію: онъ отнялъ посадничество у Жирослава и далъ Иванку, сыну того самого Захарія, котораго Новгородцы казнили за приверженность къ Ростиславичамъ. Но Рюрикъ просидѣлъ всего нѣсколько мѣсяцевъ въ Новгородѣ, откуда опять отправился въ 1171 г. въ Кіевщину. [134])

Однако, чрезъ нѣкоторое время партія Ростиславичей снова беретъ верхъ въ Новгородѣ, Новгородцы обращаются въ 1178 г. къ Роману съ предложеніемъ занять столъ; онъ согласился, но ушелъ

---

[132]) Новгор., 146—7. „И болши вражды бысть на Мстислава отъ братьѣ“ замѣчаетъ Ипат. лѣтоп. по поводу занятія Новгорода Романомъ, р. 372.

[133]) Новгор., 149, Ипат., 382.

[134]) Новгор., 150.

въ томъ же году въ Смоленскъ, и тогда Новтородцы обратились къ брату его, знаменитому Мстиславу. Послѣдній долго не соглашался, но наконецъ, уступилъ просьбамъ жителей и убѣжденіямъ братьевъ. [135]) Кратковременное княженіе его на новомъ столѣ посвящено было удачному походу на Чудь и Полоцкъ; походъ на послѣдній былъ остановленъ заступничествомъ Романа. Но во внутреннихъ дѣлахъ и этотъ князь былъ вѣренъ традиціямъ предшественниковъ изъ своей линіи: послѣ его смерти граждане отняли посадничество у Завида Неревинича, [136]) сына того Неревина, котораго убили Новгородцы за сношенія съ Святославомъ. Такимъ образомъ и Мстиславъ держался той же партіи—боярской, что и его предшественники.

Въ томъ же 1148 г. Мстиславъ Ростиславичъ умеръ. Южная лѣтопись, вообще съ большими симпатіями относящаяся къ Ростиславичамъ, описываетъ глубокую печаль Новгородцевъ о потерѣ князя, но сѣверная лишь сухо сообщаетъ объ этомъ событіи. Впрочемъ, разсказъ южной лѣтописи отличается риторизмомъ, хотя и довольно правдивъ, такъ какъ на югѣ лучше знали этого князя—дружинника. [137])

На нѣкоторое время Новгородъ переходитъ въ руки Ольговичей Черниговскихъ, которые и пользовались помощью его въ борьбѣ съ Давидомъ Смоленскимъ, защищавшимъ Друцкъ. [138]) Но Давидъ былъ въ союзѣ съ Всеволодомъ Ростовскимъ и Новгородцы жестоко поплатились разореніемъ Торжка за союзъ съ Ольговичами. [139]) Это заставило ихъ снова обратиться къ Ростиславичамъ, именно къ Давиду, съ приглашеніемъ на княженіе; Смоленскій князь послалъ туда сына своего Мстислава. [140]) Но и этотъ представитель уже третьяго

---

[135]) Новгор. 156, Ипат., 411.

[136]) Новгор., 156.

[137]) Новгор., 156; вотъ какъ описываетъ этого князя Ипат. лѣтопись: „плакавъшеся надъ нимъ все множьство Новгородьское, и силнии и худии, и нищии, и убозѣи, и чернориэьсцѣ, бѣ бо милостивъ на вся нищая; и тако разидошася во своя домы. Сий же благовѣрный князь Мьстиславъ, сынъ Ростиславль, възрастомъ середний бѣ, и лицемъ лѣпъ, и всею добродѣтелью украшенъ и благонравенъ, и любовь имяше ко всимъ, паче же милостыни прилежаше, монастырѣ набдя, чернецы утѣшивая.... Бѣ бо любезнивъ на дружину, и имѣния не щадяшеть и не сбирашеть злата ни сребра, но даяше дружинѣ своей.... не бѣ бо тоѣ землѣ в Руси, которая же его не хотяшеть, ни любяшеть, но всегда бо тосняшеться на великая дѣла", р. 414.

[138]) Ип., 419—20.

[139]) Новгор., 156.

[140]) Новгор., 159.

поколѣнія Смоленскихъ князей держался старой политики своихъ предшественниковъ, поддерживая свою боярскую партію въ ущербъ другимъ элементамъ населенія. Новгородцы были имъ недовольны, происходила, очевидно, оживленная борьба партій, слѣдствіемъ которой было то, что уже упомянутый приверженецъ Смоленскихъ князей Завидъ Неревеничъ, снова занявшій посадничество, долженъ былъ удалиться къ Давиду въ Смоленскъ,[141]) а братъ его Гаврило былъ убитъ вмѣстѣ съ какимъ то Вячей Свеничемъ.[142]) Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ борьбы партій было то, что въ 1187 г. и самого князя Новгородцы „выгнаша".[143])

Съ этого времени Новгородъ становится все въ большую и большую зависимость отъ Суздаля, вліяніе Смоленскихъ князей уменшается, особенно со смертью Давида.

Въ отношеніи къ Полоцку политика Ростиславичей стремится къ тому, чтобы, подчинить и упрочить свое владѣніе надъ различными удѣлами этой земли, помогая то одному, то другому изъ князей, а, можетъ быть, и поселяя вражду между ними. Давидъ, являющійся главнымъ представителемъ Смоленскихъ князей въ ихъ спошеніяхъ съ Полоцкими, не только успѣлъ поддержать вліяніе надъ этой землею, котораго достигъ отецъ его, но пользовался еще большимъ.

Мы уже видѣли, что Давидъ въ 1165 г. сѣлъ въ Витебскѣ, къ концу же XII ст. этотъ князь постоянно вмѣшивался въ дѣла Полоцка, поддерживалъ на этомъ столѣ Всеслава Васильковича въ противовѣсъ другимъ претендентамъ, и т. д. Вопросъ о Полоцко-Смоленскихъ отношеніяхъ мы, чтобы не повторяться, оставляемъ до слѣдующей главы.

---

[141]) Новгор., 160.
[142]) Новгор., 161.
[143]) Новгор., 162.

III.

Обратимся теперь къ судьбамъ Полоцкой земли.

Борьба съ Половцами въ княженіе Ярополка Владимировича, съ началомъ котораго возвратились изъ Греціи Полоцкіе князья, послѣдующая за его смертью борьба въ семьѣ Мономаховичей и другія важныя событія на югѣ и востокѣ совершенно отвлекаютъ вниманіе нашихъ лѣтописей отъ событій Полоцкихъ. Извѣстія дѣлаются болѣе обильными только къ концу XII вѣка, да и то на короткое время. Возвратившіеся князья теперь уже держатся совершенно иной политики, они стараются завести дружественныя сношенія и съ Мономаховичами и съ Ольговичами. Такъ, когда нелюбимый Новгородцами Всеволодъ Мстиславичъ въ 1137 г. шелъ съ братомъ Святополкомъ черезъ Полоцкъ въ Новгородъ, Василько Полоцкій „самъ выиха къ нему и проводи его съ многого честію, заповѣда же ради Бога забы злобу отца ихъ Мстислава" [1]). Но 1140 г. на Полоцкъ бѣжитъ изъ Новгорода Святославъ Ольговичъ [2]). Въ своемъ стремленіи пріобрѣсти покровителей среди сильныхъ князей, Полоцкіе Всеславичи роднятся съ Ольговичами и Мономаховичами: въ 1143 г. Всеволодъ взялъ за сына своего дочь Василька Полоцкаго, а Изяславъ въ томъ же году отдалъ дочь свою за Рогволода Борисовича [3]). Войска Полочанъ встрѣчаются какъ вспомогательныя въ походахъ великихъ князей; такъ, ихъ войска были съ Ярополкомъ въ походѣ его на Черниговъ 1138 г. [4]), въ походѣ Изяслава на Ту-

---

[1]) Тверская лѣт. (П. С. Р. Л. т. XV), p. 199.

[2]) Ип., 220.

[3]) Ип., 229.

[4]) Никон. (П. С. Л. т. IX), p. 162.

ровъ въ 1157 г. [5]). Такимъ образомъ, Полоцкіе князья находятся въ подчиненномъ положеніи къ великимъ князьямъ; они подпадаютъ, какъ мы уже видѣли, вліянію сосѣднихъ сильныхъ Смоленскихъ князей при Ростиславѣ; вліяніе это при Давидѣ на время переходитъ въ довольно значительную зависимость.

Что касается внутренняго положенія земли, то со времени возвращенія Полоцкихъ князей до половины XII ст. лѣтописи вовсе не упоминаютъ объ этой сторонѣ жизни. Въ 1143 г. лѣтопись называетъ Васильковну дочерью Полоцкаго князя и Рогволода Борисовича также помѣщаетъ въ Полоцкѣ. Поэтому, кто изъ князей, Василько или Рогволодъ, занимали тогда Полоцкій столъ,—опредѣлить трудно. Вѣроятно, послѣдній смѣнилъ перваго около этого времени, такъ какъ названіе жены сына Всеволода Полоцкою княжною не указываетъ еще на то что Василько живъ еще былъ въ то время и владѣлъ этимъ удѣломъ. Какъ бы то ни было, но въ 1151 г. мы видимъ на Полоцкомъ столѣ Рогволода Борисовича. Полочане „яша“ этого князя, сослали въ Минскъ, а избрали Ростислава Глѣбовича. Но понимая, что Рогволодъ могъ найти себѣ защитниковъ, они въ тоже время снеслись съ Святославомъ Ольговичемъ, отдались подъ его покровительство „яко имѣти его отцемъ себѣ и ходити въ послушаньи его“ [6]).

Рогволодъ скоро освободился изъ заключенія въ Минскѣ и въ 1159 г. является уже въ Слуцкъ, который тогда принадлежалъ Святославу Ольговичу, и съ помощью этого послѣдняго, съ его полкомъ, направился въ Друцкъ. Вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ Святославъ изъ покровителя Ростислава сдѣлался его врагомъ и оказалъ помощь его противнику,—мы уже говорили.—Въ Друцкѣ въ

---

5) Никон., 209.

6) Ипат., 308. Въ Воскресенской лѣтописи подъ 6654 г. занесено извѣстіе „а Глѣба взяли съ Рязани на Друческъ“ (П. С. Р. Л., т. VII, р. 242). Упоминаемый здѣсь Глѣбъ — сынъ Ростислава Рязанскаго, изгнаннаго въ этомъ году Андреемъ Боголюбскимъ. Затѣмъ подъ 6667 г. снова находимъ извѣстіе: „Дрючане Глѣба отъ себя выгнаша, а у себе посади Рогволода Борисовича, внука княжь Юрьева Долгорукова, а Глѣбъ иде опять на Резань“ (ibid.) Это извѣстіе находится въ отрывкѣ „Начало Государей православныхъ“. Недоразумѣніе, происшедшее здѣсь въ именахъ князей, ясно: сѣверный компиляторъ встрѣтилъ подъ 6667 г. извѣстіе объ изгнаніи Глѣба Ростиславича Дручанами. принялъ этого Глѣба за сына извѣстнаго ему князя Рязанскаго, а подъ 6654 г. извѣстіе объ изгнаніи этого послѣдняго дополнилъ собственнымъ соображеніемъ о томъ, что изгнанному Глѣбу Дручане предложили свой столъ. а гдѣ жили эти Дручане, онъ, конечно, не зналъ.

это время княжилъ сынъ Ростислава Глѣбъ. При приближеніи Рогволода партія его въ Друцкѣ взяла перевѣсъ; къ Дручанамъ присоединились и Полочане, приглашая князя. Они говорили ему: „князь, поѣзжай, не медли, мы рады биться за тебя и съ дѣтьми!“ Болѣе 300 приверженцевъ выѣхало къ нему на встрѣчу, остальные изгнали Глѣба, разграбили его и дружины имущество. Рогволодъ утвердился въ важнѣйшемъ изъ удѣловъ. Тогда и въ самомъ Полоцкѣ приверженцы его начали дѣйствовать въ пользу своего князя. Ростиславъ между тѣмъ замѣтилъ волненіе въ городѣ, собралъ гражданъ, снова заставилъ ихъ цѣловать крестъ, а самъ съ братьями Всеволодамъ и Володаремъ отправился на Рогволода къ Друцку. Но походъ былъ неудаченъ, Дручане успѣли отбиться и враждующіе князья заключили миръ. Но и миръ былъ непроченъ. Полочане снова „съвѣтъ зълъ свѣщаша“; они послали къ Рогволоду, побуждая его идти къ Полоцку, извинялись за прежній свой поступокъ съ нимъ и обѣщали выдать ему Глѣбовичей. На слѣдующій день послѣ вѣча, граждане пригласили Ростислава, находившагося тогда въ пригородномъ селѣ Бѣльчицахъ, на совѣтъ въ городъ, подъ предлогомъ, что имѣютъ къ нему какое то дѣло. Въ дѣйствительности же они хотѣли схватить князя. Когда послѣдній уже отправился и былъ недалеко отъ города, къ нему прискакалъ одинъ изъ дѣтскихъ съ извѣстіемъ, что въ городѣ собралось противъ него вѣче, и хотятъ схватить его; тогда Ростиславъ возвратился въ Бѣльчицы, собралъ дружину и ушелъ къ брату Володарю въ Минскъ, разоряя страну на пути. Рогволодъ занялъ Полоцкъ. Но онъ рѣшилъ ослабить своего противника, чтобы отнять надежду у его партіи на возвращеніе. Рогволодъ собралъ Полочанъ, получилъ помощь отъ Ростислава Смоленскаго, приславшаго ему своихъ сыновей Романа и Рюрика съ Новгородцами и Смольнянами, и отправился къ Минску. На пути же прежде всего осадилъ онъ Изяславль, въ которомъ княжилъ Всеволодъ Глѣбовичъ; послѣдній князь былъ въ дружбѣ съ Рогволодомъ и потому безъ долгаго сопротивленія вышелъ къ нему, примирился съ нимъ. Рогволодъ удѣлъ его Изяславль передалъ Брячиславу Васильковичу, а Всеволоду далъ Стрѣжевъ. Отсюда онъ отправился къ Минску, осадилъ здѣсь Ростислава, но черезъ 10 дней заключилъ и съ нимъ миръ [7]).

[7]) Ип., 338—341, Густынская, 305, Никон., 211.

Борьба Борисовича съ Глѣбовичами и на этотъ разъ не прекратилась. Послѣдніе не желали удовольствоваться своею отчиною и потому въ томъ же году они напали на младшихъ Васильковичей, Володшу и Брячислава, плѣнили ихъ въ Изяславлѣ и отвели въ Минскъ [8]). Это обстоятельство заставило Рогволода лѣтомъ слѣдующаго года отправиться на Минскъ, при чемъ онъ воспользовался помощію Ростислава Смоленскаго, приславшаго ему 600 конныхъ торковъ подъ начальствомъ воеводы Жирослава Нажировича; торки скоро ушли, но Рогволодъ продолжалъ осаду города въ продолженіи 6 недѣль, пока наконецъ недостигъ своей цѣли, не заключилъ мира „по своей воли"; результатомъ было освбожденіе братьевъ Володши и Брячислава [9]). Борьба между двумя линіями продолжалась и въ слѣдующемъ году. Рогволодъ снова ходилъ къ Минску и „створи миръ" съ Ростиславомъ [10]).

Наконецъ, и Рогволодъ рѣшилъ бороться съ своими противниками по одиночкѣ. Онъ выступилъ въ 1162 г. на самого дѣятельнаго изъ нихъ Володаря и осадилъ его въ удѣльномъ его городѣ Городцѣ. Володарь уклонился днемъ отъ сраженія, но ночью напалъ на Полочанъ и нанесъ имъ съ помощью Литвы сильное пораженіе. Рогволодъ убѣжалъ въ Слуцкъ, оттуда перешелъ въ свой удѣлъ Друцкъ, оставивъ намѣреніе утвердиться въ Полоцкѣ: „а Полотьску не смѣ ити, занеже множьство паде Полочанъ", поясняетъ лѣтопись [11]). Неудачная борьба съ Глѣбовичами ослабила энтузіазмъ, возбужденный въ Полоцкѣ, когда Рогволодъ прибылъ въ Друцкъ; поддержка, оказанная ему Святославомъ была незначительна, Ростиславъ Мстиславичъ также слабо помогалъ ему, а между тѣмъ Полочанамъ приходилось выдерживать тягостную войну съ другою линіею, не желавшею уступить первенства. Все это ослабило партію Рогволода, онъ понялъ это и удалился въ Друцкъ, а Полочане избрали Всеслава Васильковича [12]).

Князь этотъ, княжившій до сего времени въ Витебскомъ удѣлѣ, держался во время только что описаной борьбы за Полоцкъ въ сто-

---

8) Карамзинъ, II, прим. 407, p. 162. Намекъ у Татищева, III, 120, повторенный и Екат. II, p. 346, т. V.

9) Ип., 340.

10) Ип., 351.

11) Ип., 355.

12) Ип., 360—361.

ропѣ отъ нея. Съ избраніемъ этого князя Полочане получили сильную поддержку на нѣкоторое время въ князьяхъ Смоленскихъ, покровительствовавшихъ Всеславу. Съ него начинается особенно сильное вліяніе въ Полоцкѣ Смоленска. Самое появленіе его на Полоцкомъ столѣ сопряжено было, повидимому, съ уступкой Смоленскимъ князьямъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1162 году онъ занимаетъ Полоцкій столъ, а въ 1165 г. Давидъ Ростилавичъ занялъ Витебскъ. Потому не безъ вѣроятности слѣдуетъ предположить, что уступка Витебска была сопряжена съ поддержкою, которую оказалъ Смоленскъ въ этомъ случаѣ, и также съ цѣлью пріобрѣсть себѣ въ Смоленскихъ князьяхъ вѣрнаго покровителя въ борьбѣ за Полоцкъ. Занятіе Витебска Давидомъ могло произойти непосредственно послѣ занятія Всеславомъ Полоцка въ 1162 г., потому что лѣтописная замѣтка подъ 1165 г. о томъ, что Давидъ „сѣде" въ этомъ удѣлѣ, не указываетъ вовсе на время занятія имъ стола, а только лишь на владѣніе. И дѣйствительно, Всеславъ, какъ сейчасъ увидимъ, болѣе чѣмъ кто либо изъ князей Полоцкихъ, пользовался защитой и поддержкою Смоленска.

Такъ, когда въ 1167 г. Володарь Глѣбовичъ направился къ Полоцку и вышедшій ему на встрѣчу Всеславъ съ Полочанами былъ разбитъ, послѣдній бѣжалъ къ Давиду въ Витебскъ. Изъ обстоятельствъ похода можно, кромѣ того, видѣть, что при первомъ извѣстіи о движеніяхъ Володаря, Давидъ послалъ Всеславу помощь: „не да ему съвъкупитися (Володарь—Всеславу, очевидно съ Давидомъ) и вдари на нихъ изнезапы".

Разбивъ Всеслава, Володарь занялъ Полоцкъ, утвердился въ немъ („цѣлова крестъ съ Полтьцаны") и сейчасъ же направился къ Витебску на Давида и Всеслава.

Войска встрѣтились на берегахъ какой то рѣки. Давидъ оттягивалъ время, не желалъ вступать въ битву, выжидая брата своего Романа съ Смольнянами. Но ночью произошло смятеніе въ лагерѣ Володаря „въ полунощи бысть громъ силенъ, яко воемъ бродящемся чересъ рѣку, и страхъ нападе на воя Володаревы"— вслѣдствіе чего они и разбѣжались. На утро Давидъ, узнавъ о случившемся, послалъ въ погоню за бѣжавшими. Случайная побѣда надъ противникомъ дала возможность Всеславу снова занять Полоцкъ. Давидъ, по выраженію лѣтописи „посла" его туда, что указываетъ на значительную зависимость Полоцкаго князя.

Нельзя не обратить вниманія и на то, что держаніе Витебска Давидомъ было дѣломъ не его личнымъ; это дѣло было всей Смоленской земли, всѣхъ Ростиславичей, которые при первой надобности шли на поддержку Всеслава и Давида. Дѣйствительно, Витебскъ, какъ уже мы не разъ указывали, занималъ весьма видное положеніе при великомъ водномъ пути, онъ давалъ возможность Смоленскимъ князьямъ производить. въ случаѣ надобности, экономическія репрессаліи на Новгородъ, такъ же, какъ мы видѣли, служившій предметомъ стремленій Ростислава и его сыновей.

Вслѣдствіе сильной поддержки, оказанной Всеславичамъ, Смоленское вліяніе въ Полоцкѣ дѣлается преобладающимъ, но это вліяніе было таково, что Полоцкъ находился въ болѣе или менѣе подчиненномъ отношеніи къ Смоленску. Такъ, мы видимъ Полочанъ въ походахъ Смоленскихъ князей за Святослава Ростиславича на Новгородъ [13]). Союзъ съ Смоленскомъ и поддержка, оказываемая ему со стороны Полоцка, вовлекаетъ послѣдняго въ борьбу съ Новгородомъ. Едва только Новгородцы успѣли на время освободиться отъ Смоленскихъ Ростиславичей, какъ подъ предводительствомъ князя своего Романа Мстиславича, сына Мстислава Изяславича, предприняли походъ на Полоцкія владѣнія, часть которыхъ успѣли опустошить безъ сопротивленія. Оттуда они напали на Торопецкую волость [14]). Полочане сами не могли вступить въ борьбу съ сильнымъ сѣвернымъ княжествомъ. Да въ этомъ для нихъ не было и необходимости, такъ какъ въ этотъ самый періодъ шла борьба Ростиславичей съ Новгородомъ въ союзѣ съ Андреемъ Суздальскимъ. Потому, Полоцкіе Васильковичи, разъ соединивъ свои интересы съ интересами своихъ покровителей, являются въ общемъ походѣ Ростиславичей и Андрея на Новгородъ [15]), кончившемся, какъ извѣстно, неудачей.

Лѣтопись упоминаетъ о томъ, что Полоцкіе князья, по приказанію Андрея, ходили въ 1174 году на Ростиславичей подъ Вышгородъ [16]), однако это обстоятельсто не разорвало установившихся между обѣими линіями отношеній, хотя, быть можетъ, въ названномъ походѣ и участвовали Васильковичи. Интересно извѣстіе

---

13) Никон., 235.
14) Никон., 236.
15) Никон., 241.
16) Ип., 391.

нашихъ лѣтописей, что Ярополкъ Ростиславичъ Владимирскій, вознамѣрившись жениться на дочери Всеслава, „пославъ къ Смоленску поя за ся“ 17). Такимъ образомъ, дочь Всеслава жила въ Витебскѣ у князей Смоленскихъ. Это обстоятельство, кромѣ указанія на существующія отношенія, намекаетъ и на то, что дочь Всеслава удерживалась въ Смоленскѣ, быть можетъ, съ цѣлью держать въ большей зависимости Полоцкаго князя.

Заступничество Смоленскаго князя предотвратило бѣду, грозившую Полоцку со стороны Новгорода. Когда въ послѣднемъ началъ княжить Мстиславъ Ростиславичъ и воодушевленіе народное сильно поднялось при первыхъ успѣхахъ гражданъ подъ предводительствомъ этого князя, Новгородцы рѣшили отмстить своему сосѣду за постоянную помощь, оказываемую его врагамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Полоцкъ не только своимъ участіемъ въ походѣ съ Ростиславичами на Новгородъ могъ приносить послѣднему вредъ, но едвали не болѣе былъ опасенъ для него своимъ участіемъ въ коалиціяхъ, составляемыхъ Суздальскими и Смоленскими князьями, о чемъ уже была рѣчь. Подрывъ въ торговлѣ, прекращеніе ввоза хлѣба и пр. со стороны Полоцка не менѣе гибельно дѣйствовали на благосостояніе Новгорода. Естественно, что жители послѣдняго стремились при всякомъ удобномъ случаѣ, отомстить сосѣду; на одну изъ такихъ попытокъ мы уже указали.

Теперь настало, повидимому, для Новгородцевъ наиболѣе удобное время. Князь Мстиславъ Ростиславичъ былъ извѣстенъ всей Руси своею храбростью и своимъ стояніемъ за неправды и обиды. Мстиславъ больше дорожилъ интересами своихъ гражданъ, на сторонѣ которыхъ была правда, чѣмъ интересами своихъ братьевъ, защищавшихъ Полоцкъ. Вотъ почему онъ предпринимаетъ этотъ походъ. Предлогъ къ нему, указываемый лѣтописями, что будто бы Мстиславъ отправился на Всеслава за то, что дѣдъ послѣдняго, знаменитый чародѣй, когда то ограбилъ Новгородъ,—конечно, не имѣетъ основанія и, вѣроятно, Новгородцы только вспомнили объ этой обидѣ подъ вліяніемъ послѣднихъ событій; быть можетъ, такое объясненіе было пущено въ ходъ еще и потому, чтобы воодушевить чернь и, съ другой стороны, замаскировать истинную экономическую причину похода отъ

---

17) Ип., 495.

Ростиславичей. Но едва только Мстиславъ дошелъ до Лукъ, какъ братъ его Романъ, услышавъ о походѣ, немедленно послалъ къ Всеславу въ помощь сына своего Мстислава, а самъ послалъ сказать брату: „обиды тебѣ нѣтъ, но если хочешь идти на его (Всеслава), то прежде пойди на меня". Предлогъ войны, выставленный Новгородцами, былъ, конечно, не убѣдителенъ для Романа, понимавшаго сущность дѣла. Новгородцы увидѣли, что спорить имъ трудно при такой энергической защитѣ, и отступили [18] (1178 г.). Такимъ образомъ Полочане избавлялись отъ неравной борьбы.

Мы уже указывали, что въ Полоцкой землѣ происходила борьба представителей трехъ семей: Васильковичей, Глѣбовичей и Борисовича Рогволода. Въ началѣ борьбы Смоленскіе князья, какъ мы видѣли поддерживали Рогволода, но затѣмъ Всеслава. Какъ тогда разрывъ Смоленскаго князя съ Рогволодомъ произошелъ по какимъ то внутреннимъ причинамъ, о которыхъ лѣтопись умалчиваетъ, такъ теперь произошелъ разрывъ Всеслава съ Давидомъ, а послѣдній тѣсно соединяется съ Друцкимъ княземъ Глѣбомъ Рогволодовичемъ. Истинную причину трудно указать; быть можетъ, самъ Всеславъ, утвердившись съ братьями въ своихъ удѣлахъ, сталъ тяготиться большою зависимостью отъ Смоленска. Во всякомъ случаѣ, причина разлада скорѣе могла происходить отъ него, такъ какъ Давиду было невыгодно мѣнять свое вліяніе надъ Полоцкомъ и другими двумя удѣлами Васильковичей, Логожскомъ и Изяславлемъ, на небольшой удѣлъ Рогволода, потерявшаго притомъ вліяніе въ самомъ Полоцкѣ.

Какъ бы то ни было, но въ 1180 году, началась у Давида и Всеволода Юрьевича борьба съ Черниговскими князьями, старшими изъ которыхъ были Всеволодъ и Святославъ; о причинахъ вражды Ольговичей съ Давидомъ мы уже говорили. Первые, минуя собственно Смоленскія земли, рѣшились напасть на Друцкъ, очевидно, разсчитывая нанести ударъ Давиду съ болѣе слабой стороны. Сначала туда двинулись Ярославъ Всеволодичъ и Игорь Святославичъ съ отрядомъ Половцевъ. Святославъ въ это время находился въ Новгородѣ и готовилъ сѣверное ополченіе. Но онъ предварительно заключилъ союзъ съ разными Полоцкими удѣльными

[18]) Ип., 412, Новгор., Никон. X, 6.

князьями, изъ которыхъ главными союзниками являются Васильковичи, Всеславъ съ Полочанами, Брячиславъ съ Витеблянами, Всеславъ Микуличъ съ Логожанами; кромѣ того сынъ Владимира Андрей, племянникъ его Изяславъ и Василько Брячиславичъ. Всѣ они, соединившись, прошли мимо Друцка къ сѣверу, чтобы соединиться съ Святославомъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что почти всѣ Полоцкіе князья, прежніе союзники и даже подручники Давида, теперь соединились противъ него. Давидъ съ своимъ полкомъ быстро двинулся къ Друцку и занялъ его. Здѣсь въ это время уже княжилъ сынъ Рогволода Глѣбъ. Давидъ хотѣлъ немедленно сразиться съ Ярославомъ и Игоремъ, пока они неуспѣли соединиться съ Святославомъ и Полоцкими князьями. Но Ярославъ и Игорь уклонились отъ сраженія, выбрали возвышенное мѣсто на берегу Друти, стали тамъ; Давидъ сталъ на противоположномъ берегу, но дѣйствовалъ нерѣшительно. Дѣло пока ограничивалось незначительными схватками и перестрѣлкою чрезъ Друцкъ. Въ этомъ прошла недѣля. Тогда явился Святославъ съ Новгородскимъ ополченіемъ и союзниками, началъ гатить Друть съ тѣмъ, чтобы напасть на Давида. Послѣдній, недождавшись сраженія, не надѣясь справиться съ болѣе многочисленными противниками, убѣжалъ ночью въ Смоленскъ. Однако и союзники не могли воспользоваться бѣгствомъ защитника Друцка. Святославъ сжегъ передовыя укрѣпленія города, но опасаясь нападенія Ростиславичей на собственныя Черниговскія владѣнія, двинулся на югъ, отпустивъ Новгородцевъ [19]).

Такимъ образомъ Смоленскій князь потерпѣлъ пораженіе, но противники его торжествовали недолго. Полоцкаго князя Давидъ рѣшился поставить въ зависимость отъ себя болѣе энергичными мѣрами. Онъ въ 1186 году направился на Полоцкъ; съ нимъ пошелъ и упомянутый Василько и Друцкій князь Всеславъ, вѣроятно, Рогволодовичъ; съ сѣвера съ Новгородцами шелъ на Полоцкъ сынъ Давида Мстиславъ. Полочане сойдясь на вѣче рѣшили, что „неможемъ противустоять Новгородцамъ и Смольнянамъ; если мы впустимъ ихъ въ землю свою, то хотя и заключимъ миръ съ ними, всетаки много зла сотворятъ намъ, опустошатъ нашу землю, идя на насъ; пойдемъ къ нимъ на сумежіе“. Дѣйствительно, Полочане

[19]) Ип., 419—20, Новгор. 158, Твер. 267.

встрѣтили ополченіе Смоленское и Новгородское на границѣ: „и срѣтоша я на межахъ съ поклономъ и честію и даша дары многа". Дѣло уладилось безъ борьбы, миръ былъ заключенъ [20]).

Неизвѣстно, какія обязательства приняли на себя Полочане при заключеніи мирныхъ условій; найболѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе, что Давиду былъ уступленъ въ этотъ разъ Витебскъ, какъ сейчасъ увидимъ. Самъ же Полоцкъ, если и принялъ какія либо обязательства, то держался ихъ недолго, и уже подъ 1191 годомъ лѣтопись разсказываетъ, что Новгородскій князь Ярославъ Владимировичъ, въ сопровожденіи „передней" дружины Новгородской, сошелся съ князьями Полоцкими на границѣ и здѣсь они заключили союзъ, "положили любовь", между собою съ тѣмъ, чтобы на лѣто отправиться вмѣстѣ либо на Чудь либо на Литву. Ярославъ дѣйствительно ходилъ на Чудь, но выполнили ли свое условіе Полочане—лѣтопись не упоминаетъ [21]).

Этотъ союзъ съ Новгородомъ показываетъ, что Полочане стремились пріобрѣсти себѣ союзника противъ Смоленска: они дали дары Новгородскому князю и согласились идти съ нимъ на Литву илиЧудь, между тѣмъ какъ имъ самимъ небыло причинъ для этихъ походовъ, такъ что дары и походъ, быть можетъ, были со стороны Полочанъ только услугой за союзъ. Торжественное шествіе Ярослава къ границѣ Полоцкой, привлеченіе „переднихъ" Новгородскихъ мужей къ заключенію мирныхъ условій, едва ли неуказываетъ на то, что совѣщанія о походѣ на Чудь небыло главнымъ предметомъ обсужденія собравшихся представителей двухъ сосѣднихъ народоправствъ. Сущность совѣщаній слѣдуетъ видѣть гораздо глубже: здѣсь Полочане и Новгородцы старались заключить союзъ противъ Ростиславичей, подавлявшихъ свободу тѣхъ и другихъ.

Смоленское вліяніе на Полоцкъ и его удѣлы, какъ уже мы видѣли, падаетъ, князья его пытаются вступить въ союзъ съ Ольговичами и оказываютъ имъ значительную поддержку. Но Ольговичи, съ своей стороны, плохо поддерживаютъ Полочанъ и лишь пользуются ихъ помощью во время нашествій на Давида, неоказывая имъ помощи въ свою очередь. Послѣднимъ походомъ своимъ, какъ

---

[20]) Лаврент., 383, Лѣтоп. Оболенскаго, 100, Никон. X, 17, Новгор. 160.
[21]) Новгор. 164, Тверск., 280, Никон. X, 19, Лѣтоп. Даниловича, 122—3.

мы видѣли, Давидъ достигъ того, что ему былъ уступленъ Витебскъ; хотя въ условіяхъ о мирѣ объ этомъ неговорится, но уступка эта ясна и такъ. Въ походѣ 1180 г. Ольговичей на Друцкъ мы видимъ въ числѣ ихъ союзниковъ Брячислава Васильковича изъ Витебска. А въ 1195 г., т. е. 4 года спустя послѣ Давидова похода, Витебскъ находился уже въ безусловной зависимости у Смоленскихъ князей. Когда начались извѣстныя уже намъ переговоры о Кіевскомъ столѣ между Ольговичами и Ростиславичами, первые, очевидно, сильно добивались завладѣнія Витебскомъ. Это вполнѣ понятно, потому что они тогда имѣли бы въ своемъ владѣніи городъ, находящійся въ самой землѣ Полоцкой, моглибы значительно усилить свое вліяніе въ этой области и постоянно мѣшать политическимъ видамъ Смоленскаго князя. Рюрикъ Ростиславичъ уступилъ Витебскъ Ольговичамъ, но съ тѣмъ, что онъ предварительно переговоритъ съ Давидомъ. Ольговичи же поторопились занять городъ. Ярославъ послалъ туда племянника своего Олега Святославича, къ нему присоединились разные удѣльные Полоцкіе князья. Давидъ послалъ подъ начальствомъ Мстислава Романовича войска, которыя, благодаря успѣху Полочанъ, и потерпѣли пораженіе; Мстиславъ Ростиславичъ былъ взятъ въ плѣнъ [22]).

Въ какомъ отношеніи къ Давиду находился Витебскъ, видно изъ того, что Ростиславичи распоряжаются имъ какъ своимъ городомъ, хотя и былъ здѣсь свой князь, зять Давидовъ, вѣроятно, одинъ изъ князей Полоцкихъ. Карамзинъ называетъ его Василькомъ [23]).

Хотя, какъ извѣстно, Давиду и удалось удержать за собою Витебскъ, однако вліяніе его на Полоцкую землю, какъ мы видѣли, все болѣе и болѣе ограничивалось; онъ, потерявъ вліяніе надъ самимъ Полоцкомъ, поддерживалъ Друцкихъ князей, но одинъ изъ нихъ Борисъ Рогволодовичъ былъ въ числѣ союзниковъ Ольговичей и плѣнилъ Мстислава Романовича во время только что описаннаго похода.

Такимъ образомъ, Давидъ потерялъ значеніе и въ Друцкѣ, удержавъ только Витебскъ и то какъ подвластный уже городъ.

Описывая послѣднія событія, наши лѣтописи вовсе не упоминаютъ имени Полоцкаго князя. Это дало поводъ къ самимъ разнообразнымъ предположеніямъ. Всѣмъ извѣстна неудачная комбинація

22) Ипат., 464—5, Никон., X, 27, Тверск., 285, Лаврент. 392.
23) Карамзинъ, III. примѣч. 95, р. 46, Арцыбашевъ, I, 237, Татищевъ, III, 277.

Стрыйковскаго, пытавшагося заполнить пробѣлъ лѣтописей, выдвинувъ какого то Бориса Гинвилловича. Съ конца прошлаго вѣка сыплются нападки на Стрыйковскаго, а между тѣмъ удовлетворительно вопросъ всетаки нерѣшенъ. Самое обычное объясненіе — это то, что Полоцкъ переживалъ въ концѣ XII в. смутное время, управлялся единственно вѣчемъ, пока имъ не завладѣли Литовцы. Въ промежуткѣ этого времени на фонѣ Полоцкой исторіи появляется князь Владимиръ, о которомъ разсказываетъ Генрихъ Латышъ. Лыжинъ, ища этого Владимира, нашелъ его въ лицѣ Владимира Рюриковича [24]) и отожествлялъ обоихъ князей. Но это натяжка. Рюрикъ никакого соотношенія къ Полоцку не имѣлъ, какъ извѣстно, — а главное, — какъ Смоленское вліяніе къ концу вѣка потеряло всякую силу, мы только что видѣли. Кромѣ того упомянутый авторъ указываетъ на близкое родство Всеслава и Брячислава Васильковичей съ Смоленскими князьями и пр. Но такой переходъ всей Полоцкой земли къ Рюриковичу неестествененъ уже потому, что о такомъ близкомъ для Руси человѣкѣ знаютъ и южныя и смоленскія лѣтописи. Но самое главное это то обстоятельство, что Владимиръ Рюриковичъ родился только въ 1187 г. [25]), тогда какъ Генрихъ Латышъ въ первый разъ упоминаетъ о Владимирѣ Полоцкомъ около 1186 г.; это упустилъ Лыжинъ изъ виду въ своей статьѣ. Да и вообще едвали имѣетъ смыслъ попытка исканій Владимира Полоцкаго въ какомъ либо изъ Смоленскихъ или другихъ князей. Хотя наша лѣтопись не упоминаетъ имени Полоцкаго князя, но это не доказываетъ, что тамъ его не было. Вѣдь наши лѣтописи многаго, конечно, не знаютъ о Полоцкихъ дѣлахъ.

На рубежѣ XII ст. Смоленскъ оставляетъ свои притязанія на Полоцкъ, въ Смоленскія лѣтописи непопадаютъ извѣстія о немъ, центръ государственой жизни переносится къ Всеволоду во Владимиръ—причины молчанія понятны. Съ другой стороны, предполагать исчезновеніе очень многочисленныхъ Полоцкихъ князей — тоже нѣтъ основанія, ибо въ походѣ 1180 г. ихъ насчитано въ лѣтописи семь. Между тѣмъ Генрихъ Латышъ всѣми признается однимъ изъ добросовѣстныхъ хроникеровъ своего времени, котораго еще никто не

---

24) Извѣстія Акад. Наукъ, 1858 г., т. VII, р. 57.
25) Ип., 442.

могъ упрекнуть въ фактической, болѣе или менѣе важной, неточности.

Поэтому, намъ кажется, что вполнѣ естественнымъ считать Владимира непосредственнымъ преемникомъ на Полоцкомъ столѣ Всеслава. Въ самомъ дѣлѣ, лѣтопись упоминаетъ о Всеславѣ въ послѣдній разъ въ 1180 г., а Генрихъ Латышъ говоритъ, что Мейнардъ „accepta itaque licentia a rege Woldemaro de Ploceke, cui Lyvones adhuc pagani tributa solvebant“ [26]) etcet. Это было около 1186 г. Другой вопросъ, къ какой линіи Полоцкихъ князей принадлежалъ этотъ Владимиръ.

Заканчивая разсказъ о внѣшней исторіи Полоцкой области, нельзя не упомянуть объ извѣстіи Татищева о Владимирѣ Минскомъ. Сущность разсказа Татищева состоитъ въ слѣдующемъ. Въ 1182 году Василько Дрогицкій „поссоряся“ съ Владимиромъ Минскимъ, призвавъ въ помощь Поляковъ и Мазовшанъ пошелъ къ Бресту; на Бугѣ противники встрѣтились, Владимиръ проигралъ битву и ушелъ въ Минскъ, а Василько занялъ Брестъ; но „боясь самъ тутъ быть, оставилъ въ немъ брата жены своей съ Поляки, самъ возвратился въ Дрогичинъ“. Владимиръ Володаровичъ снова собралъ войско, получилъ помощь отъ князей Полоцкихъ, взялъ Брестъ, избилъ Мазовшанъ, снова пошелъ за Бугъ и наступилъ на Василька на рѣкѣ Бугѣ. Послѣдній потерпѣлъ пораженіе и удалился къ Лешку, но потомъ снова вернулся и съ помощью Поляковъ принудилъ его (Владимира) „оставя Подляшіе, область Василькову, выйти къ Бресту за рѣку Бугъ“ [27]). По нашему мнѣнію, не можетъ подлежать сомнѣнію, что имя Минска явилось здѣсь чисто случайно [28]).

Изъ разсказа Татищева ясно, что Владимиръ владѣлъ Брестомъ, что этотъ городъ однако принадлежалъ ему не какъ коренной удѣлъ, а только былъ придаткомъ къ тому удѣлу, который Татищевъ называетъ Минскимъ. Борьба на Бугѣ кого нибудь изъ Глѣбовичей Минскихъ, ихъ походы къ Бресту, Дорогичину весьма сомнительны, даже невозможны: Минскому князю съ маленькимъ войскомъ изъ

---

[26]) Heinrici Chronicon Lyroniae, ex recens. Arndt. Hannowerae, 1889 г. 1.

[27]) Татищевъ, III, 347.

[28]) Уже Арцыбашевъ замѣтилъ относительно этого извѣстія Татищева: „Мы не смѣли безъ точныхъ лѣтописныхъ словъ ввести этого переведеннаго отрывка въ наше изложеніе“, I, 228, примѣч. 1407.

своего маленькаго удѣла трудно было бы дѣлать огромные переходы къ Дорогичину и вообще въ Подляшіе, съ которымъ Полоцкъ не связывало ни одно событіе предшествующаго времени, пришлось бы проходить черезъ Пинскія и Ятвяжскія земли и пр. Далѣе, ни Татищевъ ни описанное имъ событіе не указываетъ ни однимъ словомъ на то, что тутъ есть какое нибудь соотношеніе къ землѣ Полоцкой. Кромѣ того въ передачѣ Татищева перепутаны мелкія подробности, на что указалъ уже г. Андріяшевъ, полагающій невозможнымъ приложить вполнѣ это извѣстіе къ Дрогичину [29]) Такимъ образомъ, названіе Минска попало случайно и есть перевранное имя какого нибудь города, каковыя неточности очень часто встрѣчаются у Татищева. Ближе всего предположить, что Татищевъ вмѣсто Пинскъ пишетъ здѣсь Минскъ [30]). Въ самомъ началѣ XIII в. въ Пинскѣ является Владиміръ, о борьбѣ съ Василькомъ котораго и дошли отголоски до Татищева.

Такимъ образомъ, повторяемъ, по нашему мнѣнію, непосредсредственнымъ преемникомъ на Полоцкомъ столѣ Всеслава Васильковича является Владиміръ, котораго не знаютъ русскія лѣтописи, но который хорошо былъ извѣстенъ Генриху Латышу, что вполнѣ естественно, вслѣдствіе отдѣленія Полоцкихъ интересовъ отъ интересовъ остальныхъ русскихъ земель.

Мы разсмотрѣли лишь исторію внѣшнихъ отношеній Полоцкой земли къ Смоленску и Новгороду за послѣднюю половину XII ст. Внѣшнія отношенія ея только и исчерпываются этими двумя сосѣдами; съ другой стороны, съ запада, съ начала 80-хъ годовъ начинаютъ проясняться отношенія Полоцкой области къ Литвѣ и Нѣмцамъ. Но отношенія какъ тѣ, такъ и другія въ XII ст. еще слишкомъ незначительны, не ясны, ихъ можно понять только сопоставивъ съ важными фактами послѣдующаго времени, что не входитъ въ нашу задачу. Но теперь обратимся еще къ внутренней исторіи Полоцка, разсмотримъ тѣ теченія областной жизни, о которыхъ даютъ намъ хоть какія нибудь намеки наши источники.

Въ развитіи областной жизни Полоцка замѣчаются два главныя теченія—развитіе вѣчевыхъ началъ и стремленіе пригородовъ

---

[29]) Исторія Волынской земли, р. 49.

[30]) Какъ извѣстно Татищевъ многія географическія имена читалъ невѣрно въ рукописяхъ.

сдѣлаться болѣе самостоятельными. Факты, относящіеся и къ тому и къ другому вопросу крайне скудны, большинство извѣстій было уже указано нами, а потому теперь придется еще разъ просмотрѣть ихъ со стороны внутренней жизни области.

Разсматривая распредѣленіе удѣловъ между Всеславичами, нельзя незамѣтить, что и въ Полоцкой землѣ происходитъ тоже явленіе, что и въ другихъ Русскихъ земляхъ. Полоцкій столъ, какъ главный въ области составляетъ достояніе всѣхъ Всеславичей, которые занимаютъ Полоцкъ или по старшинству, или вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, или же по приглашенію вѣча. Были ли послѣдніе два случая, занятія стола аномаліями, случайными явленіями, утверждать трудно; по крайней мѣрѣ можно намѣтить удѣлы тѣхъ изъ Всеславичей, которые оставили потомство мужское въ удѣльныхъ городахъ, но ни одна линія не владѣетъ послѣдовательно Полоцкомъ, всѣ линіи мѣняются. Полоцкій князь является лишь представителемъ области, но не имѣетъ, повидимому, фактической власти надъ остальными князьями и ихъ удѣлами. Поэтому едва ли не какъ представитель области упоминается въ походѣ 1103 г. на Половцевъ Давидъ Всеславичъ, а также и въ 1104 г. въ походѣ вмѣстѣ съ Мономахомъ на Глѣба Минскаго [31]). Съ 1128 г. Полоцкій столъ, противъ воли гражданъ („сътиснушася“) и по настоянію Мстислава Мономашича, занялъ Рогволодъ Всеславичъ вмѣсто Давида [32]) Въ 1133 г., съ началомъ княженія Ярополка, Полочане сажаютъ къ себѣ на столъ сына третьяго изъ Всеславичей—Василька Святославича [33]). Онъ княжилъ, повидимому, до 1143 г. и, вѣроятно, умеръ на этомъ столѣ, потому что занятіе Полоцка четвертымъ представителемъ Всеславичей—Рогволодомъ Борисовичемъ произошло безъ борьбы, по крайней мѣрѣ таковая, не занесена въ лѣтописи, а о Василькѣ она больше неупоминаетъ [34]). Наконецъ, въ 1151 г. Ростиславъ Глѣбовичъ Минскій занимаетъ столъ, послѣ того какъ Полочане „яша“ Рогволода [35]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ Всеславичи, кромѣ Романа, о смерти котораго лѣтопись упоминаетъ еще въ 1114 г., и

31) Ип., 183, 185.
32) Ип., 211.
33) Никон., 167.
34) Ип., 224.
35) Ип., 308.

Ростислава, вѣроятно не возвратившагося изъ ссылки и не оставившаго сыновей,—всѣ остальные побывали на Полоцкомъ столѣ или сами (Давидъ, Рогволодъ) или ихъ сыновья. Но вовсе нѣтъ случаевъ, чтобы племянникъ занималъ столъ при жизни дяди. Это наводитъ на мысль, что установившійся порядокъ занятія главнаго стола былъ таковъ, что его занималъ одинъ изъ Всеславичей; но думать что непремѣнно старшій въ родѣ занималъ главный столъ, факты не даютъ возможности. Исчисленные факты очень неполны для такого заключенія (главное—мы незнаемъ старшинства сыновей Всеслава), но даже прямо противорѣчитъ ему: повидимому избраніе зависѣло исключительно отъ воли вѣча; мы незнаемъ только, какъ сѣлъ первый преемникъ Всеслава—Давидъ, по избранію или по назначенію отца, но уже Рогволодъ Всеславичъ не по родовому старшинству занималъ столъ. Василько Святославичъ и Ростиславъ Глѣбовичъ тоже по избраніи и т. д. Но вѣче старается избирать старѣйшаго изъ князей,—это очевидно; причина такого явленія естественна: такой князь былъ хорошо извѣстенъ въ Полоцкѣ, успѣвалъ составить себѣ партію, вѣче могло надѣятся на умѣнье его поддержать интересы города, избавить его отъ междоусобія и проч.

Хотя и былъ признаваемъ въ древней Руси принципъ перехода главнаго стола данной области къ старшему въ семьѣ, какъ это строго выдерживалось въ Черниговѣ и Смоленскѣ, но относительно Полоцкаго стола этого сказать нельзя, какъ мы видѣли. Княжеская власть здѣсь не успѣла утвердиться, такъ какъ вѣче взяло рѣшительный перевѣсъ. Факты вѣчевыхъ рѣшеній мы уже не разъ указывали, но на переломѣ XII и XIII вѣковъ, когда наступаетъ смутное время въ исторіи Полоцкой земли, значеніе вѣча еще увеличивается. Добавимъ еще къ извѣстнымъ намъ фактамъ, что Полочане не только избирали себѣ князей и изгоняли ихъ, но также и заключали договоры, повидимому, безъ участія, по крайней мѣрѣ главнаго, представительнаго, князей своихъ.

Краткія извѣстія нашихъ лѣтописей очень краснорѣчиво говорятъ объ участіи вѣча въ междуземельныхъ отношеніяхъ. Такъ, уже разсказано, какъ въ походѣ Давида на Полоцкъ въ 1186 г. лѣтопись передаетъ рѣшеніе вѣча заключить союзъ съ Давидомъ: „и слышаша Полочане, и здумаша рекуще: не можемъ стати“ и пр. [36]). Точно

[36]) Лаврент., 383.

также самостоятельно заключаетъ союзъ съ Ярославомъ Новгородскимъ Полоцкое вѣче въ 1191 г. [37]). Однимъ словомъ, важные прерогативы Полоцкаго вѣча, кромѣ рѣшенія дѣлъ внутреннихъ, состояли въ правѣ выбирать и изгонять князя, заключать договоры съ сосѣдними князьями; въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній съ княземъ, оно призывало его къ себѣ на объясненія, какъ видно изъ переговоровъ съ Ростиславомъ Глѣбовичемъ; собиралось вѣче у собора св. Софіи. Современныя извѣстія высокаго мнѣнія о самостоятельности самоуправленія Полоцка. Всѣмъ извѣстно указаніе лѣтописи Быховца, почерпнутое, очевидно, изъ болѣе ранняго источника, что Полочане „вѣчомъ ся справляли какъ великій Новгородъ и Псковъ“ [38]). Стрыйковскій, увлекавшійся этою независимостью народнаго правленія въ Полоцкѣ, сочинилъ даже басню о правленіи 30 старѣйшинъ въ Полоцкѣ, которая, конечно, есть только подражаніе греческимъ извѣстіямъ о тридцати тираннахъ [39]).

Всѣмъ извѣстно выраженіе суздальскаго лѣтописца, „Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти якоже на думу на вѣче сходятся, на что же старѣйшии сдумають, на томь же пригороды стануть“.

Но приведенный взглядъ лѣтописца на отношенія пригородовъ къ главному городу нѣсколько не вѣренъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Полоцку. Лѣтописецъ, очевидно, приводитъ этотъ историческій принципъ древне-русской жизни, чтобы доказать правоту требованій Ростовцевъ. Но вездѣ, а тѣмъ болѣе въ Полоцкѣ, пригороды, по мѣрѣ возможности, постепенно, захватывали все большую и большую долю самостоятельности и независимости отъ главныхъ городовъ. Борьба ихъ видна въ самомъ началѣ исторической самостоятельности Полоцкихъ Кривичей. Такъ, мы уже видѣли, что въ походахъ на Глѣба Минскаго принимаетъ дѣятельное участіе съ Мономахомъ князь Полоцкій Давидъ, Минчане усердно защищаютъ своего князя. Въ этой поддержкѣ удѣла князю нельзя не видѣть борьбы его съ главнымъ городомъ, представителемъ котораго является Давидъ. Очень быть можетъ, что для Мономаха, дорожив-

---

37) Новгор., 164.
38) Pomniki do dzejaw zitewskich, Wilno 1846, изд. Нарбутта, p. 5.
39) Stryikowski, Kronika, въ изд. Даниловича стр. 240.

шаго старинными принципами древне-русской жизни, вмѣшательство въ дѣла борьбы удѣла съ главнымъ городомъ, кромѣ соблюденія своихъ интересовъ, имѣло также и принципіозное значеніе. Слѣдя далѣе за исторіею Полоцкой жизни, мы встрчаемся снова съ борьбой сыновей Глѣба Минскаго изъ-за Полоцкаго стола съ Рогволодомъ Борисовичемъ. Опять въ этой борьбѣ, не разъ упоминается, что именно Полочане, а не княжеская дружина являются главными защитниками Полоцкихъ интересовъ. Съ другой стороны, Дручане сильно поддерживаютъ своего кандидата на главный столъ, пока на немъ не утверждается Всеславъ Васильковичъ съ помощью Смоленскаго князя.

Такое отношеніе Полоцкихъ пригородовъ къ самому Полоцку станетъ для насъ вполнѣ понятнымъ, если мы постараемся вникнуть въ то, что такое представлялъ собою удѣлъ Полоцкой земли.

Слѣдя за борьбою князей изъ—за Полоцка, нельзя не замѣтить, что Полоцкіе удѣльные князья не переходятъ съ одного удѣла на другой, что еще сыновья Всеслава осѣли уже въ своихъ удѣлахъ. Такъ, мы знаемъ, что Глѣбъ Всеславичъ получилъ Минскъ и крѣпко держался его; сыновья его также владѣли Минскомъ и прилежащими городами. Полочане плѣннаго Рогволода отправили къ Ростиславу Глѣбовичу въ Минскъ, а его оттуда привели. Ростиславъ, узнавъ объ измѣнѣ Полочанъ пошелъ къ Володарю, брату своему, въ Минскъ, этотъ послѣдній, какъ видно изъ похода 1162 г. владѣлъ Городцемъ. Третій Глѣбовичъ „имѣя великую любовь къ Рогволоду", получилъ отъ него Стрѣжевъ, на сѣверной сторонѣ Двины; вѣроятно, Борисовичъ хотѣлъ разъединить силы противниковъ и далъ сѣверный городъ наиболѣе дружественно расположенному къ нему Глѣбовичу. Такимъ образомъ мы видѣли, что Глѣбовичи отъ начала до конца XII ст. держатся своего отцовскаго удѣла.

Тоже мы замѣчали и за остальными линіями. Василько Святославичъ, въ 1133 г. призванный Полочанами на столъ, владѣлъ несомнѣнно отъ отца своего Витебскомъ. Мы видимъ, что впослѣдствіи Всеславъ, сынъ его, владѣлъ этимъ удѣломъ [40]). Къ Витебскому удѣлу тянулъ и Изяславль. Рогволодъ, отнимая этотъ городъ отъ Всеволода Глѣбовича и отдавая его Брячиславу Васильковичу, мотивировалъ это тѣмъ, что „того бо бѣ отцина".

---

40) Ясно изъ извѣстія Ипат. лѣт., р. 406, 360 и др.

Борисовичъ Рогволодъ получилъ, вѣроятно, отъ отца, Друцкъ, граждане котораго поддерживали его съ такой охотой и въ которомъ мы видѣли сына его Глѣба Рогволодовича въ 1180 г., а въ 1196 г. Бориса, вѣроятно, также сына.

Не безъ вѣроятности также слѣдуетъ видѣть въ упоминаемомъ походѣ на Друцкъ въ 1180 г. Всеславѣ Микуличѣ изъ Логожска потомка Брячислава, сына Давида Всеславича, владѣвшаго этимъ городомъ [41]).

Изъ остальныхъ Всеславичей, Романъ и Ростиславъ, очевидно, не оставили потомства, а два Рогволодовича, отправленные Мстиславомъ въ Грецію (Никоновская лѣтопись сообщаетъ ихъ имена—Иванъ и Василій), очевидно, невернулись оттуда.

Изъ только что сказаннаго ясно, что Полоцкіе удѣлы, по тѣмъ или другимъ причинамъ, получили не временныхъ князей, но постоянныя линіи, чего не было въ другихъ областяхъ древней Руси въ данное время. Это обстоятельство значительно облегчаетъ пониманіе причинъ борьбы удѣловъ съ главнымъ городомъ. Получивъ самостоятельнаго князя, дорожащаго интересами удѣла, этотъ послѣдній естественно могъ оказать главному городу большее сопротивленіе, чѣмъ борясь самъ безъ постояннаго предводителя. Но нельзя не замѣтить также, что князь въ удѣлѣ былъ также ограничиваемъ властью мѣстнаго вѣча, какъ и въ Полоцкѣ; въ случаѣ нужды вѣче же являлось главнымъ помощникомъ князя. Описанные случаи борьбы представляютъ нѣсколько такихъ примѣровъ, въ которыхъ вліяніе вѣча очевидно. Пригородное вѣче также считало себя правоспособнымъ въ выборѣ и удаленіи князя, что мы ясно видимъ въ разсказѣ лѣтописи о вѣчевыхъ собраніяхъ въ Друцкѣ при приглашеніи туда Рогволода Борисовича и изгнаніи Глѣба Ростиславича.

Удѣльные князья распоряжались въ своихъ удѣлахъ, при дѣленіи владѣнія ими между членами своей семьи, по тому же принципу, по какому вообще дѣлились удѣлы между князьями области: старшій занималъ лучшій столъ, болѣе сильный, младшій—менѣе важный. Этотъ принципъ не успѣлъ развиться относительно главнаго города земли—Полоцка, какъ мы уже указали, но въ пригородахъ онъ едва ли не прилагался съ большею послѣдовательностью.

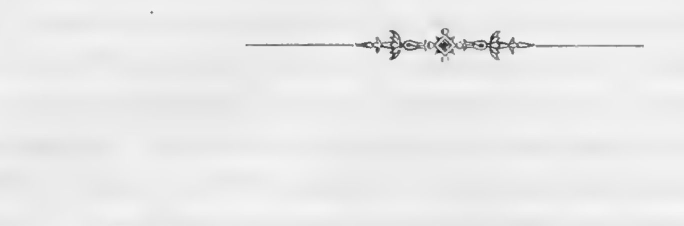
41) Ипат., 449.

Такъ, въ самомъ дѣлѣ, Ростиславъ былъ старшій, очевидно, изъ Глѣбовичей, за нимъ слѣдовалъ Володарь и Всеволодъ. Въ моментъ избранія Ростислава Полочанами мы видѣли его въ Минскѣ, но когда онъ удалился изъ Полоцка, то лѣтопись говоритъ, что Ростиславъ пошелъ къ Володарю въ Минскъ. Слѣдовательно, во время отсутствія его, братъ Володарь владѣлъ главнымъ городомъ удѣла Глѣбовичей, но когда братъ принужденъ былъ оставить главный столъ, Володаря снова мы видѣли въ Городцѣ — несомнѣнно менѣе важномъ удѣлѣ, чѣмъ Минскъ. Съ другой стороны, Всеславъ Васильковичъ владѣлъ Витебскомъ до занятія стола Полоцкаго, но завладѣвъ имъ, онъ передалъ Витебскъ брату своему Брячиславу, какъ это видно изъ похода на Друцкъ въ 1188 г. (разумѣется, Брячиславъ могъ владѣть Витебскомъ только въ тотъ незначительный періодъ времени, когда этотъ городъ отошелъ отъ Давида, то есть около 1180 года).

Но въ какомъ отношеніи находились удѣлы другъ къ другу и къ Полоцку къ концу XII ст.? Какъ кажется, источники даютъ поводъ утверждать, что удѣлы были совершенно самостоятельны во внутреннемъ управленіи и во внѣшней политикѣ согласовались или нѣтъ съ желаніями и видами главнаго города только тогда, когда это считалось полезнымъ. Такъ мы видимъ, что прежде Дручане съ княземъ своимъ Рогволодомъ заключили союзъ съ Святославомъ Ольговичемъ, находились подъ покровительствомъ Ростислава Мстиславича, не согласуясь, съ тѣмъ, насколько такіе союзы выгодны для Полоцка. Потомъ поддержкою Смоленскихъ князай пользовались Васильковичи, уступивъ даже за поддержку Витебскъ. Въ походѣ на Друцкъ 1180 года мы видимъ всѣхъ князей въ союзѣ съ Ольговичами, а одинъ только Глѣбъ Рогволодовичъ является сторонникомъ Давида, а въ 1195 г. Друцкій же князь Борисъ—уже противникъ Смоленскаго князя. Однимъ словомъ, князья удѣльные во внѣшнихъ дѣлахъ уже съ половины XII в. являются вполнѣ самостоятельными. Если каждый изъ нихъ въ отдѣльности признаетъ тотъ или другой союзъ полезнымъ, заключаетъ его. Иногда такимъ образомъ сходятся интересы большинства или всѣхъ князей; такъ всѣ они были противъ Давида въ только что названномъ походѣ, въ походѣ на него же въ 1190 г., въ соглашеніи съ Ярославомъ Новгородскимъ въ 1191 г.

Такимъ образомъ и здѣсь, въ Полоцкой области, развивались тѣже основы древне-русской общественной жизни, какія мы видимъ и въ другихъ областяхъ, но только съ тою разницею, что въ Полоцкѣ онѣ развивались гораздо скорѣе, а потому и оказались раньше обветшавшими, неудовлетворяющими жизненнымъ потребностямъ новаго общества. Но въ это время исторія выдвинула западныхъ сосѣдей Полоцкихъ Кривичей, молодое и здоровое Литовское племя, которое дало Полоцку, взамѣнъ его высоко культурныхъ началъ, жизнедѣятельныя силы.

Въ концѣ XII в. отношенія Литовцевъ къ Руси только начинаютъ зарисовываться на историческомъ горизонтѣ, а полное развитіе этихъ отношеній, замѣчательное въ культурномъ отношеніи взаимодѣйтсвіе двухъ народностей, доступно для историка только съ половины XIII ст., судьбы котораго не входятъ въ нашу задачу.

Того же автора:

Бѣлорусская свадьба и свадебныя пѣсни. Этнографическій этюдъ. Кіевъ, 1888 г.

„Гапонъ“ повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ языкѣ В. Дунина-Марцинкевича. (Очеркъ изъ исторіи Бѣлорусской письменности). М. 1889 г.

Очерки по исторіи Бѣлоруссіи. (Исторія Кривичей и Дреговичей до 1-й четв. XII в.), М. 1889 г.

Чародѣйство въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ XVII—XVIII ст. Истрико-этнографическій этюдъ. М. 1890 г.

Бѣлорусское Полѣсье. Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки для изученія быта населенія полѣсскихъ уѣздовъ Минской губ. Изъ „Трудовъ“ Моск. Общ. Люб. Ест., Антр. и Этногр. Томъ I. Матерьялы. М. 1891 г.

